

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·

1996

· ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

1996

НОЯБРЬ •

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ДЕКАБРЬ •

Содержание

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН

<i>Досталь М.Ю.</i> (Москва). Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР.....	3
<i>Аксенова Е.П.</i> (Москва). 50 лет Института славяноведения и балканистики РАН.....	26
<i>Волков В.К.</i> (Москва). Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы.....	45

СТАТЬИ

<i>Литаврин Г.Г.</i> (Москва). Свидетельство патриарха Никифора о рабах-византийцах у славян.....	58
<i>Косик В.И.</i> (Москва). Русская Церковь в Югославии. 1921–1939 годы.....	66
<i>Марьина В.В.</i> (Москва). Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 года). Документальный очерк.....	77

СООБЩЕНИЯ

<i>Дюришин Д.</i> (Братислава). Влияние П.Й. Шафарика на исследования междисциплинарной общности славянских литератур.....	89
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Мыльников А.С.</i> Этническое самосознание славян в XV столетии.....	92
<i>Козлова Н.Н.</i> Человек в контексте культуры. Славянский мир.....	95
<i>Топорков А.Л.</i> С.А. Иванов. Византийское юродство.....	96

Иванов С.А. "От мифа к истории": 15-я конференция цикла "Славяне и их соседи".....	99
Белова О.В., Петрухин В.Я. "Путь из варяг в греки": проблемы этнокультурного взаимодействия в средневековом мире.....	101
Верижникова Е., Демиденко С., Чепелевская Т. XXVIII Международный семинар македонского языка, литературы и культуры. Первая македонско-русская научная конференция.....	104
Плотникова А.А. «"Низшая" мифология балканских славян».....	107
Досталь М.Ю. Славянская идея в портретах ее идеологов и интерпретаторов.....	110
Чепелевская Т.И. Конференция "Автопортрет славянина".....	111
Щавинская Л.Л. Первые шаги филологической информатики.....	115

* * *

Памяти Н.И. Толстого (1923–1996).....	117
Памяти А.И. Рогова (1935–1996).....	120
Указатель статей и материалов, опубликованных в 1996 году.....	122
Новые издания ИСБ.....	125

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ю.С. НОВОПАШИН (главный редактор), **А.В. БОЛДОВ** (отв. секретарь),
М.А. ВАСИЛЬЕВ (первый зам. главного редактора), **Г.К. ВЕНЕДИКТОВ**,
В.К. ВОЛКОВ, **Р.П. ГРИШИНА**, **А.А. ГУГНИН**, **В.И. КОСИК**, **Г.Ф. МАТВЕЕВ**,
Г.П. МЕЛЬНИКОВ, **В.В. МОЧАЛОВА**, **С.В. НИКОЛЬСКИЙ**, **В.Я. ПЕТРУХИН**,
М.А. РОБИНСОН, **Л.А. СОФРОНОВА** (зам. главного редактора),
Б.Н. ФЛОРЯ, **В.А. ХОРЕВ**,
Т.В. ЦИВЬЯН (зам. главного редактора)

Зав. редакцией *И.И. Бизяева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Васильев М.А., Веслова И.Ю., Кошкина Е.А., Масленникова Е.Н., Стежковская Ю.Е.*

К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН

Славяноведение, № 6

© 1996 г. ДОСТАЛЬ М.Ю.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

Идея создания в России особого учреждения, занимающегося проблемами славяноведения, не нова. До Октябрьской революции 1917 г. процветающая отрасль отечественной науки – славистика – организационно была сосредоточена на специальных кафедрах большинства российских университетов: в Москве, С.-Петербурге, Казани, Харькове, Киеве, Варшаве. В Академии наук проблемы славистики изучались преимущественно в Отделении русского языка и словесности и некоторых специальных комиссиях, а также отчасти в Географическом, Этнографическом, Археологическом и других научных обществах. Общего координационного центра славяноведения, однако, создано не было [1].

Это обстоятельство возможно в какой-то степени способствовало тому, что новым властям довольно быстро удалось значительно сократить число ученых, профессионально занимающихся славистикой. И дело не только в их естественной "убыли" в годы голода и разрухи периода Гражданской войны и добровольной и насильственной эмиграции. Были причины и идеолого-политического порядка: ибо в доктрину начавшейся перестройки системы высшего образования на началах марксизма и пролетарского интернационализма совершенно не вписывалось существование в университетах кафедр славистики, объявленных "средоточием реакционной панславистской и контрреволюционной идеологии". Потому они и были распущены при реорганизации университетов едва ли не в первую очередь.

Последние кадры славистов сохранились в стенах старой Академии наук, всеми силами сопротивлявшейся своей "советизации". И именно здесь наиболее дальновидные слависты "старой школы", пытаясь сохранить хотя бы небольшие очаги славистики в структурах Академии, вынашивали планы создания общероссийского координационного центра славяноведения. Примером для них служило возникновение славянских институтов в ряде стран Европы: во Франции, Германии, Италии, Швейцарии, Югославии, Болгарии, Чехословакии и др.

Наибольших успехов в этом направлении добился, однако, "советский" академик Н.С. Державин (1877–1953). Участие в Первом съезде славянских филологов в Праге в 1929 г., встречи с чешскими коллегами, в большинстве своем состоявшими

Досталь Марина Юрьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

сотрудниками только что созданного там Славянского института, побудили его предпринять энергичные шаги по организации в СССР специального Института славяноведения, с несколько отличными, правда, от европейских институтов задачами [2, 3].

Такой институт был создан в Ленинграде в 1931 г. под руководством Н.С. Державина. Создан как раз в то время, когда органами ОГПУ было сфабриковано и развертывалось очередное дело – "дело славистов", по которому проходили и были репрессированы многие из оставшихся в СССР славяноведов [4]. За несколько лет своей работы Институт успел провести отдельные исследования, главным образом, в области новой истории, истории литературы и культуры славянских народов, издать два тома своих "Трудов".

В 1934 г., когда "дело славистов" было завершено, Институт славяноведения закрыли. Причины его ликвидации еще не до конца выяснены. Но уже сейчас очевидно, что компрометация этого учреждения целенаправленно проводилась по нескольким направлениям, как кадровым, так и идеологическим. Известно, что среди арестованных и обвиненных в шпионской и контрреволюционной деятельности были некоторые сотрудники Института. Сам Н.С. Державин чудом избежал ареста. В этот же период началась активная идеологическая кампания против "реакционного панславизма", славянская филология в связи с этим была объявлена "лженаукой", которая "льет воду на мельницу фашистам" [5] и т.д.

Далее наступило наиболее глухое время для дальнейшего развития славяноведения в СССР, когда его последние центры были ликвидированы или почти растворились в структурах других институтов [6].

Однако довольно скоро, в 1939 г., события в Европе и мире заставили советское руководство повернуться лицом к славистике. Начало второй мировой войны, сознание неизбежности войны с фашистской Германией определило поиск естественных союзников в будущей войне не только среди великих держав. Не случайно, что в идеологической подготовке к войне были взяты на вооружение и ранее отвергнутые идеи славянской солидарности. Снова потребовались специалисты по славяноведению. Именно в это время оказались успешными деятельные попытки немногих, либо уже работавших в других отраслях, либо недавно выпущенных на свободу ведущих славистов возродить очаги славяноведения в СССР. В 1939 г. была создана кафедра истории южных и западных славян в МГУ и сектор славяноведения в Институте истории АН СССР, возглавленные членом-корреспондентом АН СССР (с 1939 г.), профессором В.И. Пичетой (1878–1947) [7]. Группа сектора славяноведения под руководством Н.С. Державина начала свою работу в филиале Института истории в Ленинграде, были созданы славистические отделы в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра, Ленинградском отделении Института языка и письменности народов СССР и некоторых других научных учреждениях [8]. И уже в середине 1939 г. на заседании Отделения языка и литературы АН СССР академик А.С. Орлов поставил вопрос о необходимости создания комплексного Института славяноведения под руководством Н.С. Державина [8. С. 8–9].

Начало Великой Отечественной войны в 1941 г., с одной стороны, осложнило (эвакуация, материальные лишения, отсутствие архивов и библиотек), но с другой – стимулировало развитие славистики в СССР. Она получила необходимый социальный заказ и помимо решения чисто научных задач сыграла важную роль в идеолого-политической пропаганде против германского фашизма, воспитании патриотических чувств "советского народа". На этом этапе академик Н.С. Державин вновь предпринял усилия для воссоздания Института славяноведения АН СССР. Как видно из приведенных документов (приложение № 1, 2), он предложил три варианта организации комплексного центра славяноведческих исследований: Академия славяноведения, Институт славяноведения и Славянская комиссия. В 1942 г. удалось реализовать только последнюю идею, которую Н.С. Державин трактовал очень хорошо, считая Комиссию фактически прообразом будущего института (приложение № 3).

Филологам тоже была не чужда идея создания специального института, посвященного славянским проблемам, которую удалось реализовать в более узком варианте в Институте русского языка (приложение № 4, 5) в 1943 г. Подготовка филологов-славистов была обеспечена организацией в том же году кафедры славянского языкознания в МГУ [9].

Окончание войны, новые отношения с союзниками в освобожденных Советской армией странах ЦЮВЕ, (после распределения сфер влияния среди великих держав), выдвигали перед советским руководством новые идеолого-политические задачи объединения славянских (и не только) стран вокруг СССР. На этом этапе широко использовались, как и в годы войны, идеи славянской взаимности и дружбы [10]. Это обстоятельство несомненно было глубинной подоплекой создания координационного центра славяноведения в Москве.

В борьбу за организацию и будущее руководство Институтом славяноведения вступили две группы лидеров советского славяноведения: академик Н.С. Державин, с одной стороны, и академики В.Д. Греков (1882–1853) и В.И. Пичета – с другой. Однако серьезная многомесячная болезнь Н.С. Державина в 1945 г. помешала ему активно участвовать в подготовке проекта создания Института славяноведения, о котором он так много ратовал в годы войны. Инициативу взял в свои руки директор Института истории Б.Д. Греков, послав в апреле 1945 г. докладную записку в ЦК ВКП(б) (приложение № 9).

В свою очередь, академик Н.С. Державин, едва оправившись от болезни, подготовил личное письмо И.В. Сталину, осторожно подводя жужа к мысли о том, что именно он – Державин – может и должен возглавить возрождаемый институт (приложение № 16). К сожалению, нам не удалось выяснить, как и с какой мотивировкой решался вопрос о создании Института в "высших инстанциях". Известно лишь то, что на рассмотрение Г.М. Маленкова (и, вероятно, других членов ЦК) "дело" об Институте поступило только в марте 1946 г. (приложение № 14). Далее приводимые документы показывают, что, видимо, после положительной "команды сверху" вопрос об Институте славяноведения рассматривался на заседаниях Президиума АН СССР 30 мая (приложение № 18) и 18 июня (приложение № 19, 20) как дело уже решенное. Его утверждение в Совете министров СССР состоялось 31 августа 1946 г.

Наконец, 20 сентября 1946 г. Президиум АН СССР принял окончательное решение об образовании Института славяноведения АН СССР в рамках Отделения истории и философии, определил его цели и задачи, структуру (приложение № 21, 22).

Фактически Институт начал свою работу с января 1947 г. и с тех пор по настоящее время является единственным академическим комплексным центром славяноведения в нашей стране.

Публикуемые документы обнаружены автором в трех архивах Российской Федерации: Архиве Российской академии наук (Москва, АРАН), Петербургском филиале Архива РАН (ПФ АРАН) и, наконец, в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Все они печатаются в точном соответствии с текстом, с соблюдением современных правил орфографии и пунктуации. Пропущенные слова и инициалы восстанавливаются. По техническим причинам подчеркнутые в оригинале слова и фразы в публикации набраны курсивом. Коллекция архивных документов дополнена тремя ранее опубликованными документами, необходимыми для полноты освещения вопроса о создании Института славяноведения АН СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.
2. ПФ АРАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 246. Л. 148, 197. Стенограмма выступления Н.С. Державина от 21 октября 1929 г.
3. Аксенова Е.П. Изгнанное из стен Академии (Н.С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 70.

4. Аншин Ф.Д., Алпатов В.М. "Дело славистов": 30-е годы. М., 1994.
5. Бернштейн С.Б. Трагическая страница из истории славянской филологии (30-е годы XX века) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 78.
6. Аксенова Е.П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5.
7. Уткина Л.И. Академик В.И. Пичета – организатор кафедры истории южных и западных славян в Московском университете // Вопросы историографии и истории зарубежных славянских народов. К 150-летию славяноведения в Московском университете. М., 1984.
8. Аксенова Е.П. Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х – начала 40-х годов XX в.) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992.
9. Гудков В.П., Новикова А.С., Широкова А.Г. Славянское языкознание в Московском университете // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1984.
10. Досталь М.Ю. Славянский конгресс в Белграде в 1946 г. // Славянские съезды XIX–XX вв. М., 1994.

Приложение

№ 1

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ АКАДЕМИКА Н.С. ДЕРЖАВИНА В ПРЕЗИДИУМ АН СССР ОБ ОРГАНИЗАЦИИ В СССР ЦЕНТРА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ от 17 августа 1942 г. (г. Казань)

...Великая Отечественная война советского народа с гитлеровской Германией объединила вокруг Советского Союза все славянские народы.

...Исторически сложившаяся таким образом для Советского Союза международная обстановка диктует АН СССР настоятельную необходимость безотлагательного принятия мер к налаживанию и укреплению культурных связей со всеми славянскими народами путем создания в сети научно-исследовательских учреждений АН СССР специального центра славяноведческих исследований. Вношу в Президиум АН СССР 3 проекта организации такого центра.

Проект № 1

Идя навстречу назревшей потребности укрепления культурных связей с славянскими народами путем развития и углубления в Советском Союзе славяноведных исследований Президиум АН СССР постановляет:

1. Создать в сети научно-исследовательских институтов Академии наук Всеславянскую академию славяноведения в Москве.

2. Привлечь к работе в ней советских славяноведов: историков, лингвистов, литературоведов и этнографов в области южно- и западнославянских народов, так и специалистов-славяноведов из южных и западных славян, а также и из неславянских дружеских нам стран Запада и США на равных правах с советскими учеными.

3. Организовать научно-исследовательскую работу для всех путем выполнения определенных плановых заданий, частью с отрывом от постоянного места жительства и работы, частью без отрыва (для периферийных советских и иностранных ученых).

4. Создать для Академии необходимые условия научно-исследовательской работы, научно-популяризаторской и издательской работы (труды, сборники, периодические органы, монографии, научно-популярная литература).

5. Ныне существующие в Историческом институте и в Институте языка и мышления им. акад. Марра АН СССР сектора истории славянских народов и славянского языкознания перевести в состав Академии славяноведения.

6. Организовать в Академии славяноведения специальную славяноведную библиотеку из славяноведных фондов фундаментальной библиотеки АН СССР, из дублетных фондов Ленинградской публичной и Ленинской московской библиотеки; из книжных вкладов, пожертвований славянских национальных и университетских библиотек по языку данных стран; из приобретений славяноведных библиотек как советских, так и иностранных ученых-славяноведов.

7. Организовать в составе Библиотеки Академии славяноведения специального славянского рукописного отдела путем передачи ему славянских рукописей Фундаментальной библиотеки АН СССР.

8. Организовать в составе Библиотеки Академии славяноведения специальный кабинет марксизма-ленинизма, хорошо обставленный всеми советскими изданиями и периодической литературой в этой области знания.

9. Организовать при Академии славяноведения общежитие для советских и иностранных ученых-славистов, приезжающих в Москву на сессии Академии и для специальных занятий в Академии.

10. Предоставить Академии славяноведения право иметь собственную внутри-академическую печать.

Проект № 2

1. В целях содействия славяноведным изучением в СССР и сосредоточения их в одном центре, восстановить в сети научно-исследовательских учреждений АН СССР Институт славяноведения (Инслав).

2. Возложить на Институт славяноведения АН СССР изучение истории, литературы, языков и этнографии всех славянских народов (восточных, западных и южных).

Примечание: Изучение истории России и СССР по-прежнему сохраняется в Институте истории Академии наук.

3. В целях объединения славяноведных изучений в одном центре, включить в состав Института славяноведения сектор истории славянских народов Института истории АН СССР и сектор славянского языкознания Института языка и мышления им. Марра Н.Я.

4. Предоставить Институту славяноведения АН СССР право издавать сборники своих трудов, периодический журнал, монографические исследования, учебники и учебные пособия, словари и популярную литературу по своей специальности.

5. Предоставить Институту славяноведения право иметь собственную внутри-академическую печать.

6. Установить штаты Института славяноведения в составе: Директор – 1, зам. директора – 1, ученый секретарь – 1, библиотекарей – 2, старших научных сотрудников – 30, младших научных сотрудников – 10, технический секретарь – 1, машинистка – 1, Зав. хоз. – 1, уборщицы – 2, аспирантов – 10.

7. Впредь до перевода всех ленинградских академических институтов в Москву, Институт славяноведения работает в Москве в составе 2-х отделений: ленинградского и московского.

Проект № 3

Славянская комиссия при Президиуме АН СССР

1. Признавая необходимым поднятие и развитие в Академии наук славяноведных изучений, организовать при Президиуме АН СССР впредь до окончания военных действий, Славянскую комиссию, объединив в ее составе всех работающих в

настоящее время в Институтах АН СССР специалистов – византиноведов и славяноведов – историков, литературоведов, лингвистов и этнографов.

2. Установить временный штат Славянской комиссии в составе: председатель – 1, зам. председателя – 1, ученый секретарь – 1, старших научных сотрудников – 5, референт – 1, машинистка – 1.

3. Предложить члену Президиума Академии Н.С. Державину представить в ближайшее время на утверждение Президиума АН СССР проект личного состава [Славянской] комиссии.

4. Предоставить Славянской комиссии все права научно-исследовательского Института АН СССР.

5. Установить временное местонахождение Славянской комиссии в г. Казани...

ПФ АРАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 77. Л. 15.

№ 2

ИЗ ПРОТОКОЛА № 20 ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АН СОЮЗА ССР

г. Свердловск, 25–27 августа 1942 г.

16. О научно-исследовательских работах по славяноведению¹ Докладчик академик В.П. Волгин

1. Исходя из необходимости развития и углубления работ по изучению славянских народов, их истории, языка и литературы, признать целесообразной организацию в системе Академии наук СССР Института славяноведения.

2. Поручить Бюро Отделений: истории и философии, литературы и языка разработать план необходимых организационных мероприятий, связанных с развитием научно-исследовательских работ по славяноведению.

3. Временно, до организации Института славяноведения для объединения научно-исследовательских работ, ведущихся в Академии наук СССР в области славяноведения, образовать Славянскую комиссию с привлечением к ее работам специалистов-славяноведов и византинистов.

Поручить академикам Н.С. Державину и В.П. Волгину представить на утверждение президиума АН СССР персональный состав Славянской комиссии.

4. Утвердить временный штат Славянской комиссии в составе пяти штатных единиц: председатель, зам. председателя, ученый секретарь, референт, секретарь-машинистка.

Выделение штатных единиц для Славянской комиссии произвести за счет штатов по Отделению литературы и языка.

5. Временное местопребывание Славянской комиссии считать г. Казань.

АРАН. Ф. 2. Оп. 6. № 33. Л. 14–15.

¹ С небольшими изменениями это постановление было опубликовано в журнале "Вестник АН СССР", 1942, № 9–10. С. 107.

АКАДЕМИК Н. ДЕРЖАВИН. ЦЕНТР СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В процессе борьбы свободолюбивых народов мира против гитлеровской Германии, как никогда, сплотились в единый боевой лагерь все славянские народы.

В этом, естественно подготавливавшемся в течение ряда веков международном объединении славянских народов, основанном на единстве языка, культуры и исторических традиций, кроется мощная международная сила, укрепляющая международную политическую мощь всех демократических народов, борющихся за свою независимость и свободу с немецкими захватчиками.

Исторически сложившаяся таким образом международная обстановка диктует АН СССР настоятельную необходимость безотлагательно принять меры к налаживанию и укреплению культурных связей великого советского народа со всеми славянскими народами. Одним из средств этого является создание в сети научно-исследовательских институтов АН СССР специального всесоюзного центра славяноведения.

На заседании Президиума АН СССР, состоявшемся в августе этого года, такой центр сейчас создан в виде Института славяноведения АН СССР. В качестве основной своей задачи Институт славяноведения ставит содействие развитию славяноведения в СССР путем широкой постановки изучения истории, литератур, языков и этнографии всех славянских народов – восточных, южных и западных. Институт славяноведения АН СССР будет работать в тесном контакте с Всеславянским комитетом и с научными работниками – специалистами по славяноведению – во всех славянских и дружественных нам неславянских странах, в первую очередь в Англии и США. Мы глубоко убеждены в том, что научно-исследовательская работа нашего Института славяноведения заинтересует широкие круги передовой общественности во всех славянских и дружественных нам неславянских странах. А когда гитлеровские разбойничьи армии будут окончательно разбиты и уничтожены и демократические народы Европы сбросят со своих плеч ненавистное иго презренного гитлеризма, мы сообщая со всеми нашими друзьями подумаем о том, как организовать работу нашего Института на началах широкого международного сотрудничества.

Славяне. 1942. № 6. С. 109.

№ 4

ИЗ ОТЧЕТА ОТДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
АН СССР ЗА 1942 г.

...Второй недочет в работе [...] в слабой и явно недостаточной разработке *русского* языка и в особенности почти отсутствие исследовательских работ по славянским языкам. Причинами этого являются отсутствие в составе Отделения Института, который считал бы своей основной задачей разработку вопросов русского и других славянских языков, отсутствие в составе [Отделения] необходимых кадров русистов и славистов и слабое руководство имеющимися кадрами..., разобщенность институтов... Отделения.

АРАН. Ф. 456. Оп. 1. Д. 80. Л. 17 об.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕЗИДИУМА АН СССР ОТ 21 ИЮНЯ 1943 г.

Из доклада академика Бруевича Н.Г. о кадрах АН СССР:

...Кадры Отделения литературы и языка требуют от нас самого пристального внимания, в особенности по языкам... Такие специальности как славяноведение, даже русский язык недостаточно представлены научными работниками. По славяноведению мы имеем единственного академика Державина; по русскому языку – академика Обнорского и очень небольшую группу научных работников...

Из выступления академика [М.Б.] Митина: ...Прежде всего по вопросу о славяноведении. Академик Бруевич докладывал, что имеется только один славяновед, академик Державин и больше никого нет. Что же предлагается в этом плане? По славянской литературе ничего, по славянскому языку один докторант, по зарубежному славяноведению ничего... Я считаю, что план составлен явно неправильно, заявка преуменьшена и в этом отношении надо внести исправления, может быть за счет других специальностей. Привлечь людей совершенно необходимо, потому что в течение ближайшего же времени этот вопрос будет стоять очень остро и, учитывая международную обстановку, нам необходимо иметь ряд людей, хорошо знающих и языки славянские, и историю.

Я просмотрел весь план Института истории, так как думал, что, может быть, в этом плане отражена необходимость подготовки аспирантов по истории славянского народа. Оказывается, что и по линии Института истории тоже ничего нет. Мне кажется, что это дело надо будет подправить...

Из выступления академика Н.С. Державина: В настоящее время, как известно, славянскими языками в средней школе не занимаются. Славянские языки в пединституте не изучаются. Славянские языки во многих университетах не изучаются. Где же молодой человек, окончивший среднюю школу и университет, где славянские языки не изучаются, может овладеть славянским языком, претендуя попасть в кандидаты? [в аспирантуру. – М.Д.]...

Из выступления академика В.П. Волгина: ...Конечно, было бы очень желательно, если бы это было возможно, увеличить количество аспирантских вакансий по целому ряду исторических дисциплин, в частности, по тем дисциплинам, о которых говорил тов. Митин: по истории славян, по истории восточных стран, по славянским и восточным языкам... Нужно довести до сведения наших руководящих органов о том, что по ряду специальностей мы не имеем кадров, из которых мы могли бы черпать материал для нашей аспирантуры, и указать на необходимость поставить соответственно преподавание в высших учебных заведениях. Пример, который приводил Николай Севастьянович, разителен... Очевидно, нужно обратить внимание Наркомпроса на то, что на филологических факультетах наших университетов должна быть поставлена подготовка по славянским языкам.

АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 56. Л. 16, 35, 40, 45.

ИЗ СТЕНОГРАММЫ ЗАСЕДАНИЯ УЧЕНОГО СОВЕТА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ОТ 9 НОЯБРЯ 1943 г.

Доклад академика Б.Д. Грекова "Основные вопросы пятилетнего плана Института истории".

...По сектору славяноведения работа идет большая и будет идти, потому что само

собой понятно, что интерес к истории славянства возрастает, поскольку и удельный вес славянства сейчас растет. Попытка Гитлера уничтожить не только само славянство, но даже интерес к нему кончилась самым печальным образом. Интерес к славянству, несмотря на это, даже благодаря этому, вырос. Наш сектор уже много сделал в этом направлении, и должен будет продолжать свою работу, конечно, не одну пятилетку, а много пятилеток, не только по истории культурной связи Руси со всеми славянскими народами, но и по истории каждого славянского народа в разрезе государственной, политической истории, истории культуры. Все эти сюжеты находят отражение в плане сектора славяноведения...

Из выступления члена-корреспондента АН СССР В.И. Пичеты:

...Я вполне согласен с Борисом Дмитриевичем [Грековым], что вопросам славяноведения сейчас придется уделять очень много внимания, придется на них, может быть, сосредоточить свое внимание.

Но должен сказать, что если будет организован Институт славяноведения, который объединит и историков, и историков литературы, и славистов, то он будет работать плодотворно, если мы будем иметь кадры. Положение с кадрами крайне неблагоприятно.

В конце концов в нашем секторе все же по преимуществу работают товарищи, которые пребывают в Союзе и которые при изменении условий жизни на своей родине нас оставят. Если они нас оставят, то мы очутимся в очень тяжелом положении. У нас имеются 2 полноценных работника и 4-5 аспирантов, которые пишут диссертации. Так что, если сейчас мы поставили некоторые вопросы, то это благодаря тому, что имеется ряд работников и такие знатоки, как З.Р. Неедлы. Когда это положение изменится, то наше учреждение очутится в тяжелом положении, тут никакой Институт славяноведения не поможет. Мне кажется, что для того, чтобы мы могли создать советское славяноведение, чтобы мы могли рассматривать те вопросы, которые нужно рассматривать советской науке, мы должны позаботиться о том, чтобы были кадры. Если кадров не будет, то тогда никакой Институт славяноведения никакой пользы не принесет, и поэтому выполнение всякого плана: перспективного, не перспективного, все равно будет возможно, пока имеются наши товарищи, которые живут в Советском Союзе... Я считаю необходимым обратить внимание на очень серьезный вопрос о советских кадрах по славяноведению..., который требует безотлагательного решения. Те два аспиранта, которые нам даны по постановлению Отдела кадров Академии наук, нас не устроят для того, чтобы мы могли создать кадры славистов...

АРАН. Ф. 1577. Он. 2. Д. 79. Л. 11-12, 52-53.

№ 7

ИЗ ПРОТОКОЛА РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР ОТ 28 ДЕКАБРЯ 1943 г.

Академик И.И. Мещанинов рассказал об организации в Отделении языка и литературы специального Института русского языка на базе двух языковых институтов: ленинградского Института языка и мышления им. Н.Я. Марра и московского Института языков и письменности народов СССР с привлечением ряда русистов. В задачи Института входит разработка проблем истории русского языка, как современного русского языка, так и его диалектов. Предполагается создать сектор "по языкам славянским, поскольку это смежные с русским языком", а также сектор балтийских языков на том же основании...

Из выступления академика В.Н. Образцова: Можно ли и следует ли... проявить некоторую заботу о сближении всех наших славянских языков? Вопрос о белорусском

и русском языках определенно можно поставить и в смысле орфографии даже, может быть, в смысле языка. Вопрос об украинском и русском языках сложнее, но тоже, мне кажется, можно поставить. И наконец, восточные (?) славянские языки – болгарский, сербский и т.д. Будет ли такая идея сближения языков где-нибудь проводиться? Если вы это будете проводить, это очень хорошо.

Из выступления академика Н.С. Державина: Этот вопрос уже мною поставлен в беседах и докладах в ЦК партии Белоруссии, и я встретил сочувствие. На эту же тему я беседовал с представителями украинской общественности. Но это, по-видимому, мы проведем в Институте славяноведения, это дело будущего.

АРАН. Ф. 2. Он. 3. Л. 59, 328, 334.

№ 8

ИЗ ОТЧЕТА О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ ОТДЕЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА ЗА 1944 ГОД

...В связи с тем, что во время Отечественной войны неизмеримо выросло значение русского языка и повысились общественные требования к научной разработке проблем русского языка, возникла необходимость объединения специалистов русского языка в единую научно-исследовательскую организацию, Институт русского языка, созданный на базе Института языка и мышления и Института языка и письменности народов СССР согласно постановлению Президиума Академии наук СССР от 28 декабря 1943 г....

АРАН. Ф. 456. Он. 1. Д. 99. Л. 8–9.

№ 9

АН СССР
Институт истории
12 апреля 1945 г.
Волхонка, 14

В ЦК ВКП(б)
Секретарю ЦК ВКП(б)
тов. Маленкову Г.М.
№ 23078

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ В СОСТАВЕ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

В настоящее время, в период все растущего взаимного сближения славянских народов, вопросы славяноведения становятся особенно актуальными. Однако славяноведение в Советском Союзе, хотя и имеет некоторые достижения, все же до последнего времени принадлежит к наиболее отсталым участкам советской науки, с разпыленными научными кадрами, лишенными научно-организационного центра.

Между тем освободительная роль Советского Союза в отношении славянских народов настоятельно требует, чтобы советское славяноведение заняло руководящее место в разработке вопросов истории славянских народов, в изучении их языков и литературы, в объединении славянских научных сил вокруг изучения славяноведческих проблем. Советское славяноведение несомненно привлечет к себе внимание славянских ученых, которые будут приезжать в Советский Союз для работы в советских архивах, для более тесного общения с исследователями, работающими на основе метода марксизма-ленинизма.

Ввиду этого вполне назрел вопрос о создании в Академии наук СССР, в составе

Отделения истории и философии, особого Института славяноведения, имеющего своей задачей научную разработку истории западных и южных славян и их исконных связей с восточными славянами, изучение их языков и литератур и состоящего из двух основных секторов: Сектора истории и сектора языка и литературы.

К числу проблем, принадлежащих разработке в первую очередь, относятся:

1. Изучение происхождения славянских народов и их исконных связей.
2. Русско-славянские отношения по русским архивным материалам.
3. История трудящихся народных масс в славянских странах.
4. Возникновение славянских государств и их борьба за свою независимость.
5. Внешняя политика славянских государств.
6. Образование Югославии, Чехословакии и Польши, новейшая история Болгарии.
7. История русского славяноведения.
8. Культурное развитие западных и южных славян в их взаимоотношениях с русской культурой.
9. Языки западных и южных славян.
10. История славянских литератур в их взаимоотношениях с русской литературой и др.

Для образования такого Института славяноведения имеются научные кадры, хотя и не особенно многочисленные. Можно указать на следующих лиц, целиком или частично отдающих свои силы изучению вопросов славяноведения.

В области истории:

Академик Греков Б.Д., член-корреспондент АН СССР Пичета В.И., член-корреспондент АН СССР Богоявленский С.К., член-корреспондент АН СССР Удальцов А.Д., профессор Тихомиров М.Н., профессор Грацианский Н.П., доцент Никитин С.А., Разумовская Д.Я. [Л.В.], Миско М. [В], Кондратьева В.Н., Шустер [У.А.], Богатырев [П.Г.] и др.

В области языка и литературы:

Академик Державин Н.С., академик Обнорский [С.П.], академик Булаховский [Л.А.] (УССР), академик Якуб Колос (БССР), академик Гудзий [Н.К.] (УССР), профессор Ржига [Ф.В.], доцент Бернштейн С.Б., доцент Кравцов [Н.И.], Вольпе Г. [Н.Н.] и др.

Кроме научных сил, работающих в Советском Союзе, к работе в Институте могут быть привлечены и ученые-слависты Чехословакии, Польши, Югославии и Болгарии.

В основу библиотеки Института славяноведения может быть положена библиотека ликвидированного Института славяноведения, переданная в свое время в Библиотеку Академии наук в Ленинграде; весьма желательно также приобретение для нового Института богатой славяноведческой библиотеки и архива Восточного института в Бреславле (полностью) и библиотеки Кенигсбергского университета (частично).

При Институте должен издаваться научный журнал, посвященный вопросам славяноведения. Весьма желательно превращение в такой научный журнал издаваемого в настоящее время Всеславянским комитетом журнала "Славяне".

Директор Института истории АН СССР, академик

Греков Б.Д.

Ученый секретарь Института истории АН СССР

Иванов Л.Н.

№ 10

АН СССР

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

Секретно

Б. Калужская, 11

тов. Г.М. Маленкову

14 июня 1945 г.

Отношения дружбы и сотрудничества, связывающие Советский Союз с западнославянскими и южнославянскими странами, настоятельно требуют усиления в Советском Союзе научной работы по славяноведению. В Академии наук СССР славяноведческая

работа ведется в двух организациях: в секторе истории славян Института истории, в секторе славянских языков Института русского языка и в Славянской комиссии Отделения литературы и языка. Это разделение немногочисленных специалистов по славистике между тремя учреждениями препятствует правильному и полному использованию научных кадров. При настоящих условиях нам представлялось бы целесообразным создать в системе Академии наук СССР единый Институт славяноведения с задачами комплексного изучения истории, языков и культуры славянских народов.

На основании изложенного Академия наук СССР просит Вас:

1) Разрешить Академии наук СССР организовать в ее системе Институт славяноведения с указанными выше задачами, влив в новый Институт, существовавшие ранее в Институтах АН СССР славистические сектора и Славянскую комиссию.

2) Предоставить Академии наук для размещения Института десять комнат в доме № 10 по ул. Кропоткина².

Президент Академии наук СССР академик

В.Л. Комаров

Вице-президент Академии наук

В.П. Волгин

№ 11

Секретно

14 июня 1945 г.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б) тов. Г.М. Маленкову

Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

В дополнение к письму Президиума Академии наук СССР по вопросу об организации Института славяноведения представляю на Ваше рассмотрение кандидатуры на замещение руководящих постов в этом Институте.

1. Директор Института – академик Обнорский Сергей Петрович, директор Института русского языка, крупнейший славист, пользующийся широкой известностью у нас и в зарубежных ученых кругах.

2. Зам. директора Института – член-корреспондент АН СССР Удальцов Александр Дмитриевич.

3. Зав. сектором филологии – академик Державин Николай Севастьянович.

4. Зав. сектором истории – член-корреспондент АН СССР Пичета Владимир Иванович.

Двое последних из перечисленных лиц руководят в настоящее время секторами тех же наименований в Институте русского языка и в Институте истории.

Вице-президент Академии наук СССР академик

В.П. Волгин

² Адрес Всеславянского комитета в Москве.

Бланк АН СССР

7 августа 1945 г.

ЦК ВКП(б) тов. Маленкову Г.М.

Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

Во изменение предыдущего письма по вопросу о руководстве предполагаемого Института славяноведения Академии наук СССР сообщая, что директором данного Института было бы желательно назначить академика Б.Д. Грекова. Намечавшийся на эту должность академик С.П. Обнорский ввиду болезни не сможет выполнять функции руководителя Института в целом. Он сможет тем не менее руководить разделом славянской филологии и быть заместителем директора. Другим заместителем директора может явиться специалист по истории славянских народов, член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета.

Вице-президент Академии наук СССР академик

В.П. Волгин

№ 13

АН СССР
Б. Калужская, 14В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)
тов. Г.М. МаленковуСекретно
№ 52461

8 августа

1945 г.

Во время недавних юбилейных торжеств в Академии наук СССР происходили заседания и встречи советских специалистов по славяноведению с иностранными учеными, представителями научных учреждений славянских стран и специальных славяноведческих институтов других стран.

При обсуждении перспектив развития славяноведения, все единодушно высказывались о необходимости организации большого научного журнала для освещения истории славянских народов, их культуры, литературы, языка, истории искусств, проблем этнографии и т.д. Все участники заседаний подчеркивали ведущую роль Советского Союза в развитии славяноведения. Были высказаны настойчивые пожелания о том, чтобы такой орган издавался в СССР.

В соответствии со сказанным просим Вас разрешить Академии наук приступить в 1946 г. к изданию журнала "Вопросы славяноведения". Если к тому времени будет создан Институт славяноведения Академии наук СССР – издание данного журнала может быть поручено ему. Этот журнал, будучи изданием международного характера, должен публиковать как статьи русских ученых, так и ученых зарубежных стран на их языках.

Полагаем, что в состав редакции целесообразно ввести как советских ученых, так и ученых славянских стран. Предположительно состав редакции: академики Б.Д. Греков, В.П. Волгин, Н.С. Державин, С.П. Обнорский, члены-корреспонденты АН СССР С.К. Богоявленский, В.И. Пичета, из иностранных ученых могли бы быть привлечены президент Чехословацкой академии наук, профессор Зденек Неедлы, президент Югославской Академии наук Александр Белич, президент Польский Академии наук, профессор Станислав Кутшеба, ректор Краковского университета, профессор Лер-Сплавинский, ректор Пражского университета, профессор Юрий Горак и др.

Вице-президент академии наук СССР, академик

В.П. Волгин

В СЕКРЕТАРИАТ тов. Маленкова Г.М.

Справка на №№ 23078 и 52461

По данному вопросу было доложено тов. Маленкову 8.III 46 г. См. № 16023 от вице-президента АН Волгина.

Руководитель группы консультантов
Управления пропаганды и агитации ЦК

Е. Городецкий
10.V.46

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 340. Л. 51-57.

№ 15

ИЗ ЗАПИСКИ ПО ПОВОДУ БЛИЖАЙШИХ ЗАДАЧ
И РАБОТЫ ВСЕСЛАВЯНСКОГО КОМИТЕТА,
СОСТАВЛЕННОЙ ОТВ. СЕКРЕТАРЕМ СОВИНФОРМБЮРО
Г. КОЛМАКОВЫМ
24 сентября 1945 г.

Направлена в ЦК ВКП(б)
тов. Баранову Л.С.

...VI. Необходимо организовать при Академии наук СССР Институт славяноведения. Он должен разрабатывать вопросы, связанные с историей славянских народов, с их борьбой против общих врагов, с их задачами, вытекающими из новой международной обстановки, сложившейся в результате победы над гатлеровской Германией и решающей роли в этой победе могущественнейшей славянской державы – СССР.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 733. Л. 228.

№ 16

ИЗ ПИСЬМА АКАДЕМИКА Н.С. ДЕРЖАВИНА
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР,
ГЕНЕРАЛИССИМУСУ тов. И.В. СТАЛИНУ
[начало 1946 г.]

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Разрешите обратиться к Вам с просьбой, исполнение которой, по моему глубокому убеждению, будет иметь большое политическое и культурное значение для дальнейшего развития нашей Великой Родины. Дело идет об организации Института славяноведения при АН СССР, как высшего научного учреждения, обязанного широко и глубоко развивать изучение истории, экономики, политики, языков, истории, литературы и этнографии славянских народов. Как Вам хорошо известно, русская наука и в прошлом занимала ведущее положение в мировом славяноведении, трудами русских ученых заложены были начала его и получены большие достижения. Однако, до

Великой Октябрьской социалистической революции, подлинные славяноведческие исследования могли развиваться у нас лишь с большим трудом, так как над ними тягело довлела узкоклассовая политика царской монархии с ее реакционными устремлениями. Только советская власть создала возможность развития подлинного научного, основанного на учении Маркса – Ленина славяноведения.

Великая Отечественная война с немецким фашизмом, завершившая победно вековую борьбу славянских народов с германизмом, по-новому поставила все вопросы научного славяноведения. В еще большей степени она заставила перестроиться наших славистов, заставила их подойти ближе к актуальным проблемам современности, заново пересмотреть многие старые, казалось бы решенные вопросы. Наиболее отзывчивые из советских славистов с самого начала войны поставили свои знания на службу Родине. Я лично за годы войны издал 6 книг и прочел десятки лекций по актуальным вопросам славянского движения.

Наша победа неизмеримо подняла престиж нашей страны среди славянских народов. СССР явился подлинным освободителем славянских народов не только от немецкого фашизма, но и от гнета господствующих в них реакционных клик. Великой любовью окружают нас все славянские народы Центральной и Южной Европы, с восхищением они следят за нашим развитием, справедливо видя в наших успехах залог их свободного, счастливого существования. Провозглашенные Вами начала нашей славянской политики являются началом новой эры в развитии всего славянского мира.

Тем более ответственными становятся задачи нашей славяноведческой науки. Мне лично, во время моей поездки в Болгарию и Югославию, тысячи раз пришлось убедиться в том, с каким уважением и глубоким интересом относятся к нашей науке не только ученые, но и широкие круги общественности этих стран, какими знаками внимания и преданности они осыпают нас, советских ученых. Они ждут от нас много нужного для них как воздух, и мы обязаны это им дать.

Многие десятки лет моей научной работы я лелеял мечту о создании у нас крупного центра научно-славяноведческой мысли. Я хорошо понимал, что для этого нужно многое: нужны не только и не просто научно-грамотные люди, а люди, хорошо понимающие задачи и пути нашей славяноведной политики, горячие патриоты своей Великой Родины, люди, преданные ее Вождю. И только теперь, после годов тяжелых испытаний, перенесенных нашей страной и всем славянским миром в борьбе с немецким фашизмом, окончательно созрели все предпосылки для создания и успешного развития такого научного учреждения.

Работая над этим делом, я все последние годы присматривался к нашим ученым и нашей молодежи. На заседаниях созданной мною Славянской комиссии АН СССР прошли десятки людей различного круга знаний, склонностей и интересов, узкие специалисты и люди с широким кругозором, политически острые и деятельные. Отчетливо выяснилось, что нельзя приблизить к руководству этим делом людей, может быть, и достаточно научно подготовленных, но застывших в круге узких проблем славистики, проблем, к тому же нередко весьма далеко отстоящих от современности.

Не скрою от Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, что здесь, как и во всяком деле, наиболее трудной является проблема кадров. Людей вполне подходящих вести сейчас эту работу не так много, они уже собраны мною в небольшой дружный коллектив.

Разумеется, надо будет широко развернуть подготовку молодежи, и я уверен, что с помощью партии и правительства эта задача вскоре может быть разрешена. В руководимых мною секторе славянских языков Института русского языка АН СССР, отделениях славяноведения МГУ и ЛГУ, в аспирантуре Института истории АН СССР есть достаточно молодых людей, желающих работать и способных к работе.

Наша социалистическая Москва уже теперь является обетованной землей ученых славянских стран. Редкий месяц проходит без того, чтобы кто-нибудь из них не прие-

хал к нам. Надо это паломничество превратить в систему, надо сделать так, чтобы и в области славяноведения СССР стал ведущей мировой державой.

Таковы результаты моих размышлений, к которым я пришел после многих (49-ть) лет моей научной работы, неоднократных посещений зарубежных славянских стран, после всего пережитого и передуманного в годы Великой Отечественной войны. Я еще и еще раз продумал и проверил все в месяцы своего тягостного вынужденного отрыва от научной работы. С января с.г. [1946. – *М.Д.*] я уже полностью вернулся к моему делу ученого-слависта, за эти месяцы я подготовил монографию о великом болгарском поэте-революционере Христо Ботеве и закончил освежение материала IV-го тома моей "Истории Болгарии".

Возвращаясь теперь к более широкой деятельности, я прошу Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, рассмотреть мое заявление и дать по нему соответствующие указания.

(Было ли послано это письмо и отклики на него нам неизвестны).

ПФ АРАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 44. Л. 3–6.

№ 17

ИЗ СТЕНОГРАММЫ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АН СССР

от 31 января 1946 г. "О деятельности представительств АН СССР в Германии"
(докладчик академик В.С. Кулебакин)
и "О результатах работы комиссии по принятию
Русского заграничного исторического архива"
(докладчик генерал-майор И.И. Никитинский)

...Находясь в Праге, Комиссия провела очень серьезную работу по установлению научных связей с учеными и научными учреждениями Праги. В частности, мы были приглашены в Пражский университет. Здесь по просьбе ученых университета И.И. Минц прочел лекцию о методологии истории СССР. Было прочтено несколько публичных лекций. В частности, я прочел лекцию об обороне Москвы в 1942(?) году, С.К. Богоявленский и тов. Сутоцкий также прочитали лекции. Наши лекции вызвали оживленное обсуждение в печати, хорошие отзывы и привлекли очень большую аудиторию. Мы имели также другие связи с учеными, дали много консультаций, разъяснений.

В особенности очень интересуются вопросами развития славяноведения. Нас просили поставить этот вопрос в Академии наук с тем, чтобы его двинуть более энергично. Некоторые чехословацкие ученые, – правда, они по своему весу очень незначительны, – поставили вопрос о создании там университета славяноведения. Наконец, они проявили инициативу созыва специального съезда по изучению истории славянства. Мы высказали мнение, что примем в ней участие, однако, считаем, что центром славяноведения должна быть Москва, а не Прага – там и ученых мало, у нас ученых больше, и инициатива исходит из Москвы...

Генерал-майор [И.И.] Никитинский: Есть такое дополнение: поручить Институту истории Академии наук рассмотреть предложение чехословацких ученых об улучшении изучения истории славянства.

Академик [С.И.] Вавилов: В связи с этим вопросом не стоит принимать такое постановление. Это очень актуальный вопрос и он совершенно не забыт Академией наук. Здесь есть трудности. Уже давно стоит вопрос об организации Института славяноведения в Академии наук. Он сейчас согласовывается в руководящих органах.

Академик [В.П.] Волгин: Институт истории об этом не забывал...

АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 77. Л. 67, 71

ИЗ ПРОТОКОЛА РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕЗИДИУМА АН СССР
от 30 мая 1946 г.

Структура и задачи учреждений Отделения и философии
...9. Институт славяноведения АН СССР

1. Сектор западных славян
2. Сектор южных славян

Оба сектора имеют одинаковые задачи: изучение истории, языка и литературы славянских народов, истории их государств, внешней политики, русско-славянских отношений и культуры славян

АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 57. Л. 165

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕЗИДИУМА АКАДЕМИИ НАУК СССР
от 18 июня 1946 г.

Список вновь организуемых учреждений АН СССР,
подлежащих утверждению Советом Министров СССР

...Об организации Института славяноведения

1) Считать целесообразным организовать Институт славяноведения в г. Москве на базе сектора славяноведения, группы византиноведения Института истории АН СССР, сектора славянских языков Института русского языка АН СССР и Славянской комиссии.

Институт организуется с целью объединения всей научно-исследовательской работы в области истории, языка и литературы славянских народов и для объединения научных славяноведческих сил.

Основными задачами Института являются: изучение истории западных и южных славян и русско-славянских отношений; изучение истории возникновения современных славянских государств, их внешней политики; изучение культурного развития западных и южных славян; изучение их языков и истории славянских литератур, а также научно-исследовательская работа в области византиноведения.

2) Определить следующую структуру Института славяноведения: а) сектор западных славян, б) сектор южных славян, в) сектор византиноведения, г) библиотека.

3) Передать из Библиотеки АН СССР вновь организуемому Институту библиотеку ликвидированного ранее Института славяноведения.

АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 54. Л. 58-59.

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АН СССР
от 18 июня 1946 г.

...*Академик Н.С. Державин*: Сегодня на Президиуме принят целый ряд очень важных решений, которые несомненно будут утверждены; решений очень важного народно-хозяйственного значения. Среди этих решений имеется, между прочим, и решение о создании Института славяноведения.

Правда, нас упрекали и в Советском Союзе и за его пределами в том, что у нас нет Института славяноведения. Этот упрек не совсем правилен, потому что этот Институт должен был быть организован давно, но ввиду военных событий создание его было отложено. Этим постановлением сейчас мы выполняем громадное международное дело. Я подчеркиваю, что создание Института славяноведения, давно учрежденного во всех славянских странах, в чем я убедился недавно, представляет акт международного значения. Поэтому нужно пожелание, чтобы этот Институт был создан и развивался в благоприятных для себя условиях.

Можно было бы высказать целый ряд пожеланий, но я от этого воздержусь. Тут пожелание нужно будет сделать в процессе работы, может быть, потребуется целый ряд отдельных доделок и тогда Президиум не откажется их сделать.

Например, такой важный раздел, как право, такой раздел, как язык, отдел фольклора. Отдел фольклора тесно связан с языком. Отрывание фольклора от языка невозможно. Поэтому, естественно, фольклор славянских народов должен найти свое место в этом Институте славяноведения.

Однако, повторяю, сейчас не это важно, важно создание такого Института славяноведения, – в тех рамках, как это намечено Президиумом Академии, – это вполне удовлетворительно. Поэтому позвольте мне еще раз приветствовать создание этого Института и позвольте пожелать ему наибольшего, наилучшего развития и расцвета. Создания этого Института ждет не только наша страна, но его ждут и за рубежом, во всех славянских странах.

Не сомневаюсь, что мы достигнем наилучших результатов в работе Института. Правда, надо сказать, что славяноведческие круги у нас небольшие, довольно жидкие, но я могу добавить к этому, что не лучше они и у западных славян, у западных народов, – в Польше почти все славяноведы убиты, умерщвлены, в Болгарии осталось два человека, в Сербии – один человек. Естественно, что там смотрят на Советский Союз, как на своего вождя, у которого они хотели бы учиться, хотели бы пользоваться его помощью. Это очень ответственная задача, но я не сомневаюсь в том, что мы с ней справимся.

Академик Б.Д. Греков: Я маленькую поправку хотел бы сделать. Я хочу сказать, что когда мы принимали этот план, то мы его в чрезвычайно общем разрезе строили: изучение южных славян, изучение западных славян. А внутри каждого, конечно, подразумевается и язык, и право, и все, что необходимо для славяноведения. Все это охватывается в полном объеме. Тут просто детали отсутствуют, но они мыслятся сами собою.

Академик В.П. Волгин: ...Относительно Института славяноведения – здесь дал разъяснение Борис Дмитриевич, и мне кажется, что это основано на недоразумении, то есть замечания Николая Севастьяновича относительно отсутствия ряда проблем в тематике основано, может быть, на недостаточно развернутой редакции Объяснительной записки, потому что мы все предполагаем, что также, как язык, литература, фольклор будет обязательно предметом изучения в Институте славяноведения.

Что касается права, то здесь имеет место некоторая неясность, ибо, как известно, юристов, занимающихся славянскими странами, у нас очень немного и Институт права не может отказаться от того, чтобы у него были работники, занимающиеся славян-

ским правом. Этот вопрос требует дальнейшего уточнения, но, конечно, если наличие кадров позволит, мы в этом Институте вопросами славянского права будем заниматься...

АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 74. Л. 158–161, 163–164.

№ 21

ИЗ СТЕНОГРАММЫ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕЗИДИУМА АН СССР
от 20 сентября 1946 г.

Об организации Института славяноведения АН СССР

Академик Б.Д. Греков: У всех членов Президиума имеется материал...

Академик В.П. Волгин: Мне кажется, нет необходимости зачитывать этот проект. Основное, что здесь нужно сообщить, – это структура Института и организация ряда мероприятий, которые этому Институту придется провести.

Академик Б.Д. Греков: Структура самая обычная, как бывает в каждом Институте. Мы наметили несколько секторов: сектор истории, сектор языка и литературы и сектор Византии, вернее – византино-славянских отношений, но мы не будем возражать, если вместо сектора будет группа византино-славянских отношений, так как кадров у нас еще нет.

Что касается библиотеки, то она может быть создана путем общих усилий. Вот собственно, все, что я мог бы сейчас сообщить по данному вопросу. Распространяться особенно нечего, так как проект постановления у всех членов Президиума имеется.

Академик С.И. Вавилов: Где библиотека существовавшего ранее института?

Академик Б.Д. Греков: Она в Ленинграде.

Академик С.И. Вавилов: А как относительно кадров?

Академик Б.Д. Греков: Мы наметили фонды, из которых можно черпать эти кадры: по истории 18 человек, по языку – 17, по истории Византии – 8. Мы просим соответствующую аспирантуру по всем этим разделам.

Что касается плана, то план выполняется, потому что эти работы проводятся на базе сектора славяноведения Института истории и Славянской комиссии. У этих учреждений есть свой план, и он в течение 1946 года и будет выполняться. Но на 1947 год план будет составлен новый, поскольку будет новое учреждение.

Затем мы просим при этом Институте создать международный бюллетень по славяноведению, который раньше осуществлялся у нас в Москве, потом был прикрыт, затем Варшава взяла его на себя; сейчас варшавские ученые предлагают сосредоточить это у нас. Я думаю, что это будет целесообразно. Для этого нужно было бы пригласить специалистов по славянским странам, и мы договоримся, как это сделать.

Последнее – насчет помещения. Поместить на Волхонке новый Институт невозможно. Приютить кое-как, конечно, мы приютим до конца года, сколько можно потерпим, – мы понимаем отлично, что нельзя родить помещение, но отыскать хорошее помещение совершенно необходимо, потому что этот Институт будет играть международную роль.

Академик [С.И.] Вавилов: Это понятно, вне пространства существовать нельзя.

Академик [Б.Д.] Греков: Может быть, было бы удобно похлопотать о здании по ул. Кропоткина, 10.

Академик [С.И.] Вавилов: Это хорошее помещение, нами о нем возбуждено ходатайство. Нет никаких возражений против этого постановления?

Академик [В.П.] Волгин: У меня только маленькие поправки.

Во-первых, в п. 1 упоминается группа византиноведения Института истории. Эта группа остается в Институте истории, так что, когда перечисляются организации, на базе которых создается Институт славяноведения, эту группу нужно выбросить, потому что она остается.

Во-вторых, вместо сектора Византии разрешить им только группу византино-славянских отношений, так как они этим только и могут заниматься в Институте славяноведения.

Академик [Б.Д.] Греков: Это правильно.

Академик [В.П.] Волгин: Эти поправки согласованы с дирекцией Института.

Академик [С.И.] Вавилов: Нет возражений? Принимается...

АРАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 81. Л. 77, 80–81.

№ 22

ИЗ ПРОТОКОЛА № 23 РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА АН СССР

от 20 сентября 1946 г.

4. Об организации Института славяноведения АН СССР

Докладчик академик Б.Д. Греков

В обсуждении участвовали: академики В.П. Волгин и С.И. Вавилов.

В соответствии с постановлением Совета Министров Союза СССР от 31 августа 1946 года за № 1963 от организации Института славяноведения АН СССР Президиум Академии наук СССР постановляет:

1. Организовать Институт славяноведения в г. Москве на базе сектора славяноведения Института истории АН СССР, сектора славянского языка Института русского языка АН СССР и Славянской комиссии.

2. Возложить на Институт славяноведения научную разработку истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовку квалифицированных специалистов-славяноведов.

3. Утвердить следующую структуру Института славяноведения:

- 1) сектор истории,
- 2) сектор языка и литературы,
- 3) группа византино-славянских отношений,
- 4) библиотека.

4. Утвердить директором Института славяноведения АН СССР академика Б.Д. Грекова, с последующим представлением его на утверждение Общего собрания. Утвердить заместителями директора Института славяноведения члена-корреспондента АН СССР В.И. Пичета и академика С.П. Обнорского.

5. Славянскую комиссию, как самостоятельное учреждение ликвидировать, передав ее штаты и ассигнования Институту славяноведения.

6. Поручить Штатно-бюджетной комиссии АН СССР утвердить штаты и ассигнования Института славяноведения, определив количество штатных единиц и ассигнований, передаваемых вновь организуемому Институту из Института истории и Института русского языка АН СССР.

7. Разрешить Институту славяноведения организовать докторскую и кандидатскую аспирантуру с количеством аспирантов до 20 человек.

8. Поручить Институту славяноведения выполнить в 1946 году планы научных работ по славяноведению, утвержденные Президиумом АН СССР по Институту истории и по Славянской комиссии, и представить к 1 ноября с.г. проект плана исследовательских работ на 1947 год и на 1947–50 гг.

9. Поручить комиссии в составе академика Б.Д. Грекова, И.И. Яковкина и Д.Д. Иванова определить книжные фонды, выделяемые из библиотеки Академии наук для библиотеки Института славяноведения.

10. Поручить Редакционно-издательскому совету рассмотреть вопрос об издании международного бюллетеня по славяноведению.

Отделению истории и философии поручить рассмотреть вопрос о созыве совещания с участием славяноведов СССР, Польши, Чехословакии, Югославии и Болгарии, для обсуждения вопросов, связанных с этим изданием.

11. Поручить Управлению делами АН СССР рассмотреть вопрос о постоянном помещении для Института славяноведения, исходя из необходимости 400–500 кв. м рабочей площади.

АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 58. Л. 125–126.

№ 23

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА ОТВЕТСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ СЛАВЯНСКОЙ КОМИССИИ

Валентина Тихоновича Дитякина
академику Николаю Севастьяновичу Державину
от 25 октября 1946 г.

Опубликовано в кн.: Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX в. М., 1992. С. 134–136.

...11 сентября меня, как секретаря Славянской комиссии, вызвал академик [Б.Д.] Греков и сообщил мне, что 7–8 сентября³ Совет министров СССР вынес постановление об организации Института славяноведения Академии наук и назначил его дирекцию в составе [Б.Д.] Грекова, [С.П.] Обнорского и [В.И.] Пичеты. [Б.Д.] Греков просил меня дать ему список работников по группе языка и литературы, принимавших участие в работе Славянской комиссии. Я, считая необходимым устроить в Институт славяноведения возможно большее число работников Славянской комиссии, дал ему список известных Вам 18 человек. Это – лишь материал для обоснования просимых штатов (на 73 человека с администрацией и техническими работниками). По его же просьбе я просмотрел составленный [В.И.] Пичетой список работников по сектору истории, там оказались только старые сотрудники Сектора славяноведения Института истории. Я предложил пополнить список т[оварищами] [Ф.Т.] Константиновым, [С.П.] Рудных, [Т.С.] Горбуновым, но встретил, по существу, отказ.

Нечего говорить о том, в каком настроении мы все находимся. По договоренности с ближайшими товарищами, я должен был стараться провести больше своих, но до сих пор в этом отношении ничего не сделано. Институт начинает функционировать с 1 ноября, существуя пока, – до нового года, вероятно, по старым штатам сметных учреждений. Новые кредиты и прочее едва ли будут раньше 1 декабря.

24-го октября меня вызвал [В.И.] Пичета и предложил представить план работы на 1947 и 1947–1950 гг. Я решил представить ему выписку из представленного нами и утвержденного Вами плана наших работ по Славянской комиссии. Рассуждал так. Я не знаю, как Вы относитесь к Институту славяноведения, будете ли Вы работать в нем и на какой должности. [Б.Д. Греков] показал мне список, где Ваша фамилия стояла первой по сектору истории, но тут же при мне решил и перенес ее первой по сектору языка и литературы. Вчера [С.Б.] Бернштейн сообщил мне, что в Институт славяно-

³ Неточность. См. документ № 22.

ведения передаются три единицы сектора славянских языков Института русского языка – Вы (зав. сектором), он и [А.Г.] Широкова. Раз это так, то я не вижу основания – не давать выписки из нашего плана; это, конечно, ни в какой степени не обязывает Вас ни к чему – список я даю по переходящим темам Славянской комиссии, как ее бывший секретарь.

Меня беспрерывно осаждают с звонками и разговорами о Вашем приезде и перспективах работы. Все до единого, работавшие с нами в Славянской комиссии, недоумевают, волнуются и ждут Вашего приезда. Я еще не встречал человека, который бы не был бы возмущен совершенным и который не хотел бы немедленного приезда Вашего и взятия Вами дела в свои руки.

Ваши младшие товарищи предпринимают в этом отношении различные шаги, но, скажу прямо, Ваше отсутствие связывает руки. Ведь и раньше Ваше позднее возвращение к работе сыграло свою отрицательную роль.

Как удалось выяснить (не знаю, насколько точно), представление об Институте подано было [Б.Д.] Грековым и [В.И.] Пичетою в руководящие органы еще в конце февраля – начале марта с.г.⁴, то есть когда Вы еще не приступали к работе и это обстоятельство, конечно, было широко использовано. Решение руководящих органов было вынесено ими именно по этому представлению, а не по предложению Президиума АН 18 июня.

Но это история, которой я, как историк, несколько увлекся. Вас ждут как манны небесной. Дата приезда примерная. Стоит ли Вам ждать сессии, ведь Президиум Академии уже начал работу. Кстати, постановление правительства было реализовано на Р[аспорядительном] з[аседании] 20.IX, о чем, правда, я официального извещения до сих пор не имею. Как бы то ни было, с 20.IX нашей милой Славянской комиссии уже не существует!!...

ПФ АРАН. Ф. 827. Оп. 4. Д. 185. Л. 4 об.-б.

№ 24

ПРЕЗИДИУМ АН СССР РАСПОРЯЖЕНИЕ № 848

Москва

14 декабря 1946 г.

В соответствии с постановлением Президиума АН СССР от 20.IX с.г. об организации Института славяноведения установить на 1946 г. штат Института в количестве 21 единицы, в связи с чем:

- 1) Передать в штат Института славяноведения из Института Истории 7 штатных единиц, из Института русского языка 3 штатные единицы и из Славянской комиссии 1 штатную единицу научного персонала;
- 2) Выделить дополнительно к этим штатным единицам Институту славяноведения 10 штатных единиц научного и научно-вспомогательного персонала;

⁴ Неточность. См. документ № 9.

3) Впредь до предоставления площади и установления административно-управленческого персонала возложить административно-хозяйственное и финансово-счетное обслуживание Института на Институт истории.

Вице-президент АН СССР академик

И.П. Бардин

Зам. председателя штатно-бюджетной комиссии,
академик-секретарь АН СССР

Н.Г. Бруевич

Разослано: Институт славяноведения, Отделение истории и философии, Институт истории, Институт русского языка, Славянская комиссия, ФИНО, Зубову, Управление кадров.

ПФ АРАН. Ф. 827. Оп. 3. Д. 44. Л. 15.

© 1996 г. АКСЕНОВА Е.П.

50 ЛЕТ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН

30 мая 1946 г. Президиум АН принял принципиальное решение об организации в Москве Института славяноведения с целью "объединения всей научно-исследовательской работы в этой области". 31 августа 1946 г. постановление о создании Института славяноведения принял Совет Министров СССР. В общих чертах судьба Института была решена. Детали его организации конкретизировались в постановлении Президиума АН от 20 сентября того же года. Новый Институт образовывался на базе сектора славяноведения Института истории, сектора славянского языка Института русского языка и Славянской комиссии АН. На Институт возлагалась задача "научной разработки истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовки квалифицированных специалистов-славяноведов". В круг научных исследований входили и некоторые проблемы византиноведения. Основные направления деятельности определялись достаточно широко, без детальной дифференциации. Этому соответствовала и утвержденная структура Института, включавшая первоначально сектор истории, сектор языка и литературы и группу византино-славянских отношений. В соответствии с профилем Института в нем создавалась библиотека. Подготовка научных кадров славяноведов должна была осуществляться через аспирантуру и докторантуру. Предусматривалось активное участие Института в издании международного бюллетеня по славяноведению. Первым директором Института славяноведения был утвержден академик Б.Д. Греков, а его заместителями – академик С.П. Обнорский (ввиду болезни практически не участвовавший в работе Института) и член-корреспондент АН СССР В.И. Пичета (из-за смерти в 1947 г. не успевший развернуть свою деятельность на этом поприще). Впоследствии Институт возглавляли: член-корреспондент АН СССР П.Н. Третьяков (до 1958 г.), И.И. Удальцов (до 1962 г.), И.А. Хренов (до 1969 г.), академик Д.Ф. Марков (до 1987 г.). В настоящее время директором Института является доктор исторических наук, профессор В.К. Волков.

В декабре 1946 г. были решены штатные, бюджетные и административно-хозяйственные вопросы работы Института. 31 декабря был подписан первый приказ по Институту славяноведения. Эту дату можно считать отправной точкой в истории Института, началом его деятельности. Одновременно с организационным оформлением научных исследований и сосредоточением научных сил в области академической славистики завершился длительный период борьбы за право славяноведения занимать свое место в ряду других гуманитарных наук.

В январе 1947 г. началась научная деятельность Института. В то же время оставались еще трудности организационного периода. Так, у Института не было своего поме-

Аксенова Елена Петровна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

щения и он ютился в части одной из комнат Института истории (в дальнейшем Институту была предоставлена собственная площадь в доме № 14 по Волхонке, затем он разместился в доме на Пречистенке, где ныне находится музей А.С. Пушкина, потом Институт занял особняк в Трубниковском переулке, в настоящее время помещается в здании Президиума РАН на Ленинском проспекте). В первое время в штате Института состояли всего 18 сотрудников. Более или менее нормально была организована только работа сектора истории (заведующий В.И. Пичета, после его смерти – С.А. Никитин), имевшего 12 научных сотрудников. В секторе филологии первоначально работали лишь три сотрудника. Из-за отсутствия научных сил пришлось временно отказаться от создания группы славяно-византийских отношений. Для широкой организации научных исследований в различных областях славяноведения необходимо было значительное увеличение штата.

Уже первый год работы Института показал, что назрела необходимость объединения вокруг него славистов, работавших в разных городах, координации их научных исследований. Прежде всего это касалось ленинградских ученых. Решение о создании подразделения Института в Ленинграде было принято Президиумом АН 7 июня 1950 г. В ленинградскую группу входили девять сотрудников во главе с академиком Н.С. Державиным (однако активная деятельность группы продолжалась недолго).

С годами число научных сотрудников Института увеличилось. На 1 января 1952 г. в нем работали уже 42 человека, а в 1954 г. – более 70. Рост научных сил позволил развернуть исследования в тех отраслях славяноведения, которые ранее не были обеспечены специалистами. Появилась возможность более углубленного изучения проблем лингвистики и литературоведения. С этой целью в 1951 г. из объединенного сектора филологии было создано два самостоятельных сектора: славянского языкознания (во главе с С.Б. Бернштейном) и славянских литератур (который с 1954 г. возглавил С.В. Никольский). Сектор истории также был разделен на два: сектор истории славянских стран периода феодализма и капитализма (зав. сектором С.А. Никитин) и сектор новейшей истории славянских стран (зав. сектором Л.Б. Валев).

Структурные изменения и увеличение штатов позволили существенно расширить тематику научных исследований Института: если в 1947 г. сотрудники работали над 19 темами, то к 1954 г. их число возросло до 31. С самого начала существования Института главным направлением его деятельности стала подготовка коллективных обобщающих трудов по истории славянских стран. Наряду с этим велось изучение исторических и культурных связей России со славянами, национально-освободительного движения, истории национальных литератур и языков славянских народов, диалектологии и грамматики славянских литературных языков, а также вопросов общеславянского и сравнительно-исторического характера. Новым, нетрадиционным направлением стала разработка проблем новейшей истории славянских государств. В 50–60-е годы проводились преимущественно страноведческие исследования с преобладанием польской и болгарской проблематики. Разрыв отношений с Югославией в конце 40-х годов повлиял на изучение этой страны и привел к временному свертыванию исследований в этой области.

Результаты научно-исследовательской работы находили отражение в печатной продукции Института. Уже в первый год работы было опубликовано около 40 печатных листов, в следующем году объем изданий возрос до 70 п.л. В 1951 г. этот показатель увеличился до 160 п.л., а в 1954 г. Институт выпустил уже 290 п.л. своих трудов. Вышли в свет первые тома "Истории Болгарии" и "Истории Польши".

Наряду с публикацией коллективных и индивидуальных работ Институту нужен был также постоянный печатный орган, который служил бы своеобразным центром объединения советских славяноведов. Таким органом с 1948 г. стали "Ученые записки" Института, выходившие до 1966 г. (было издано 30 томов). В 1951 г. к ним прибавилось еще одно издание – "Краткие сообщения Института славяноведения" (до 1965 г. увидело свет 43 выпуска).

В подготовке многих трудов принимали участие славяноведы не только Москвы и

Ленинграда, но и их украинские, белорусские и молдавские коллеги; сотрудники Института также координировали свою деятельность с учеными других академических институтов и университетов страны. Ученые Института принимали участие и в подготовке таких трудов, как "Всемирная история", "Очерки истории СССР", "История Москвы", "Революции 1848 г."

40–50-е годы были в истории Института периодом становления, накопления опыта, собирания научных сил, систематизации материала. Сталкиваясь в своей работе с недостаточностью и необъективностью информационной базы, ограниченные в своих разработках предписанными методологическими подходами, ученые Института не могли дать полную и непредвзятую картину развития славянских народов. Лишь после XX съезда КПСС (1956) стало возможным более критическое осмысление процессов в общественной жизни СССР и восточноевропейских стран (правда, этот период длился недолго, сменившись периодом застоя). Несмотря на определенный идеологический отпечаток, присущий работам того времени, труды Института объективно вносили вклад в развитие как отечественного, так и мирового славяноведения, приобретая все большую известность у нас в стране и за рубежом, в первую очередь в восточноевропейских странах, где многие издания Института были переведены и опубликованы. С годами авторитет Института укрепился не только в славянских странах, но и среди коллег из других государств. Этому способствовали не только труды Института, но и его международные связи.

Международные контакты ученых Института с зарубежными коллегами и научными учреждениями славистического профиля уже с первых лет работы Института стали приобретать систематический характер. Формы сотрудничества включали дискуссии по спорным или ключевым проблемам славяноведения, обсуждение подготовленных к печати трудов, работу в библиотеках и архивах разных стран, научные консультации. Разработка проблематики российско-славянских связей неизбежно вела к усилению международной кооперации в научных исследованиях, что выразилось прежде всего в подготовке серии публикаций документов и материалов, осуществляемых на двусторонней основе. Это позволило провести значительную работу по выявлению, систематизации и публикации обширных документальных комплексов. Начавшаяся еще в 50-х годах подготовка совместных изданий завершилась в 60–70-е годы выходом в свет сборников материалов и многотомных документальных серий. В ходе подготовки публикаций вырабатывались общие концептуальные подходы к решению тех или иных проблем истории славянских народов и их взаимоотношений. Координация работ была важна не только для историков, но и для литературоведов при подготовке ими обобщающих трудов по истории славянских литератур, а также исследований в области взаимоотношений славянских культур. Международные связи лингвистов Института способствовали разработке ими проблем диалектологии и подготовке таких трудов, как "Болгарский диалектологический атлас", "Атлас болгарских говоров СССР", "Серболужицкий диалектологический атлас" и др. Подготовка подобных изданий требовала большой предварительной экспедиционной работы, помощь в которой оказывали ученые славянских стран. Еще одной формой сотрудничества с зарубежными учеными было привлечение их к участию в тематических сборниках статей, выпускаемых Институтом. В 50-е – начале 60-х годов шел активный поиск наиболее приемлемых для всех стран, рациональных и плодотворных форм сотрудничества.

С момента образования Института важным видом его деятельности была подготовка молодых исследователей через аспирантуру. В 1947 г. в ней обучался 21 человек (десять историков, пять литературоведов, шесть лингвистов). В 1948 г. была организована и докторантура. В 1955 г. Ученому совету Института было предоставлено право приема к защите кандидатских и докторских диссертаций.

С ростом квалификации сотрудников Института становилась более многогранной его деятельность. В первые годы, имея в своем штате в основном молодых научных работников различного профиля и уровня подготовки, Институт вынужден был стро-

ить свою работу главным образом на основе индивидуальных тем с учетом специализации и личных интересов исследователей. Но уже в то время началась подготовка коллективных обобщающих трудов, и в дальнейшем именно эта форма работы становится преобладающей.

Расширилась тематика научных разработок. Возникали новые направления, проекты и программы, менялись теоретико-методологические подходы и представления об актуальности тематики, совершенствовались методические приемы и т.д. Историки большое внимание уделяли разработке проблем "народно-демократических революций", установлению "народно-демократического строя" и строительству основ социализма в славянских странах. В то же время велось изучение истории славян в средние века. Литературоведы исследовали демократические и революционные традиции в истории отдельных национальных литератур и их связи с освободительным движением, изучали возникновение и распространение метода социалистического реализма, межславянские литературные связи. Благодаря лингвистической дискуссии 1950 г. после длительного перерыва вновь получили возможность для дальнейшего развития сравнительно-исторические исследования в области славянского языкознания. Языковеды разрабатывали вопросы сравнительной грамматики славянских языков, грамматики литературных языков, славяно-балтийских языковых отношений, палеославистики, славянской этимологии и исторической лексикологии, топонимики, ономастики, акцентологии и др. Усилился интерес к истории славянской письменности.

Увеличение числа исследовательских направлений шло в основном за счет постановки тем новейшего периода, тесно связанных с социалистической ориентацией славянских стран и марксистским мировоззрением. Идея славянской общности в послевоенный период стала рассматриваться под углом зрения именно этой идеологии. Соответствующие концепции славянской истории и культуры преобладали и в научном сотрудничестве с коллегами из изучаемых стран. Но все же, несмотря на определенную идеологическую зависимость, создаваемые славяноведами Института труды объективно давали представление о реальных процессах, происходивших в славянских странах; их вклад в науку не может быть подвергнут сомнению.

С увеличением объема работ и уточнением хронологических границ объектов научных исследований возникла необходимость организационных изменений, приведения структуры Института в соответствие с новыми научными задачами. В 1961 г. были образованы группы (позже получившие статус секторов): истории культуры славянских народов (руководитель И.Ф. Бэлза), межславянских связей (руководитель И.С. Миллер) и славяно-германских отношений (руководитель В.Д. Королук). В том же году сектор новейшей истории был преобразован в сектор истории зарубежных славянских народов в эпоху строительства социализма и сектор истории периода капитализма. Временные рамки исследований второго исторического сектора были расширены до периода второй мировой войны. Изменение отношения в научных кругах к методам структурной лингвистики привело к созданию в Институте в 1960 г. сектора структурной типологии славянских языков (руководитель В.Н. Топоров, затем – Вяч. Вс. Иванов).

В состав Института вошла созданная в 1956 г. по инициативе академика М.Н. Тихомирова и руководимая им Археографическая комиссия (с 1968 г. ее возглавляет С.О. Шмидт). Она является самостоятельным подразделением в структуре Института. Задуманная как научный центр изучения истории, теории и практики археографии и смежных дисциплин, комиссия осуществляла и осуществляет выявление, учет, изучение и издание рукописных материалов. Эта работа ведется в тесном сотрудничестве с учеными Института. Комиссия издает "Археографический ежегодник" (ответственный редактор С.О. Шмидт). Свою деятельность комиссия начала с издания памятников древнерусской письменности.

В связи с уточнением структуры шло и перераспределение научных сил Института, а также пополнение их новыми кадрами. К середине 1960-х годов в Институте уже насчитывалось 147 специалистов, а число разрабатываемых ими тем возросло до 50.

Центральное место в исторических исследованиях занимали проблемы Октябрьской революции и ее воздействия на судьбы славянских народов, становления строя народной демократии в Восточной Европе, а также генезиса и развития феодальных отношений, национально-освободительного и рабочего движения, антифашистской борьбы. В повестке дня стояли разработки вопросов строительства социализма в славянских странах, славяно-германских отношений; широко развернулись исследования межславянских исторических и культурных связей. Филологи в основном продолжали и завершали работу над ранее поставленными темами, многие из которых исследовались в сравнительно-историческом плане. Велось широкое изучение литератур социалистической направленности, а также роли славянских литератур в духовной жизни России. Как самостоятельные появились направления, изучающие прежде всего межславянские культурные связи и искусство славян, проблемы истории культуры славянских народов. Лингвисты занимались описанием языковых систем, проблемами балто-славянских языковых и этноязыковых контактов, вели исследования в области индоевропейстики. Группа языковедов вела большую полевою диалектологическую работу в Полесье, изучая традиционную народную культуру. Увеличивался объем выпускаемых Институтом трудов.

Не ограничиваясь научно-исследовательской деятельностью, сотрудники Института проводили большую культурно-просветительскую работу, читая лекции и доклады на общественно-политические и научные темы по линии Общества "Знание", через Союз обществ дружбы с зарубежными странами и т.д.

Осуществление коллективных исследований проблемно-теоретического характера, подготовка к изданию совместных трудов и многотомных публикаций, проведение конференций различного уровня еще более укрепили связи ученых Института с представителями высших учебных заведений и научных учреждений Москвы, Ленинграда, Воронежа, Украины, Белоруссии, Молдавии, Литвы и др. Координации усилий славистов страны помогал, наряду с "Учеными записками" и "Краткими сообщениями" Института, выход серийных изданий: "Вопросы славянского языкознания", "Литература славянских народов" и др. Усилению источниковедческих исследований и ускорению введения в научный оборот новых документов, относящихся к славянским народам, способствовало серийное издание "Славянский архив" (1958–1963), а в последующие годы – отдельные сборники: "Славянское источниковедение", "Источники и историография славянского средневековья" и др.

Упрочение контактов славяноведов разного профиля произошло благодаря Координационному совещанию по актуальным проблемам славяноведения (январь 1961 г.), в котором приняли участие более 500 историков, литературоведов, фольклористов, лингвистов, археологов, этнографов и других специалистов. На совещании были подведены итоги работы в области славяноведения и намечены направления дальнейшего развития славистических исследований, определены первоочередные проблемы, согласованы основные формы сотрудничества, создан Научный совет по координации исследовательской работы в области славяноведения. В качестве реализации решений совещания была, например, предпринята большая работа по изучению диалектов карпатского ареала и Полесья.

Укреплялись и расширялись связи со славистами Болгарии, Польши, Чехословакии, Югославии. Научными партнерами Института являлись более 60 славистических учреждений и свыше 200 отдельных ученых зарубежных славянских стран. В 60-е годы уже традиционными стали совместные разработки тем и обсуждения завершенных трудов, подготовка к изданию документальных материалов. Среди таких объектов общих усилий – многотомные "Освобождение Болгарии от турецкого ига", "Восстание 1863 г.", "Документы и материалы по истории советско-польских отношений" и др. Примером долгосрочного многостороннего международного сотрудничества могут служить крупные лингвистические проекты: "Общеславянский лингвистический атлас", "Карпатский диалектологический атлас", "Общекарпатский диалектологический атлас". Расширялся обмен статьями, которые публиковались в изданиях Института и

зарубежных славистических печатных органах. Каждый год в иностранных изданиях публиковались рецензии на печатную продукцию Института, а некоторые труды были переведены и изданы в славянских странах. Начиная с 1958 г. сотрудники Института принимают самое активное участие в международных съездах славистов, составляя основной костяк делегации СССР. Стали регулярными научные командировки сотрудников Института в славянские страны и прием иностранных ученых в Институте. С конца 50-х годов стала развиваться новая форма связей – летние международные школы славяноведов при крупнейших университетах славянских стран, где молодые ученые имели возможность слушать специальные курсы лекций, посещать языковые занятия, принимать активное участие в дискуссиях с зарубежными коллегами и в то же время могли поработать в библиотеках и архивах.

В 1965–1966 г. прекратился выход "Кратких сообщений" и "Ученых записок" Института, издававшихся без определенной регулярности. Им на смену пришел журнал "Советское славяноведение", издающийся с января 1965 г. по настоящее время с периодичностью шесть раз в год (с 1992 г. журнал носит название "Славяноведение", его объем – около 12 п.л.; тираж за 30 лет издания не превышал 1200 экземпляров). Первым главным редактором журнала был И.И. Костюшко. На страницах единственного в стране славяноведческого журнала публикуются проблемно-тематические статьи, материалы дискуссий, документы, критические обзоры, библиография, научная хроника и др. В журнале находят отражение проблемы всего изучаемого региона. Авторами статей выступают не только сотрудники Института, но и ученые различных научных учреждений и учебных заведений страны, а также иностранные специалисты. Журнал получил известность в славистических кругах многих стран мира (достаточно сказать, что до 300 экземпляров журнала, как правило, рассылалось иностранным подписчикам).

С завершением серии обобщающих трудов по истории славянских стран и истории славянских литератур закончился важный этап в деятельности Института. Он выявил объем и характер знаний советских славяноведов в области истории и культуры славянских народов, степень изученности отдельных периодов, важнейших процессов, узловых проблем. Это помогло в определении дальнейших задач, в существенном углублении разработки ключевых направлений.

К концу 60-х годов Институт накопил немалый опыт работы, проводимые в нем исследования способствовали развитию отечественного славяноведения. Упрочились контакты с зарубежными коллегами. Вместе с тем стала очевидной необходимость дальнейшего расширения проблематики исследований. Это было связано, в первую очередь, с тем, что традиционно в отечественной историографии славянские народы изучались не изолированно, а в своих взаимосвязях с ближайшими соседями; зачастую было важно охватить весь регион, все геополитическое пространство, в котором развивались народы Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ); большинство из них к тому же составляли европейскую часть социалистического лагеря. Такой подход привел к качественным изменениям в деятельности Института. В сферу его научных интересов вошли Албания, Венгрия, Румыния, Греция, Кипр, а также проблемы взаимоотношений народов балканского региона с Турцией. В связи с этим в 1968 г. Институт был переименован в *Институт славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ)*.

Новым задачам соответствовала и новая структура Института, в котором было образовано три отдела: отдел новейшей истории и современных проблем; отдел средних веков и нового времени; отдел истории культуры и филологии. Каждый отдел включал несколько секторов, возглавлявшихся ведущими сотрудниками Института. Был создан специальный сектор новой истории балканских народов (зав. сектором Ю.А. Писарев). В 1968–1970 гг. в составе Института находился сектор византиноведения, вошедший затем в Институт всеобщей истории (хотя проблемы византиноведения прочно заняли свое место в исследованиях ИСБ). Штат Института пополнился новыми кадрами – специалистами по балканским странам. В конце 1970 г. в ИСБ ра-

ботали 189 научных сотрудников, в том числе один член-корреспондент, 24 доктора наук и 104 кандидата наук.

В связи с преобразованием Института и расширением тематики его исследований сотрудники ИСБ приступили к написанию "Истории Венгрии" и "Истории Румынии". В соответствии с духом времени, был подготовлен ряд трудов к 50-летию Октябрьской революции и 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. В то же время продолжались исследования, начатые в предыдущие годы. Был завершен большой цикл исследований по истории славянских литератур. Велась значительная работа по изучению и изданию памятников славянской письменности, были начаты разработки в области античной балканистики, а также ностратические исследования и др.

С изменением проблематики научных исследований значительно расширились международные связи Института. К закрепившимся уже формам сотрудничества добавилась новая: работа в ИСБ иностранных ученых в течение одного-двух лет над институтскими темами. Повысилась эффективность научных контактов. К концу 60-х годов Институт вел совместную работу по 20 объектам с зарубежными научными учреждениями. Наряду с конференциями и симпозиумами по славяноведению сотрудники Института принимали активное участие в конгрессах балканистов. Кроме того, ИСБ участвовал в работе международных форумов историков (главным образом по линии ассоциаций по славянским исследованиям и по исследованию Юго-Восточной Европы). Ряд сотрудников Института за научные достижения и укрепление международных связей был награжден орденами и медалями стран Восточной Европы, некоторые ученые (М.Н. Тихомиров, Д.Ф. Марков, С.Б. Бернштейн и др.) были избраны членами зарубежных академий наук.

В 70-х годах сохранялись основные направления исследовательской деятельности Института. Работы страноведческого характера продолжали занимать значительное место в его планах; вместе с тем все более заметным становилось стремление к обобщению накопленного материала в больших систематических трудах сравнительно-типологического характера, раскрывающих общие закономерности и специфику развития каждой страны и всего региона в целом. При этом наиболее актуальными считались проблемы строительства социализма в странах ЦЮВЕ ("Очерки современного социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы" и др.).

Вместе с тем в рамках сравнительных и комплексных исследований, которые обеспечивал междисциплинарный характер самого Института, шло изучение закономерностей перехода от феодализма к капитализму в странах ЦЮВЕ, международных отношений в этом регионе, проблем национального возрождения и формирования наций, национальных языков и литератур. Происходило становление балканистики как области науки, охватывающей комплекс дисциплин. С 1974 г. начало выходить серийное издание "Балканские исследования" с участием ученых разных специальностей; в следующем году появилось языковедческое серийное издание "Славянское и балканское языкознание". Совместными усилиями историков и лингвистов ИСБ, в контакте с археологами и этнографами, разрабатывались проблемы этногенеза и этнического самосознания славян. Продолжалась начатая ранее публикация памятников древней и средневековой истории. Кроме того, историки исследовали международные отношения в разные эпохи, в том числе германскую политику "Дранг нах Остен" в новое время, складывание и функционирование Версальской системы, феномен фашизма, социалистический путь развития восточноевропейских стран (при этом исследователи сталкивались с такими трудностями, как недоступность многих архивных материалов по новейшей истории).

Шли поиски новых методологических подходов к изучению культуры славянских и балканских народов, понимаемой как комплексное явление, включающее в себя различные сферы духовной жизни этих народов и их художественную культуру (в 1970 г. был образован сектор историко-культурных проблем, который возглавил В.И. Злыднев). Особое внимание уделялось культурным процессам в период формирования

наций и национально-освободительных движений ("Культура и общество в эпоху становления наций Центральной и Юго-Восточной Европы в конце XVIII–70-х годах XIX в."). Расширилось типологическое изучение культур народов региона, их соотношение с западноевропейской культурой. Многие проблемы рассматривались в историко-культурном контексте.

По завершении написания истории национальных литератур основное внимание филологов было направлено на поэтапное изучение литературного процесса и типологическое исследование литературных связей. Наряду со славянскими стали изучаться венгерская, румынская, греческая литературы. Сопоставительный подход лежал в основе изучения революционной литературы XX в., формирования марксистской эстетики и теории социалистического реализма, а также современных процессов в литературах стран ЦЮВЕ ("Новые явления в литературах европейских социалистических стран").

В области языкознания разрабатывались проблемы акцентологии, славянской этимологии, социолингвистики, кирилло-мефодианы, церковнославянских памятников, балто-славянских и славяно-балканских исследований, славянских древностей, славянских литературных языков ("Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков", *Топоров В.Н.* "Исследования в области славянских древностей" и др.). Большое внимание ученых вновь привлекли проблемы морфонологии. Сформировавшееся к середине 70-х годов этнолингвистическое направление сосредоточило усилия специально на исследовании языка в контексте культуры, а также изучение и традиционной духовной культуры посредством изучения языка.

Для более успешной разработки обозначенных направлений в первой половине 70-х годов были созданы дополнительные группы общевосточных проблем (руководитель В.Н. Виноградов), современных литератур европейских социалистических стран (руководитель С.А. Шерлаимова) и фольклора (руководитель И.М. Шептунов). Первые две группы позже преобразовались в сектора. В этот же период стало больше внимания уделяться вопросам истории славяноведения, что привело к созданию сначала группы, а затем сектора (1975) историографии (руководитель В.А. Дьяков), подготовившего к изданию биобиблиографический словарь "Славяноведение в дореволюционной России" и ряд историографических сборников.

25- и 30-летние итоги деятельности ИСБ (1972 г. и 1977 г.) были подведены на юбилейных научных сессиях и в специальных справочно-информационных изданиях, вышедших к этим датам.

В 70-е годы продолжали развиваться и упрочиваться уже устоявшиеся формы международного сотрудничества Института: координация исследований по главным направлениям и объектам исследований, научные консультации, двусторонние и многосторонние обсуждения трудов, подготовка документальных публикаций и т.п. Плодом совместных усилий были «"Дранг нах Остен" и страны Центральной и Юго-Восточной Европы», "Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе", "Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия", "Советско-болгарские отношения", "Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений", "Документы и материалы по истории советско-польских отношений" и др. Правда, в публикациях, посвященных отношениям СССР с другими славянскими странами, преобладали материалы, отражавшие положительные факты межгосударственных отношений, оставляя в тени моменты напряженности и конфликтные ситуации. Тем не менее опубликованные документы предоставляют историкам определенную базу источников для исследования межславянских отношений новейшего времени. В 70-х годах Институт вел работу над девятью совместными многотомными публикациями (против трех в начале 60-х годов). На базе этих публикаций утверждается еще одна форма кооперации – совместные сборники статей по актуальным проблемам межславянских связей и отношений (такова серия сборников по советско-чехословацким отношениям за период с 1918 по 1948 гг., советско-польским – с 1917 по 1975 гг., о политических и

культурных связях между Болгарией, Византией и Киевской Русью, сборник "Болгарское возрождение и Россия" и др.).

Таким образом, в 70-е годы происходили расширение и активизация международного научного сотрудничества, интеграция в разработке многих научных проблем, в том числе проблем общерегиональной типологизации. Основой такого сотрудничества явились многосторонние и двусторонние научные проекты (по истории мировой славистики, по изучению славянских культур и др.). Промежуточные результаты работы над проектами апробировались на многочисленных международных конференциях, в том числе проводимых по линии ЮНЕСКО.

В 1976 г. под эгидой ЮНЕСКО была учреждена Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК). Президентом ассоциации был избран директор ИСБ Д.Ф. Марков. На базе Института издается "Информационный бюллетень МАИРСК" на русском, английском и французском языках. Участие ИСБ в этой организации, как и в созданной в 1963 г. Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (МАИЮВЕ), а также в Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов, Международной комиссии славянских исследований при Международном комитете исторических наук, и, кроме того, активное содействие Института в подготовке и проведении международных съездов, конференций и симпозиумов, раздвинуло горизонты научных контактов со славистами славянских и неславянских стран.

Первая половина 80-х годов прошла для Института под знаком углубления исследований в избранных направлениях, широкой реализации программы сравнительно-исторических, комплексных, междисциплинарных исследований, в разработке методологии и методики подобных работ. Вместе с тем организация научного процесса не всегда была на высоте; выявилась необходимость усиления интеграции различных наук в проведении исследований.

К этому времени назрела необходимость в написании новых сводных трудов по истории стран ЦЮВЕ, поскольку со времени написания первых подобных трудов, ставших этапными в деятельности Института, прошло четверть века; за эти годы советской историографией и наукой стран изучаемого региона было накоплено немало нового материала, требовавшего нового анализа и осмысления. В связи с этим была начата подготовка серии однотомных "кратких историй" стран Восточной Европы.

По-прежнему актуальными оставались проблемы стран социалистического содружества (ряд крупных работ был посвящен антифашистской борьбе и революциям 1940-х годов в странах ЦЮВЕ), мирного урегулирования после второй мировой войны. Приоритетным оставалось также изучение проблем этногенеза, национального возрождения, международных отношений в регионе, культуры славянских и балканских народов в контексте мировой культуры, а также проблем социалистической культуры. В разработке этих направлений осуществлялся комплексный подход к изучению сложных, многоаспектных социальных явлений. В центре внимания литературоведов находилось изучение закономерностей развития реализма в XIX–XX вв., анализ процессов в литературах социалистических стран после 1945 г. Лингвисты проводили исследования балто-славянских языковых отношений в прошлом и настоящем, функционирования славянских литературных языков в социалистическом обществе, проблем балканского языкового союза, типологии славянских и балканских языков и т.д. Интенсивно велся сбор материала для "Полесского этнолингвистического атласа". Дальнейшее развертывание историографических исследований связано с разработками истории славяноведения и балканистики в России и СССР, в странах Восточной Европы и на Западе. В 70–80-е годы широко проводились археографические экспедиции, материалы которых собирались и обобщались Археографической комиссией.

ИСБ тесно контактировал со всеми институтами истории, литературы и искусства, языковедения Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии. В сотрудничестве с научными учреждениями академий восточнославянских стран

центральное место занимали двусторонние и многосторонние научные проекты. На многосторонней основе разрабатывались теоретико-методологические вопросы. В двустороннем порядке готовились и публиковались документальные серии по истории отношений между СССР и зарубежными славянскими странами, по истории национально-освободительных движений и др. Продолжали развиваться и другие, ставшие уже традиционными, формы международного научного сотрудничества. Сотрудники ИСБ принимали участие в съездах славистов, конгрессах балканистов, византинистов и других крупных международных форумах, где в той или иной мере затрагивалась проблематика Института. Институт вел большую работу в Международном комитете славистов, МАИРСК и МАИЮВЕ. Под эгидой ЮНЕСКО осуществлялся проект международного междисциплинарного восьмитомного труда "Очерки истории культуры славян", в написании которого активное участие приняли ученые Института.

Ведущую роль по-прежнему играл Институт в координации славяноведческих и балканистических исследований внутри страны, проводя конференции по актуальным научным проблемам, выпуская ряд серийных изданий и единственный в стране славистический журнал, на страницах которого нашла свое место и балканистическая проблематика. Институт постоянно принимал активное участие в конференциях историков-славистов, проводимых по инициативе вузов страны.

Политические и социально-экономические перемены в нашей стране, вызванные перестройкой и затронувшие все сферы жизни, не могли не отразиться на деятельности Института. В качестве одного из первых шагов на пути демократизации научной жизни было восстановление выборности руководителей разного уровня. В ИСБ в 1987–1988 гг. были проведены выборы директора, которым стал В.К. Волков (вновь избранный на эту должность в 1992 г.), заместителей директора (В.А. Хорев, Ю.С. Новопашин), ученого секретаря (В.Ф. Кадацкий, с 1992 г. – А.В. Карасев) и руководителей подразделений. Был обновлен состав Ученого совета Института. Была пересмотрена и актуализирована проблематика научных исследований.

С середины 80-х годов начался качественно новый этап в судьбе коллектива Института, который выразился не только в расширении ранее разрабатывавшейся тематики или в структурных изменениях, а в кардинальном пересмотре научных концепций, в переоценке прежних подходов к решению центральных исследовательских проблем. С процессом демократизации связано значительное увеличение документальной базы славистических исследований в связи с открытием ранее недоступных комплексов архивных материалов. Крупные внешнеполитические сдвиги, приведшие к развалу социалистического лагеря и формированию новой геополитической реальности в Восточной и Юго-Восточной Европе, вызвали существенную корректировку объектов исследований. Несмотря на некоторые центробежные тенденции в современных взаимоотношениях славянских народов и отдельные межнациональные конфликты, неизменной остается этнокультурная и историческая общность славянства и его многовековые тесные связи с ближайшими соседями, что в целом оставляет неизменно важным изучение в комплексе проблем региона Восточной и Юго-Восточной Европы и в отдельности каждого из населяющих его народов.

Институт возглавил работы по осуществлению комплексной программы "История, история культуры и языки зарубежных славянских и балканских народов". В рамках этой программы в Институте ведутся фундаментальные исследования по следующим направлениям: 1. Этногенез славянских народов. Формирование народностей и государственности; 2. Формирование наций и национальные отношения. Национально-территориальные проблемы; 3. Россия, СССР и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в системе международных отношений; 4. Политические системы в странах Восточной Европы; 5. Духовная культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в контексте европейской и мировой культуры; 6. Теоретико-методологические вопросы славяноведения и балканистики и др.

С целью более успешной реализации этих исследований была усовершенствована структура Института, основу которой составили четыре отдела: 1. Отдел средне-

вековой и новой истории (заведующий отделом В.Н. Виноградов). В него вошли сектора истории средних веков, новой истории балканских народов, общеполитических проблем, новой истории стран ЦЮВЕ, историографических и источниковедческих проблем славяноведения и балканистики. 2. Отдел новейшей истории (заведующий отделом Ю.С. Новопащин). Он включал сектора истории межвоенного периода, истории строительства социализма в странах ЦЮВЕ, истории международных отношений и группы по изучению проблем строительства развитого социализма и современных социальных процессов в зарубежных социалистических странах Европы, по истории советско-чехословацких отношений и истории советско-польских отношений. 3. Отдел истории литературы и культуры (заведующий В.А. Хорев), состоявший из секторов славянских литератур, современных литератур европейских социалистических стран, историко-культурных проблем и группы комплексных исследований социалистической культуры стран ЦЮВЕ. 4. Отдел языкознания (заведующий Н.И. Толстой), который образовали сектора славянского языкознания, структурной типологии славянских и балканских языков, этнолингвистики и фольклора, группы общекарпатского диалектологического атласа и карпатского ареально-этимологического словаря. В каждый отдел вошло несколько проблемных секторов и групп. В конце 1980-х годов в ИСБ работали свыше 220 научных сотрудников (один академик, два члена-корреспондента, 55 докторов наук, 114 кандидатов наук). Динамичность структуры позволила осуществлять необходимые ее корректировки по мере уточнения задач и проблем Института.

В процессе перестройки самой научной работы сотрудникам Института приходилось решительно избавляться от устаревших взглядов, пассивности, инерции, мелкотемья, описательности и т.д. Остро встал вопрос о притоке свежих научных сил. Появилась насущная необходимость коренного улучшения в издании журнала "Советское славяноведение", призванного оперативно отражать актуальные научные проблемы, давать острые дискуссионные материалы, своевременную информацию обо всех новостях в области славистики и балканистики. На страницах журнала большое внимание стало уделяться проблемам тоталитаризма и посттоталитарного развития бывших социалистических стран.

В новых условиях необходимо было соотнести деятельность Института с работой других славистов и балканистов страны. Важным координационным мероприятием стала научная конференция "Комплексные проблемы славяноведения и балканистики. Состояние и перспективы исследования", организованная Научным советом по комплексным проблемам славяноведения и балканистики и ИСБ в феврале 1987 г. Эта конференция была приурочена к 40-летию научной деятельности Института. В конференции приняли участие более 150 славистов и других специалистов из институтов Академии наук СССР и академий союзных республик, университетов страны.

На конференции были подведены итоги исследований в области славяноведения и балканистики за послевоенный период, в особенности – за последнее десятилетие, и поставлены новые проблемы для дальнейшего изучения. Большое значение по-прежнему придавалось проведению комплексных исследований, учитывающая сложный характер проблем общественного развития региона. Отмечалось, что необходимо преодолеть упрощенные взгляды и представления, тормозящие внедрение научных открытий. Подверглись критике такие распространенные недостатки, как замалчивание "неудобных" фактов, отсутствие теоретического анализа событий, отождествление разноплановых явлений и т.п. Появилась возможность по-новому подойти к вопросам формирования национально-государственной идеологии, к изучению доктрин мировой революции, международных отношений конца 30-х – начала 40-х годов, изучению проблем перехода от капитализма к социализму и др. Среди актуальных проблем современности особенно остро ставились вопросы изучения социализма как общественного строя и как мировой системы, образования социалистического лагеря, социокультурных изменений и духовного развития, общности и многообразия культур, социально мотивированных культурных процессов, выявления типологически сходных тенденций.

По результатам работы был принят итоговый документ – "Рекомендации конференции", содержащий предложения о перспективном развитии славяноведения и балканистики в нашей стране.

Большое внимание в этот период уделялось основным вопросам формирования наций и национальных культур. В ходе исследований были выделены основные проблемы: периодизация этапов формирования наций, генезис национального самосознания, национальная культура, этносоциальная структура, закономерности процесса и т.п. Установлена слабая изученность межэтнических связей, демографических процессов, воздействия классовых интересов на национальную идеологию. Подчеркивалось, что изучение национальных культур в контексте европейского культурного процесса обогатило нашу науку новыми наблюдениями и выводами; в то же время требуется еще выяснение этапов становления, смены типов культуры, взаимодействия различных факторов культурного процесса и т.д.

Приоритетной в исследованиях Института оставалась проблема "Этногенез и этническая история". Разработки в этой области носят комплексный характер, сочетающий усилия различных специалистов, страноведческий и общерегиональный подходы. В ходе исследований была выработана методика сквозного изучения всех сохранившихся памятников; особую сложность для ученых представляли проблемы этнического самосознания. Большую важность в рамках исследований по этногенезу приобрели вопросы праславянского и общеславянского языка, проблемы и методы реконструкции архаической духовной культуры.

В области историко-научных исследований в обобщающем труде "Славяноведение в дореволюционной России" подведены итоги изучения южных и западных славян и создана база для изучения советского славяноведения (подготовлен биобиблиографический словарь "Славяноведение в СССР").

Добиться достигнутых результатов было бы нелегко без координации деятельности Института с коллегами внутри страны и широкого международного сотрудничества, осуществляемого в разнообразных формах (конференции, симпозиумы, рабочие встречи, круглые столы, экспертные советы, дискуссии, коллективные труды и т.д.). Плодотворное сотрудничество велось по двусторонним и многосторонним международным целевым проектам: образование славянских народностей; общественно-политические, революционные и культурные связи народов СССР и стран Восточной Европы; национально-освободительные движения в регионе ЦЮВЕ; международные отношения; история культуры и общественной мысли; закономерности функционирования и развития славянских языков и др.

Развернувшаяся во второй половине 1980-х годов широкомасштабная научно-исследовательская работа в условиях гласности и демократизации всей общественной жизни, отхода от идеологической заданности, осложнилась событиями 1989 г. в Восточной Европе. Потребовалось серьезное переосмысление как происходящих там социально-политических и экономических процессов, так и предмета изучения и направлений разработок, ведущихся Институтом, их актуализации. Первоочередную важность приобрело обращение к замалчиваемым прежде фактам в истории отдельных стран региона и в их взаимоотношениях. Доступность ранее закрытых архивных материалов позволила совершенно по-новому осмыслить и осветить некоторые события первой и второй мировых войн и межвоенного периода (советско-польская война 1920 г., Катынь и пр.).

Вместе с тем распад социалистического лагеря, выход стран Восточной Европы из-под диктата СССР привели к временному осложнению связей ученых-славистов этих стран, хотя Институт по-прежнему оставался открыт для иностранных исследователей. В последний период значительно увеличилось число западных ученых, посещающих Институт. Стали развиваться такие формы сотрудничества, как стажировки сотрудников ИСБ за границей на стипендии различных научных фондов, проведение научных исследований и публикация трудов, обеспеченные средствами зарубежных спонсоров. В этот период Институт проводил многочисленные совместные мероприя-

тия с культурно-информационными центрами восточно-европейских стран в Москве, посвященные юбилейным и памятным датам, крупным историческим событиям, выдающимся политическим и общественным деятелям, а также представителям культуры этих стран.

Материальные трудности Института, связанные с общим финансовым положением страны, вызвали резкое сокращение командировок сотрудников ИСБ в изучаемые и другие страны, почти полное прекращение двусторонних и многосторонних проектов. Это обстоятельство привело к значительному сужению исследовательской базы наших ученых. Можно отметить также негативное влияние, вызванное значительным уменьшением обмена научной, общественно-публицистической и художественной литературой между нашими странами.

Однако есть надежда, что сложное положение, в которое попала бюджетная наука, носит временный характер. Вхождение в рыночные отношения открывает и некоторые новые возможности для развития научных исследований, основанных на коммерческих началах.

Образование в 1991 г. независимых государств из бывших советских республик привело к еще одному существенному сдвигу в деятельности ИСБ. Уточнение его задач в данном случае было связано с переосмыслением понятия славяноведения и включением в сферу его компетенции новых объектов изучения.

Славяноведение в широком смысле охватывает все славянские народы. Однако в силу сложившихся научных традиций и в чисто практических целях в научно-организационном плане все исследования, связанные с восточными славянами составляли самостоятельную область науки, входившую в рамки отечествоведения, в то время как перед Институтом стояли задачи изучения зарубежных (западных и южных) славян. Между тем Институт всегда выходил за рамки этого искусственного ограничения в подходе к проблемам, требующим комплексного решения, в изучении межславянских связей и т.д. В той или иной мере межславянская тематика всегда присутствовала в трудах Института. Потребности развивающейся науки, усиленные политическими факторами, способствовали выработке новых подходов к кругу проблем, изучаемых Институтом. Развитие исследований по общеславянской проблематике стало одним из наиболее перспективных направлений деятельности Института, которое в более широких масштабах включает изучение вопросов, связанных с историей, языком, культурой русского, украинского, белорусского народов, наряду с другими славянскими и неславянскими народами. Тем самым изучение их прошлого необходимо не только для плодотворного диалога с соседями, но и для правильного понимания исторического и духовного пути развития самой России. С возникновением новой политической ситуации в Восточной Европе отнюдь не исчезла складывавшаяся истари общность народов этого региона. С целью ее изучения на базе Института создана общественно-научная ассоциация – Научный центр общеславянских исследований (Цеслав).

ИСБ входит в систему учреждений Российской Академии наук в составе Отделения истории. В конце 1992 г. и в последующие годы в связи с изменением условий и характера деятельности было проведено укрупнение и уточнение структуры Института. На базе всех существовавших подразделений были созданы 14 отделов (включающих различные творческие коллективы), несколько самостоятельных групп и научных центров. Современная структура выглядит следующим образом:

Отдел истории средних веков (заведующий отделом Г.Г. Литаврин)

Отдел новой истории славянских и балканских народов (заведующий отделом А.В. Карасев)

Научный центр "Восточный вопрос и Россия" (руководитель В.Н. Виноградов)

Научный центр по истории Австро-Венгрии (руководитель Т.М. Исламов)

Научный центр по новой истории Польши и польско-российских отношений (руководитель Б.В. Носов)

Отдел истории международных и межнациональных отношений (заведующая отделом Р.П. Гришина)

Отдел современной истории и социально-политических проблем стран ЦЮВЕ (заведующий отделом Ю.С. Новопашин)

Группа славянской энциклопедии (руководитель М.А. Робинсон)

Археографическая комиссия (руководитель С.О. Шмидт)

Отдел истории культуры (заведующая отделом Л.А. Софронова)

Центр белорусоведческих исследований (руководитель Ю.А. Лабынцев)

Центр украинистики (руководитель С.Е. Князьков)

Отдел истории славянских литератур (заведующий отделом В.А. Хорев)

Центр славяно-германских исследований (руководитель А.А. Гугнин)

Отдел славянского языкознания (заведующий отделом А.Ф. Журавлев)

Центр по изучению славянских литературных языков (руководитель Л.Н. Смирнов)

Отдел типологии и сравнительного языкознания (заведующая отделом Т.М. Николаева)

Отдел этнолингвистики и фольклора (заведующая отделом С.М. Толстая)

Центр славяно-иудаистских исследований (руководитель В.В. Мочалова)

Центр по изучению современного югославского кризиса (руководитель Е.Ю. Гуськова).

В Институте работает более 200 высококвалифицированных специалистов (среди них: два академика, два члена-корреспондента РАН, 47 докторов наук, 103 кандидата наук). Вместе с маститыми учеными старшего поколения в Институте успешно трудятся представители молодого поколения славистов и балканистов. Через аспирантуру и докторантуру Институт занимается подготовкой научных кадров по всем научным дисциплинам, входящим в славистический и балканистический комплексы. За годы существования Института большой отряд исследователей повысил свой научный уровень в его стенах, защитив здесь кандидатские и докторские диссертации. В ИСБ проходят также стажировку и готовят диссертационные исследования специалисты из других стран. Трудности, с которыми сталкивается бюджетная наука, снижают ее привлекательность для молодых специалистов. В последние годы, к сожалению, резко сократился прием в аспирантуру; это делает весьма актуальной для Института проблему смены и преемственности поколений славистов.

Наряду с научной работой многие сотрудники Института занимаются педагогической деятельностью, читая лекции и спецкурсы, проводя семинары и практические занятия в вузах Москвы (МГУ, Российском гуманитарном университете, Институте иностранных языков, педагогических институтах, Славянской академии и др.). Ученые Института принимали участие в написании учебников и учебных пособий для студентов вузов.

Осуществляя фундаментальные исследования, Институт стремится приблизить научные разработки к запросам жизни, усилить их эффективность в исследовании происходящих в мире процессов, а также способствовать формированию целенаправленной политики в отношении государств региона. Институт давал консультации властным и исполнительным структурам по вопросам, имеющим отношение к славянским и балканским странам; директор ИСБ В.К. Волков является членом Президентского совета.

В последние годы в творческих коллективах Института наблюдается отказ от догматического, идеологизированного и политизированного толкования исторического процесса, от упрощения и вульгаризации факторов исторического и культурного развития, переход к объяснению и анализу глубинных причин событий и явлений в прошлом и настоящем славянских и балканских народов. Рассекречивание архивов расширяет базу исследований. Открываются все большие возможности для уточнения или пересмотра некоторых положений и выводов, связанных с рассмотрением послевоенного развития Восточной Европы (хотя появилась опасность огульной критики прежних концепций). Работая в этом направлении Институт подготовил и

выпустил (во второй половине 80-х – начале 90-х годов) серию однотомных "Кратких историй" Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, в которых охвачен период с древнейших времен до наших дней. Концепции этих трудов в целом оставались еще в русле прежней идеологии и методологии. Вместе с тем они, безусловно, явились шагом вперед в славяноведении, синтезировав опыт советских и зарубежных страноведов, раскрыв национальное своеобразие и общие черты исторического и культурного развития славянских и балканских народов, их вклад в сокровищницу мировой культуры и т.п.

Большое место в Институте уделяется исследованию проблем, которые ранее слабо изучались или вовсе обходились стороной. К ним относятся, среди других, анализ кризисных ситуаций в политической, социально-экономической и духовной областях жизни стран Восточной Европы и СССР в 50–80-е годы, причины обострения межнациональных, национально-государственных отношений в регионе, проблемы тоталитаризма и посткоммунистической истории и др. Постоянное внимание уделяется изучению отечественных и зарубежных славистических концепций, школ, направлений. Огромный интерес проявляется к науке и культуре "русского зарубежья" и эмиграции из Восточной Европы, к возможностям сотрудничества со славянской диаспорой на Западе.

Как и на протяжении всего полувекового периода деятельности Института, история занимает ведущее место в его научных планах. Более половины сотрудников ИСБ являются специалистами в этой области. В связи с обострением внимания народов Восточной Европы к своим историческим корням весьма актуальным направлением исследований является изучение древней и средневековой истории, которое помогает не только познанию прошлого, но и пониманию настоящего. Этому способствуют такие фундаментальные издания, как "Свод древнейших письменных известий о славянах", широкомасштабные исследования в рамках проекта "Славяне и их соседи". Интересные исследования проведены и осуществляются ныне по остававшимся долгое время под запретом конфессиональным проблемам: христианизация народов ЦЮВЕ и Руси, уния православной и католической церквей. Новым как для отечественной, так и для мировой науки, явилось проводимое учеными ИСБ крупное исследование в области этнического самосознания славянских и некоторых других народов. Кроме основных научных результатов, эти исследования помогают понять истоки, с одной стороны, современных межэтнических и межгосударственных конфликтов, а с другой – общеславянского самосознания, славянской взаимности.

Исторические подразделения, занимающиеся периодом новой истории, используя накопленный опыт комплексного изучения проблем формирования наций, национально-освободительных движений, концепций решения национального вопроса, этнических стереотипов, продолжают разработку проблематики национализма, его корней и исторических типов, взаимодействия разнонаправленных тенденций. Разработка этих и многих других вопросов тесно связана с изучением многонациональных империй нового времени – Габсбургской, Османской, Германской и Российской – их типических черт и характерных особенностей, причин распада империй и становления национальных государств, механизмов национально-государственного взаимодействия и т.д. В отдельных случаях исследование доводится до конца XX в. (на примере современного югославского кризиса). Свидетельством приоритетности этого направления могут служить обстоятельные труды по Восточному и польскому вопросам, по международным отношениям на Балканах и т.п.

Международный аспект взаимоотношений народов и государств Восточной Европы находится в центре внимания и исследователей межвоенного и послевоенного периодов, изучающих комплекс сложных вопросов, затрагивающих историю первой мировой войны, Февральской революции, проблемы, связанные с созданием, функционированием и значением Версальской системы, с советско-польской войной, проблемами образования национальных государств, межнациональных противоречий, международным кризисом кануна второй мировой войны, советско-югославским конфликтом

и другими острыми вопросами внешнеполитической истории. Большой интерес представляет выяснение роли внешнего фактора в становлении нового общественного строя в восточноевропейских странах после второй мировой войны и подлинной сути "социалистического содружества". Всесторонний анализ ситуации, сложившейся в результате революционных преобразований в Восточной Европе на рубеже 80–90-х годов, объективная оценка приведших к этому причин и перспектив дальнейшего сотрудничества на новых основах – представляют в наше время не только научный, но и практически-политический интерес.

Одним из самых приоритетных направлений деятельности Института, имеющих чрезвычайно важное теоретическое и научное значение, является изучение послевоенной истории стран ЦЮВЕ – формирование, существование и крушение социалистических режимов, складывание новых политических структур на базе прежних.

Весьма популярными и в настоящее время остаются традиционные исследования на тему разносторонних связей России и россиян со славянскими и балканскими народами.

Постоянно в центре внимания ученых Института находятся проблемы истории славистики.

Наряду с широким спектром исторических исследований, в последние годы в Институте с большой интенсивностью ведутся научные разработки в области литературы и культуры славянских и балканских народов. Реконструируя и изучая духовную атмосферу различных эпох, культурологи Института рассматривают славянство как уникальное единство тесно связанных друг с другом народов, сохраняющих, при всем разнообразии своих черт, нерасчленимое духовное ядро и в то же время не обособленного, а органически входящего в мировое сообщество (менее изученным остается пока культурное единство народов балканского региона). Основательно разработаны узловые проблемы изучения общественной функции культуры в разные исторические эпохи: культура и исторический процесс, культура и общество, культура и формирование наций и т.п. Большой интерес вызывают внутренние проблемы историко-культурных явлений. Особое место отводится изучению мифологии как неотъемлемой части народной культуры и фольклора, его формам, способам бытования, сфере распространения. Разработки в этой области, наряду с исследованиями языческого мировоззрения, архаической традиции, обрядности, их отношений с христианской "книжной" культурой, позволяют представить древнейшую систему общеславянской духовной культуры. Немаловажной является проблема "Человек и Мир", где человек рассматривается как субъект и объект историко-культурного процесса. Развивается изучение основных категорий славянской культуры. В культурологических работах затрагиваются и сложные "пограничные" вопросы, пролегающие между разными областями науки, такие как язык культуры (в частности, поэтика). В этой сфере поиски культурологов пересекаются с работой филологов.

За последние годы литературоведами Института систематизирован огромный материал славянских национальных литератур, осмыслена специфика их становления, показано своеобразие различных литературных эпох и направлений, большое внимание уделяется изучению поэтики, жанровых структур, художественных форм. Широко исследуются литературные связи как одна из закономерностей литературного процесса, причем связи не только между славянскими литературами (включая и восточнославянские), но и с литературами ближайших соседей, и с западноевропейской классикой. Такой аспект изучения способствует выявлению общих и специфических черт славянских литератур. Накопленный в этой области опыт положен в основу масштабного, в определенном смысле итогового трехтомного сравнительно-исторического труда, который является в своем роде первой попыткой в мировой науке синтеза истории славянских литератур и теоретического осмысления происходивших в них процессов ("История литератур южных и западных славян") и отличается во многом новыми подходами к изучаемому предмету. Вместе с тем этот труд призван показать истинный вклад славянских народов в сокровищницу мировой литературы,

подчеркивая реальную эстетическую значимость славянских литератур по отношению к западноевропейским. Нуждаются в корректировке многие литературные явления, требуется более полный их охват. Пересмотру подвергаются прежние оценки литературных произведений с точки зрения их политической направленности и партийной принадлежности автора без учета их реальной художественной ценности. Литературоведы Института решили хронологически и тематически несколько расширить рамки этого исследования, доведя его до 90-х годов XX в. (двухтомная "История литератур Восточной Европы").

Немалый интерес вызывает исследование проблем восприятия славянских и балканских литератур в разных странах. Больше, чем прежде, внимание уделяется изучению литературных явлений XX в., в частности, модернистских течений, авангарда. Появилась возможность непосредственно изучать литературу зарубежья как неотъемлемую часть литературы родины. Под новым углом зрения рассматриваются проблемы социалистического реализма. Перспективным является изучение сосуществования в условиях тоталитарного государства официальной и неофициальной литературы и др.

В решении ряда проблем объединяются усилия литературоведов, лингвистов, культурологов, историков. К ним относятся, например: этническое самосознание, формирование наций, человек в мировой культуре, книга в культурном процессе, языковые и ментальные стереотипы, картина мира и др. Подобные исследования неизменно привлекают широкое внимание российской и зарубежной научной общественности. Труды, изданные на основе подобных разработок, пользуются постоянно высоким спросом у отечественных и зарубежных коллег.

Лингвисты Института продолжают традиционные исследования в области славянского, балто-славянского, индоевропейского, ностратического языкознания. ИСБ остается крупнейшим центром в стране по сравнительно-историческому изучению славянских языков. Сотрудниками Института были созданы фундаментальные исследования в области грамматики славянских языков, в частности, звуковой системы, морфологии, синтаксиса и лексики. Успешно развивается изучение славянской акцентологии (ведется подготовка "Славянского акцентологического словаря"). Значительное место отводится изучению истории и современного состояния славянских литературных языков, которое ведется в содружестве с историками, культурологами и литературоведами. Продолжается изучение древнейшего у славян письменного языка, созданного Кириллом и Мефодием, и языка древнейших памятников славянской письменности, а также памятников письменности более позднего времени. Проводятся обширные исследования современных диалектов славянских (в том числе и восточнославянских) языков; углубляется сопоставительное и типологическое изучение языков и диалектов. Значительное внимание, как и прежде, уделяется лингвогеографическим исследованиям. Важным направлением стала социолингвистика (особенно на материале современных славянских языков). Наряду с ней развивается лингвокультурология (предполагающая междисциплинарный подход к изучаемым объектам). Большой интерес вызывает история славянского языкознания.

Интенсивно развивается этнолингвистика. В рамках этого направления в настоящее время под руководством академика Н.И. Толстого издается не имеющий аналогов многотомный труд – этнолингвистический словарь "Славянские древности", в котором систематизируются и интерпретируются символы, составляющие "язык" славянской народной культуры. Продолжаются и получают новое развитие исследования славянского и балканского фольклора, этнокультурной истории Руси. Сотрудники ИСБ приняли активное участие в подготовке энциклопедии "Мифы народов мира". Славянская специфика нашла отражение в вышедшем недавно энциклопедическом словаре "Славянская мифология".

В последнее время сформировалось и набирает силу особое научное направление – изучение текста (славянского, балканского и балтийского). Исследуются, главным образом, фольклорные, ритуальные и мифологические тексты, реконструируются

древнейшие тексты. Институтом проводятся исследования широкого круга проблем типологического и сопоставительного изучения славянских и балканских языков (теория языковых союзов, балто-славянское языковое пограничье, карпатская языковая общность, типология языковых категорий славянских и балканских языков, проблемы языковых контактов и др.). Расширяется изучение "картины мира" в связи с этноязыковой ментальностью. Все большее развитие получают исследования в области теории грамматической мысли. Разработки этих проблем служат основой для общетеоретических выводов типологического и сравнительно-исторического характера, а также имеют прикладное значение – в преподавании славянских и балканских языков в вузах, подготовке учебных пособий, в лексикографии, переводческой практике и т.п.

В Институте ведется интенсивная разработка актуальных социолингвистических проблем, связанных с функционированием литературных языков в современный период. Результаты многих языковедческих исследований представляют не только лингвистический, но и более широкий – культурный и общественно-политический интерес.

Археографическая комиссия основное внимание уделяет выявлению и научному описанию всех славяно-русских рукописных книг, хранящихся в архивах, библиотеках и музеях страны, и составлению их "Сводного каталога" (первый том которого вышел в 1984 г.). В последние годы все больший интерес у сотрудников комиссии вызывают вопросы исторического краеведения.

Наряду с актуализацией исследований в последние годы шли поиски новых форм работы, таких, например, как проведение "круглых столов" по наиболее важным проблемам, которые привлекают внимание не только научных кругов, но и широкой общественности. Ученые Института приняли самое активное и плодотворное участие в работе межправительственных комиссий по "белым пятнам" советско-польских и советско-чехословацких отношений. Большую роль играет Институт в подготовке и проведении ставших уже традиционными ежегодных праздников – Дней славянской письменности и культуры, приурочивая к этому событию тематические научные конференции с приглашением славистов России, стран СНГ, иных славянских и других стран.

В последнее время наметилось улучшение в осложнившихся было контактах с коллегами из восточноевропейских стран, хотя финансовое обеспечение международных связей Института остается пока весьма низким. Тем не менее все виды сотрудничества, испытанные годами и десятилетиями совместной работы, остаются в арсенале научно-исследовательской деятельности ИСБ. Многие сотрудники Института являются членами иностранных академий, научных обществ, почетными докторами университетов, награждены орденами и медалями восточноевропейских государств и академическими наградами.

В осуществлении ряда научных проектов Институт опирается на финансовую поддержку Фонда Сороса и Российского гуманитарного научного фонда. ИСБ выступил одним из учредителей созданного в 1994 г. Благотворительного фонда исследований по истории и культуре славянских народов. В задачи этой негосударственной, некоммерческой организации входит разработка актуальных вопросов истории и культуры славянства, содействие проведению исследований в области истории славистики, популяризация научных знаний о славянах, развитие сотрудничества с учреждениями и частными лицами, заинтересованными в изучении и развитии культуры славянских народов, и т.п.

К своему пятидесятилетию Институт подошел с большим багажом научных трудов, широко известных в нашей стране и за рубежом. За 50 лет под грифом Института издано около полутора тысяч работ – коллективных и индивидуальных монографий, сборников статей, публикаций документов и т.п. Научная продукция Института выходит не только высокой печатью в издательстве "Наука" и других издательствах, но публикуется и средствами малой полиграфии (в основном небольшими тиражами). Подобный способ дает возможность более оперативного введения в научный оборот

новых материалов и основанных на них концепций и выводов. Для повышения качества издаваемых таким образом исследований в Институте создана и успешно действует Редакционно-издательская группа.

По-прежнему важную роль в публикации и пропаганде результатов научных исследований имеет журнал "Славяноведение" (главными редакторами которого были помимо И.И. Костюшко, А.К. Кавко, И.И. Поп, А.И. Рогов, в настоящее время – Ю.С. Новопашин). В начале 90-х годов произошла коренная реорганизация журнала, приведшая к существенному обновлению его состава и содержания. На его страницах публикуются актуальные статьи и сообщения, обзоры и рецензии, документы, касающиеся всевозможных проблем славяноведения и балканистики. Для достижения большей цельности в формировании и подаче материала редколлегия журнала решила выпускать проблемно-тематические номера. Практика последних лет показала, что подобный опыт вполне оправдал себя. С 1992 г. каждый второй номер журнала был посвящен эпохе древней славянской истории и культуры, каждый четвертый номер концентрировал публикации о русском зарубежье (преимущественно в славянских странах) и эмиграции из славянских стран, в отдельных номерах сосредоточены культурологические, литературоведческие или лингвистические материалы. Наряду с проблемно-тематическими сохраняются и комплексные по характеру номера. Популярность журнала растет. Он привлекает к себе все большее внимание отечественных и зарубежных специалистов и просто интересующихся жизнью восточно-европейских народов. Его страницы по-прежнему являются трибуной для научных выступлений славистов и балканистов России, изучаемых стран и западных коллег.

За 50 лет Институтом пройден большой путь и немало сделано для развития славяноведения и балканистики. В кратком историческом очерке невозможно показать все многообразие событий и фактов, связанных с историей комплексного научно-исследовательского учреждения за истекшие полвека. Однако и из сжатого общего обзора истории Института отчетливо видны основные направления, масштаб, преемственность этапов его деятельности, поиски актуальной проблематики и оптимальных решений, стремление к преодолению ошибочных взглядов на основе совершенствования методологии и методики научной работы, расширения документальной базы исследований. Оценивая все сделанное Институтом с 1947 г., можно с уверенностью утверждать, что он внес весомый вклад в развитие не только отечественных, но и мировых исследований в области славяноведения и балканистики и занял авторитетное место в ряду научных организаций славистического и балканистического профиля. Задачи самой науки и общественно-политические процессы, происходящие в Восточной Европе, определяют новые широкие перспективы для творческого решения научных проблем, которые встают перед коллективом Института. ИСБ остается ведущим научным центром славяноведческих и балканистических разысканий в России, являясь необходимым звеном в сети гуманитарных академических организаций. ИСБ осуществляет в своей области необходимый контакт с другими научными учреждениями и славистическими кафедрами высших учебных заведений страны. В условиях новой политической реальности, определив свое научное и общественное предназначение, Институт является посредником в обмене научным опытом и в культурном сближении со странами Восточной Европы и с другими, где ведется изучение этого региона. Новое время диктует новые задачи. Институт вступил в принципиально новый и ответственный, постсоветский период своей деятельности. Слависты и балканисты Института полны сил и творческих замыслов и готовы способствовать дальнейшему всестороннему развитию любимой науки, актуальность которой в наше время возрастает.

© 1996 г. ВОЛКОВ В.К.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СЛАВИСТИКА НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА: СМЕНА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЫ

50-летие Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук (ИСБ РАН) пришлось на период разительных перемен в славянском мире и во всем обширном регионе Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Они, в свою очередь, повлекли за собой столь же кардинальные сдвиги в самом славяноведении. Во всех странах, где имеется развитая славистика, и прежде всего в самих славянских странах, идет глубокая перестройка этого комплекса дисциплин. Весьма ярко она проявляется в историко-славистических исследованиях, особенно связанных с новейшим временем. Масштабы происходящих сдвигов позволяют говорить о смене исследовательской парадигмы, которая затронула методологические основы, исследовательские приоритеты, географический охват исследований, организационные формы славяноведения и многое другое. Аналогичные процессы происходят и в России. Пока мы находимся в начальном периоде нового научного цикла, а потому говорить можно только о промежуточных результатах и предварительных выводах.

Историки науки давно уже подметили некоторые отличительные черты развития научного знания вообще, общественных наук в частности. Они характеризуются, с одной стороны, цикличностью, определяемой имманентными законами развития самой сферы познания, а с другой – воздействием на нее общественных процессов, потребностями общества. Для нынешнего состояния славяноведения характерно действие обоих факторов, причем второй (общественный) оказался решающим. Речь идет не об известном тезисе о соотношении науки и политики (хотя и это имеет место), а о таком изменении в самом объекте исследования, которого наука просто не может не замечать.

*Наука и общество:
новая "интегральная модель" славяноведения*

Любой новый шаг в развитии науки опирается на ее достижения (либо на осознание неудач) предшествующих периодов. Славяноведение зародилось как научное осознание процесса возрождения славянских народов в XVIII–XIX вв. Само его развитие было составной частью этого процесса, что оправдывало его филологический "флюс", когда шло формирование национальных литературных языков многих славянских народов.

Волков Владимир Константинович – профессор, д-р ист. наук, директор Института славяноведения и балканистики РАН

С начала XX в. славяноведение все более приобретало комплексный характер, в нем постепенно усиливалась роль исторических дисциплин, наряду с филологическими и культурологическими [1]. Этому способствовали и три "тектонических сдвига" в славянском мире (первая и вторая мировые войны, события 1989–1991 гг.). Особые условия для развития славяноведения сложились в послевоенный период (1945–1989), который принес судьбоносные перемены для всех славянских народов. Во всех славянских странах установился коммунистический режим. Возник "социалистический лагерь". Советский Союз – главная славянская страна – являлся мировой державой. Все славянские народы, включая лужицких сербов, более четырех десятилетий (в Советском Союзе – более семи десятилетий) жили при социализме, что стало для них эпохой "экспериментальной истории". Это наложило печать на каждый из них, хотя часто и по-разному, на их культуру, менталитет, социальную структуру и в значительной мере предопределило их последующее развитие. Именно тогда сложилась в них та модель славяноведения, близкая по организационным формам и ориентированная на марксистскую методологию, которая меняется сейчас на наших глазах.

Если поставить вопрос о влиянии славянских народов на ход мировой истории в XX в., то можно смело утверждать, что это влияние было гораздо выше того удельного веса, который они имели в глобальном народонаселении. Общее число славян ныне несколько превышает 300 млн человек. Другими словами, их численность составляет примерно 5% населения земного шара. При этом две трети их числа (примерно 200 млн человек) приходится на восточных славян, а половина всех славян (около 150 млн человек) – русские.

Учитывая былой статус Советского Союза как мировой державы, легко представить себе то внимание, которое уделялось в мировом славяноведении восточному славянству. Специфической формой такого внимания в годы "холодной войны" было бурное развитие "советологии" в странах Запада, создание там многочисленных центров по изучению СССР и Восточной Европы. Неудивительно, что и в "классическом" славяноведении львиную долю внимания уделяли на Западе русистике. Аналогичным образом обстояло дело и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ).

На таком фоне организационная структура бывшего советского славяноведения выглядела однобоко. По старому (а главное – устаревшему) обычаю, сложившемуся по традиции и соображениям практических удобств, славяноведением считалось изучение славянского мира за вычетом отечественной истории, филологии и культурологии. В обоснование такого обычая приводился довод, что отечествоведение несравненно более развито в каждой славянской стране, и поскольку славяноведение занимается как славянством в целом, так и отдельными народами, в каждой славянской стране под ним надо подразумевать инославянские исследования. Если такой подход еще и можно было как-то оправдать для небольших славянских стран, то для Советского Союза такой изъяс был непомерно велик. Отсюда проистекал парадокс в организации советского славяноведения, изучавшего только то, что было связано с зарубежными, т.е. южными и западными славянами. В итоге из поля зрения выпадал огромный массив восточного славянства. Выборочно изучались только отдельные стороны исторических и культурных связей России с другими славянскими и неславянскими народами, как правило, в рамках исследований двусторонних контактов в конкретных областях.

В новых условиях, после распада СССР, такое положение стало восприниматься как нетерпимый пробел. Украина и Белоруссия оказались хоть и в ближнем, но все-таки в зарубежье. Новые грани приобрела русистика. Отсюда проистекает задача восполнить образовавшиеся пробелы и сформировать то, что можно было бы назвать "интегральной моделью" славяноведения, которое охватывало бы все без исключения ветви славянства. Естественно, что ИСБ следует найти свой, славистический ракурс изучения этих проблем, особенно русистики, чтобы не дублировать работу других научных коллективов и академических институтов в области истории, литературоведения и лингвистики.

Для российского славяноведения ныне, как никогда ранее, приобретает особое значение именно изучение восточного славянства во всем его объеме. Только сейчас мы начинаем постигать, в каком мифологическом мире мы жили после Октября 1917 г., насколько наши представления о развитии восточного славянства и существующих здесь национальных проблемах были сформированы первым наркомнацем, а также теми догмами, которые были связаны с его именем. За забвение многих простых истин, которые теперь воспринимаются как откровения, мы уже заплатили огромную цену. Однако подлинные величины этой цены в истории еще не проставлены, и платить по счетам придется не только нам, но и нашим потомкам.

Вообще век XX принес огромные перемены в национальном самосознании славян. Изменился даже список этнонимов, которыми мы пользуемся. Например, этноним "русские", который раньше применялся как общий по отношению к трем ветвям восточного славянства – великорусам, малорусам и белорусам, после революции стал применяться только по отношению к великорусам. Сложилось это не случайно. За такими терминологическими новшествами стояла практика советской власти по расколу русского этноса, усилия по разведению трех ветвей восточного славянства, приданию им свойств отдельных самостоятельных этносов. Подобный курс проводился по политическим причинам. Этапы этого пути известны, но не изучены. Их предстоит исследовать в рамках славяноведения. Эти вопросы неразрывно связаны с настоящим и будущим всех восточнославянских народов, по нынешней терминологии – русских, украинцев и белорусов, с проблемами, которые составляют ныне ядро национально-государственных интересов России. Это обстоятельство придает славяноведению в новых условиях не только огромное научное, но и общественное звучание, большее, чем оно имело прежде.

Осуществление "интегральной модели" российского славяноведения на практике сталкивается со значительными трудностями организационного порядка. Они наглядно проявились при создании в ИСБ РАН научных центров украинистики и белорусистики. Главная трудность – недостаточность научных кадров по этой проблематике в России, а также их распыленность. Прежде считалось, что все связанное с этими республиками, историей и культурой их народов должно изучаться в их академиях наук и университетах. Такие установки обернулись огромными пробелами в системе знаний. Российская общественность, прежде всего политические круги, оказалась невежественна относительно всего, что происходит ныне на Украине и в Белоруссии. Особенно трудно понять постулаты украинского и белорусского национализма, которые всклокоченной пеной вырвались на поверхность политической жизни в первую очередь после 1991 г., противопоставить им обоснованную и аргументированную критику.

Как видно, новая "интегральная модель" существенно изменит лицо и облик всего российского славяноведения. Но это – не единственный источник перемен. Не меньшее воздействие оказывают другие изменения в славянском мире, принявшие характер центробежных процессов.

*Энтропия славянского мира – болезнь
посткоммунистической эпохи*

Термин "энтропия" означает разбегание звезд, рассеяние энергии, т.е. примерно то, что мы наблюдаем сейчас во всем славянском мире, а именно – "разбегание" славян по национальным "квартирам". Формы такого разбегания очень разные. Мы были свидетелями и "бракоразводного процесса" в цивилизованных формах между чехами и словаками. Мы наблюдали распад многонациональных государств – Югославии и Советского Союза. Оба эти государства были построены на одних и тех же принципах, на базе так называемой марксистско-ленинской теории национального вопроса. Точнее даже будет сказать, что Югославия после второй мировой войны смоделирована по образу и подобию Советского Союза. Неудивительно поэтому, что оба эти эксперимента завершились с одинаковым результатом. Есть, однако, и

различия. Советскому Союзу и составлявшим его республикам удалось избежать развития по югославскому сценарию.

Ретроспективный взгляд на историю складывания и развития так называемой марксистско-ленинской теории национального вопроса раскрывает ныне следующую картину. Эта теория складывалась изначально как инструмент дезинтеграции старой государственной власти и общественного строя, как инструмент борьбы за власть, как проект последующего переустройства общества. Этот "инструментальный" характер теоретических выкладок в данной области изначально вполне сознательно подогревал сепаратизм и национализм, несмотря на словесные отмежевывания от таких явлений. Об этом свидетельствовала ставка на национально-территориальные образования как форму решения национального вопроса. Отрицание национально-культурной автономии подчеркивало стремление поставить национальные права выше прав человека и личности, а это как раз то, с чем нам приходится сталкиваться и поныне. Сейчас особенно наглядно видна пропасть между основными постулатами этой теории и общепризнанными нормами международного права. Именно такое расхождение дает основание для постановки вопроса о существовании двойного стандарта в подходе к оценке многих национальных явлений как в политике, так и в науке.

Переходя из области теории в область практических действий, можно отметить, что коммунистическая практика в многонациональных государствах, какими были Советский Союз и Югославия, выродилась в поощрение и проповедь утонченного национализма. Многое из того, что делалось, например, долголетняя и фактически никогда не прерывавшаяся политическая практика, называвшаяся на коммунистическом новоязе "кореннизация аппарата", фактически привело к созданию этнократических партийно-бюрократических элит в каждой из национальных республик, составлявших эти коммунистические федерации. Это социально-политическое наследие, отразившееся на структуре общества, привело к появлению нового общественно-политического слоя – этнократии [2]. Этот термин, характеризующий столь непредвиденный феномен, доставшийся посткоммунистической эпохе в наследие от предшествовавшего режима, уже привился в научной литературе. Под ним подразумевается новый общественно-политический слой, который пришел к власти на волне демократических преобразований, но погребя под собой демократические ценности и навязав свою волю другим слоям общества под флагом защиты национальных идеалов. Этот слой вобрал в себя значительную часть прежней партократии, бюрократию управленческих структур, теневой экономики и националистической интеллигенции. Оказавшись у власти, этот слой отбросил старые коммунистические теории как износившееся платье, взял на вооружение националистические постулаты и мифологемы как свое истинное идейное знамя и разодрал многонациональные государства по тем швам, которые были прошиты еще старым коммунистическим режимом.

То, что произошло в многонациональных государствах, практически одновременно произошло, пусть в несколько иных формах и с некоторым опережением, и в рамках того геополитического образования, которое мы прежде называли "социалистическое содружество" или "социалистический лагерь". Здесь проявили себя те же самые тенденции. Национальный момент был здесь так же силен. Его реальная роль в ходе "бархатных революций" в различных странах несомненна. Следствием был распад не только Организации Варшавского договора, но и Совета экономической взаимопомощи, что повлекло разрыв многих налаженных экономических связей, контактов в области культуры, науки и т.д., что болезненно отразилось на многих сторонах жизни этих стран. Коммунистическое наследие и здесь сыграло зловещую роль в том разбегании наций, которое произошло на наших глазах. Тенденции, взявшие верх во всей Восточной Европе за последние пять-семь лет, развивались в противоположном направлении по сравнению с преобладающими в мире интеграционными процессами. Этот контраст особенно разителен по сравнению с Западной Европой.

Нет нужды быть апологетом того, что делалось за весь послевоенный период. Коммунистические режимы во всех славянских странах эксплуатировали в своих

интересах национальные чувства людей, особенно чувство славянской солидарности, чтобы оправдать проводившуюся ими политику, получить хотя бы частичную поддержку своим планам или даже снизить негативный отклик на те или иные шаги. Но мы видим сейчас, что разрушение экономических связей не пошло на пользу ни одному государству. Аналогично обстоят дела с разрушением единого информационного пространства, которое было создано. Это создает большие трудности для повседневной работы ученых, которые к тому же стали много реже общаться друг с другом. Все это побуждает по-новому оценить итоги прошлого развития и, по библейскому рецепту, отделить зерна от плевел.

Особо отрицательные последствия вызывают те очаги вражды, которые образовались в самом славянском мире. Наиболее драматическую картину дает югославский кризис. Вспышки агрессивного национализма, наблюдаемые ныне повсеместно, стали печальным следствием коммунистических режимов, превративших национальные отношения в сферу таких же утопических экспериментов, как и сферу социальную. Марксистско-ленинская теория национального вопроса, став главой в истории науки, оставила после себя политические руины. Не показала она своей продуктивности и в научной сфере. Образовавшуюся пустоту заполняют новые методологические подходы к изучению национальных отношений, сопровождаемые новым категориальным аппаратом и терминологией, которые развивают в основном западные политологи [3].

Для уяснения истинной картины отношений в славянском мире большое значение приобретает в наше время научное направление, именуемое изучением этнических стереотипов (имиджология), т.е. тем, как отдельные народы видят друг друга. Такие труды широко распространены в Западной Европе. В десятках книг исследуется взаимное восприятие, например, немцев и французов, французов и англичан и т.д. Имеются аналогичные труды о взаимных представлениях немцев и поляков. Однако труды о взаимовосприятии славянских народов отсутствуют. Это – крупный пробел в славяноведении, особенно в российском. Первыми ласточками стали научные конференции "Автопортрет славянина" (Москва, май 1996) и "Польша – Россия: какими мы видели друг друга в XX в." (Варшава, июнь 1996 г.). Сразу же возник ряд серьезных теоретических вопросов, таких как проблема складывания национальных стереотипов, роль творческой интеллигенции в их создании, их отражение в политической мысли, исторической науке, в литературе и искусстве, на уровне обыденного сознания. Непременным условием таких исследований является их двусторонний характер, нацеленность на лучшее взаимное понимание. Предполагается проведение такого исследования в рамках российско-болгарского научного сотрудничества.

Для российского славяноведения исследования в области этнических стереотипов имеют особое значение. Во многих славянских странах отношение к России стало своего рода орудием во внутриполитической борьбе. Такая борьба нередко служит питательной почвой для распространения русофобии. Это явление совершенно не изучено в российском славяноведении, хотя представляет для него особый интерес.

Русофобия как исследовательская проблема

В мировой науке проблема ксенофобии (а русофобия является одним из частных ее проявлений) привлекает к себе в наши дни всеобщее внимание. Следует отметить, что это явление возникло не сегодня. Корни русофобии восходят к концу XVIII – началу XIX в. Тогда она носила, условно говоря, скорее теоретический характер. Можно даже назвать одного из ее духовных родоначальников, скорее – политических вдохновителей. Как ни странно это может показаться сегодня, один из первых импульсов был дан Наполеоном. Готовя нападение на Россию и действуя в новых условиях постреволюционной Франции, он прекрасно осознавал необходимость дать

идеологическое обоснование своим политическим замыслам¹. Развитие русофобии в Западной Европе отличалось тем своеобразием, что ее эпицентр перемещался из одной страны в другую, как правило, в ту, которая наиболее ярко выступала против России на международной арене. Из Франции она быстро переметнулась в Англию, где цвела до середины XIX в., достигнув апогея в период Крымской войны, но с рубежа 1830-х – 1840-х годов она все более распространяется в Германии, где пустила глубокие корни. Здесь со временем была создана обширная литература, порожденная германскими националистами, в первую очередь пангерманского толка. В течение долгих десятилетий пангерманизм ковал "образ врага" в лице России. Именно здесь возник термин "панславизм", в котором слились воедино отрицательное отношение к национальным движениям славянских народов и идее славянской взаимности, обвинения России в вынашивании захватнических планов в Европе, в стремлении к мировому господству. Появление этого термина стало этапом в развитии германской националистической идеологии. Он вобрал в себя все элементы русофобии, ставшей ядром пангерманских теорий [6]. С самого начала спекулятивный и одиозный, этот термин превратился в боевой лозунг антирусской и антиславянской империалистической политики, вошедшей в историю под названием политики "Drang nach Osten", и в начале XX в. вылился в формулу "Панславизм – мировая угроза". Совершенно недостаточная изученность идеологии пангерманизма – большой пробел в российской науке.

После первой, а особенно после второй мировой войны, в годы "холодной войны" русофобия как бы отошла на второй план. Идеологическая борьба породила целую школу антикоммунизма и плеяду борцов с ним. После окончания "холодной войны" и событий 1989–1991 гг., положивших конец коммунистическим режимам во всех европейских странах, антикоммунизм как течение потерял свою актуальность. Однако бывшие антикоммунисты не исчезли со сцены. Они переквалифицировались, многие стали русофобами.

Классический пример превращения антикоммуниста в русофоба являет собой ветеран "холодной войны", бывший советник по делам национальной безопасности США Збигнев Бжезинский. Он особенно интересен тем, что в своей "большой стратегии" идет по стопам пангерманских идеологов начала XX в. Для него распад Советского Союза – подарок судьбы, и он призывает США и НАТО побыстрее заполнить политический "вакуум", образовавшийся после распада Организации Варшавского договора. Особый его гнев вызывает то, что он именует "имперскими амбициями" России. Эти амбиции он видит особенно в стремлении сплотить страны СНГ, превратить содружество в дееспособный экономический организм, в средство региональной стабильности. О близости, скорее даже о тождественности идей З. Бжезинского с планами пангерманистов можно судить по его трактовке желательных, с его точки зрения, отношений между Россией и Украиной. Он убежден сам и призывает других противопоставить России украинскую независимость и оказывать Украине всевозможную поддержку в ее противостоянии России².

¹ Вскоре после начала русского похода в Париже появилась книга Шарля Лезюра "О возрастании русского могущества с самого начала его до XIX столетия". В приложении к ней было опубликовано (как бы в изложении) ставшее впоследствии знаменитой фальшивкой "завещание" Петра Великого. В нем Петр якобы ставил перед своими преемниками задачу завоевания Европы. В самой же книге Ш. Лезюра делалась попытка доказать, что политика России на протяжении всего XVIII и начала XIX в. развивалась именно в направлении этой цели [4]. Этой фальшивке, сыгравшей исключительную роль в антирусской пропаганде и истории русофобии, посвящена огромная литература. Частично она упомянута в [5].

² Независимое существование Украины, указывает он, имеет более важное значение, чем выполнение ею каких бы то ни было договоренностей по ядерному арсеналу. "Вряд ли нужно подчеркивать, что без Украины Россия перестанет быть империей, а с Украиной, сначала подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматическим становится империей" [7].

Не стоит, конечно, обвинять З. Бжезинского в вульгарном плагиате. Но остается фактом, что он почти дословно воспроизвел мысли пангерманских теоретиков кануна и периода первой мировой войны. Последние

Тождество взглядов З. Бжезинского с теориями пангерманцев не является случайным совпадением. Они имеют общий базис в виде феномена русофобии. Возрождение, точнее даже – реанимация этого феномена в новой обстановке, после окончания "холодной войны", само по себе представляет явление, заслуживающее специального внимания. Как видим, русофобия не угасла в старых центрах. Основным в развитии этого феномена в современных условиях явилось то, что теперь его эпицентр переместился на Восток. Его новыми очагами стали страны Балтии. Но главное, он набрал силу в самой славянской среде. Носителями русофобии стали националистические элементы на Украине и в Белоруссии, оживились аналогичные течения в Польше и даже в Болгарии.

Многое в этих явлениях для российских славистов – неизвестные страницы. Прежде изучение национальных проблем велось только под определенным углом зрения, где русофобии просто не было места. Между тем феномен русофобии заслуживает пристального внимания и как политическое явление, и как исследовательская проблема. Формы его проявления и социальные функции как выборочной и целенаправленной ксенофобии удивительно напоминают феномен антисемитизма. Это – однотипные, однопорядковые проявления национальной нетерпимости и создания "образа врага". Но для нас история этого феномена, особенно в самом славянском мире, можно сказать, просто "белое пятно". Доскональное и тщательное изучение русофобии (равно как и других "фобий" и "филий") в славянской среде в прошлом и настоящем является важной задачей российского славяноведения.

Смена методологических основ и исследовательских приоритетов

Давно отмечено, что идеологические повороты и перевороты предшествуют политическим. Но те, кто начинают движение, практически никогда не могут представить себе отдаленных последствий первых действий.

В середине августа 1968 г. в Праге состоялся VI Международный съезд славистов. На нем присутствовала большая делегация научных сотрудников ИСБ АН. После их возвращения в Москву у всех на устах были не столько новости со съезда, сколько обстановка в Чехословакии, события "пражской весны". Ввод в Чехословакию 21 августа советских войск и войск других соцстран вызвал шоковую реакцию среди московской интеллигенции. Демонстрация на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г. горстки людей (всего семь человек!) против ввода советских войск в Чехословакию показала качественные сдвиги в настроениях и поведении людей, наступление нового этапа в общественно-политическом развитии страны – открытый выход диссидентского движения в Советском Союзе на арену политической жизни.

События 1968 г. в Чехословакии делят историю "социалистического лагеря" на два примерно равных по времени периода. Если первый период, несмотря на значительное число политических кризисов внутри отдельных соцстран и в отношениях между ними, можно назвать развитием (хотя и затухающим) по восходящей линии, то после

ставили проблему предельно четко. "Россия должна стать безопасной", – утверждали они. За этой салонной фразой скрывалась твердая решимость убрать Россию с пути Германии к ее великой цели – стать "мировой державой". Лучшим способом считалось расчленение России. В сентябре 1914 г. в программной статье, посвященной военным целям Германии, историк Иоганнес Галлер писал, что путем отторжения от России "Финляндии, Литвы, Польши, Украины, Бессарабии и Черноморского побережья она перестанет быть европейской великой державой и вновь станет тем, чем была до Петра Великого, когда Лейбниц имел основания ставить ее на одну доску с Персией и Абиссинией". Приводя эту цитату, германский историк Ф. Фишер подчеркивал, что особое значение во всех пангерманских планах придавалось Украине. Ее отрыв от России считался главным и основным средством ослабления России на длительный срок. Подводя итог, профессор Ф. Фишер задавал вопрос: "Что это как не Брест-Литовск?" См. [8].

чехословацкого кризиса развитие шло неизменно под уклон. Социализм стал гнить на корню, как "старый режим" во Франции в XVIII в.

В Советском Союзе были свернуты даже слабые попытки экономических реформ, социализм как общественный строй, точнее – как политический режим сложившегося типа проявил неспособность к внутреннему развитию. На практике это обернулось длительной эпохой застоя. Развитие общественной жизни ушло внутрь. Широко распространился "самиздат", ставший в известной мере барометром настроений интеллигенции и как бы подпольной лабораторией новых идей. В общественных науках начался медленный и подспудный процесс переоценки старых методологических основ и исследовательских подходов.

Аналогичные явления наблюдались и в жизни других социалистических стран, причем в некоторых (например, Польша, Венгрия) они протекали даже более интенсивно. Достаточно тесные научные и культурные связи между этими странами и Советским Союзом привели к активному обмену идеями и опытом и в данной сфере жизни, причем эффективность такого взаимодействия была намного выше, чем сотрудничество официальных структур. В результате в ряде стран начали складываться параллельные официальной историографии, литература и литературоведение. Мощное воздействие оказывали эмигрантские научные центры, а также западная университетская наука.

Все отмеченные сдвиги, несомненно, рыхлили почву для последующего периода. И все же остается фактом, что многие советские (позднее – российские) обществоведы оказались как бы застигнутыми врасплох событиями времен "перестройки", а затем крушения коммунистических режимов в 1989–1991 гг. На первом этапе наибольшую активность проявила публицистика, которая, как правило, отличалась довольно низким научным уровнем, но тем не менее чутко уловила вектор общественно-политических перемен.

Вполне понятно, что первый удар критики пришелся на догмы марксистско-ленинской методологии с ее принципом партийности, гипертрофированно развитого классового подхода ко всем явлениям жизни, а также теорией формаций с заложенным в ней детерминизмом в понимании исторического прогресса. Такой радикальный пересмотр господствовавших в минувшие десятилетия теоретических основ можно с полным правом назвать методологическим переворотом. Он охватил все общественные науки, но особенно сказался на исторических науках³.

Развернувшаяся в конце 80-х начале 90-х годов критика официальной марксистской историографии как в Советском Союзе, так и в странах ЦЮВЕ была сконцентрирована на наиболее очевидных ее грехах. Во-первых, ей ставилось в вину, что она была призвана поставлять историческую аргументацию и факты для обоснования легитимности существовавших коммунистических режимов. Следствием стал жесткий отбор так называемых "актуальных" проблем. Преобладала нацеленность на изучение исторического процесса почти исключительно сквозь призму упрощенно понимаемых социально-экономических факторов и классового анализа. Особое внимание уделялось проявлениям классовой борьбы, которая оценивалась марксистскими стереотипами, а также прославлению революций и революционных потрясений. Во-вторых, она обвинялась в нигилистическом отношении ко многим другим общественным процессам, таким как цивилизационные завоевания, история религий, роль интеллигенции, значение культуры в широком смысле слова и т.д. В-третьих, в особо идеологизированном подходе к событиям, процессам и деятелям предшествовавшего периода капиталистического развития (что было особенно заметно в историографии европейских соцстран), в их оценке с партийно-прагматических позиций, под углом зрения неизбежности пролетарских революций и установления диктатуры пролетариата. В-четвертых, ее обвиняли в крайней апологетике деятельности радикально-экстремистских групп и течений в рабочем движении во всех странах, а после прихода

³ О протекавших в конце 80-х – начале 90-х годов процессах в российской исторической науке см. [9].

компартий к власти – в апологии коммунистических режимов, история которых изображалась как непрерывная цепь побед и достижений. В-пятых, ей ставилось в упрек нигилистическое отношение к национальным ценностям и интересам. В-шестых, отмечалась деперсонификация исторического процесса. Человек как бы пропал с страниц исторических исследований, а роль личности оказалась отодвинутой на задний план и ограничена жесткими рамками проявления исторической необходимости. Список упреков при желании можно продолжить.

Однако подметить и раскритиковать негативные черты официального марксистско-ленинского обществоведения оказалось легче (такая критика развивалась в кулуарах уже давно), чем предложить новые альтернативные методики и методологии. Старое оказалось более живучим, чем представлялось ранее. Поиски новых методологических подходов заставили обратиться к достижениям различных западных научных школ, к научным завоеваниям современной политологии, социологии, социальной психологии. Обозначился интерес к методологическим и историософским трудам и идеям А. Грамши, Б. Кроче, Г. Маркузе и других исследователей и мыслителей самых разных направлений, причем особое внимание уделялось их интерпретациям классического марксистского наследия применительно к истории. Итогом стал методологический плюрализм, что благотворно отразилось на состоянии общественных наук, в том числе и на славяноведческом комплексе.

Однако сама по себе "методологическая революция" еще не определяла общего состояния общественных наук. Больше всего бросалось в глаза изменение исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем. Как всегда бывает вслед за эпохальными событиями, открывающими новый этап общественного развития, наибольшее внимание привлекли вопросы истории предшествовавшего им периода.

В историческом славяноведении и балканистике первопроходцами в этом плане стали публицисты и ученые стран ЦЮВЕ. После "бархатных революций" 1989 г. на передний план вышли вопросы, связанные с историей прихода коммунистов к власти, становлением и развитием коммунистических режимов, их репрессивной политики, их внутренними кризисами, а также конфликтами внутри "социалистического лагеря"⁴. В освещении этих проблем преобладала, особенно поначалу, крайне отрицательная тональность. Напротив, весьма позитивно стали подаваться проблемы развития этих стран в конце XIX – начале XX в., и особенно – в 20–30-е годы XX в. У читателя невольно складывалось впечатление, что исследователи просто поменяли местами алгебраические знаки. Некоторой неожиданностью стало повышенное внимание к роли института монархии в тех странах, где он существовал (Болгария, Румыния, Югославия), равно как и к истории Габсбургской монархии. Кардинальным подчас переоценкам в позитивную сторону подверглись такие исторические фигуры как царь Борис в Болгарии, король Михай и маршал Антонеску в Румынии, Й. Тиссо и А. Глинка в Словакии, возросло внимание к политическим фигурам адмирала Хорти в Венгрии, Т. Масарика в Чехии, Ю. Пилсудского в Польше. Снятие имевшихся ранее "табу" привело к открытому обсуждению территориальных проблем, существующих между странами региона (трансильванская проблема в отношении между Венгрией и Румынией и т.д.). Распад Югославии породил нескончаемую дискуссию вокруг проблем образования югославянского государства в 1918 г., его дальнейшего развития, событий второй мировой войны на югославских землях и оценки созданного фашистскими оккупантами марионеточного "независимого государства Хорватии".

Российская историческая славистика и балканистика эволюционировали в том же направлении, однако их подход к истории и культуре народов региона отличался большей взвешенностью и в основном избежал крайностей, характерных для обществоведения стран ЦЮВЕ. Повсеместное открытие недоступных прежде архивных фондов позволило по-новому поставить многие актуальные проблемы. Естест-

⁴ О начальном этапе этого процесса см. [10].

венно, что и здесь публицистика обгоняла научные исследования, которые требуют несравненно большего времени для освоения новых документальных массивов. Отличительной чертой стало проведение многосторонних научных конференций по разнообразным вопросам послевоенного развития. Среди них выделялись международные симпозиумы, на которых обсуждались проблемы возникновения "социалистического лагеря", советизации стран ЦЮВЕ, "холодной войны" и т.д. Отдельные симпозиумы были посвящены советско-югославскому разрыву 1948 г., событиям 1956 г. в Венгрии и 1968 г. в Чехословакии. Как правило, материалы этих конференций публиковались отдельными сборниками.

Для преодоления накопленной за долгие десятилетия инерции в научной деятельности значительную роль играют публикации документов. Они помогают развенчивать сложившиеся мифологические представления, наглядно показывают, что возникшее в послевоенный период социалистическое общество и коммунистические режимы требовали именно коренных преобразований, а не "косметического ремонта". Душевной болью отозвались этногражданские конфликты на территории бывшей Югославии, вылившиеся в затянувшееся вооруженное противостояние в Боснии. Югославский конфликт – только часть более обширного Балканского кризиса, который оказал отрицательное воздействие на развитие отношений в Европе и деформировал всю систему международных отношений и безопасности на континенте. Его незавершенность отбрасывает тень и на будущее стран и народов региона.

Мировой интеграционный процесс и место славянских народов

Изучение истории славянских народов, наблюдение за их сегодняшним политическим развитием невольно побуждает к размышлениям над их завтрашними судьбами. Что ждет славянство в XXI веке?

Пока можно уверенно прогнозировать, что их удельный вес в мировом народонаселении будет уменьшаться: глобальные демографические сдвиги дают полное основание для такого вывода. Общая тенденция мирового развития говорит о мощных интеграционных течениях, ускорившихся после наступления эпохи информационной революции. Возникают новые глобальные проблемы (например, экологические), также требующие объединения усилий. Где место славянских народов в этом процессе?

Несмотря на технологическую нивелировку мировой экономики, этот процесс не сопровождается, как сейчас становится все более очевидно, всеобщей вестернизацией или американизацией, созданием некоей универсальной мировой цивилизации (последняя остается абстракцией). Напротив, происходит довольно заметная консолидация народов и государств в общности определенного культурно-исторического типа, именуемые цивилизациями. Вполне возможно, что мы находимся в начале длительного исторического периода, который предстоит пройти всему человечеству. Какие отношения сложатся в нарождающемся мире между цивилизациями? Американский ученый С. Хантингтон поторопился нарисовать картину будущего в виде столкновения цивилизаций [11]. Она обоснованно вызвала много нареканий. Критики его "сценария конфликтов" указывали на примеры мирного взаимодействия различных цивилизаций, равно как и на конфликты между странами, принадлежащими к одному культурно-историческому типу. Породил возражения и предложенный им перечень цивилизаций. Ставились вопросы: есть ли достаточные основания для выделения особой латиноамериканской цивилизации, отдельной от европейской? или противопоставления ей цивилизации русской и православно-христианской? Последнее прямо подводит нас к вопросу о судьбах славянских народов. Характерно, однако, что идея развития цивилизаций не встретила возражений и была воспринята как рабочая гипотеза и объективная данность.

Собственно, культурно-исторические (цивилизационные) общности существовали всегда. Чертой последнего времени является их самоосознание, структурирование, превращение в субъекты глобального развития. Весьма показательно в этом отношении складывание мира исламских государств (исламской цивилизации), несмотря на существование между отдельными его странами серьезных противоречий (в том числе и по линии противостояния исламского фундаментализма и гражданской власти в мусульманских странах). Западная модель отнюдь не универсальна. Больше того, следование ей показало неэффективность усилий, игнорирующих традиции и ценности национальной культуры. Напротив, наиболее успешные процессы модернизации, как показал японский опыт, протекали там, где они опирались на национальные традиции и не были продуктом слепого заимствования. Тем же путем идут сейчас Китай, "азиатские тигры" и многие другие страны. Не случайно центр глобальной экономики смещается ныне из атлантического региона в тихоокеанский.

Вопрос о взаимоотношении процессов модернизации и развития национальных культур чрезвычайно актуален для всех славянских народов. В посткоммунистическую эпоху понятие "модернизация" наполнилось для всех бывших социалистических стран новым смыслом и содержанием. Помимо перехода к рыночной модели экономического и либеральной модели политического развития, оно включает в себя и многое другое, переживая в наши дни новый этап своего существования. Упор на технико-экономические преобразования заставляет по-иному поставить проблемы их духовного и культурного обеспечения и поддержки (см. [12]).

Пока что во многих странах ЦЮВЕ основное внимание сосредоточено на осуществлении краткосрочных интересов. В значительной их части преобладают настроения "возвращения в Европу". Многие из них озабочены вступлением в Европейский Союз, некоторые стремятся в НАТО, что осложняет их отношения с Россией. Характерно, что в первой книге чешских и словацких ученых, в которой предпринята попытка определить национально-государственные интересы Чехословакии⁵, нет ни слова о принадлежности этих двух народов к славянству, тогда как в прежние времена идея славянской взаимности занимала важное место в их национальном самосознании. Ныне такая идея во многих странах не в почете, что не снимает, однако, проблемы, а требует ее спокойного рассмотрения.

По-видимому, найдется много сторонников взгляда, что проблема славянской взаимности для каждой исторической эпохи имеет свое содержание. Для посткоммунистической эпохи она все более заметно приобретает культурно-цивилизационный характер. Принадлежность к славянскому миру не дает никому каких-либо особых прав. Напротив, она скорее возлагает обязанности: "категорическим императивом" становится повышенное внимание к нуждам и потребностям, уважение к национальным чувствам, традициям и особенностям любого другого члена семьи славянских народов⁶. Сходство стоящих перед ними задач вызывает практическую необходимость взаимного изучения опыта друг друга фактически во всех областях жизни – в экономике, общественных преобразованиях, решении социальных проблем, развитии образования и науки и т.д. Языковая близость облегчает налаживание контактов и более глубокое понимание современных процессов, а также культуры и традиций родственных народов.

В этой связи уместно поставить вопрос; а существует ли вообще какая-либо славянская цивилизация? Или, может быть, лучше говорить о круге духовно близких народов? Последний определяется как сфера поствизантийского культурного пространства, куда входят не только славянские народы, но и другие народы православного

⁵ В этой книге, вышедшей в свет еще до "бракоразводного процесса" чехов и словаков, ее главный редактор проф. Иржи Валента специально оговаривал, что она является первой попыткой, а не окончательным ответом на поставленные жизнью вопросы, что она скорее представляет собой приглашение к дискуссии. См.: [13].

⁶ К сожалению, югославский кризис дал и продолжает давать примеры совсем другого рода. Однако отступления от идеала (какими бы грубыми они ни были) не могут служить доказательством его отсутствия.

ареала (греки, грузины, армяне). Именно так пытался определить "российскую" или "православную" цивилизацию С. Хантингтон, разрезав славянский мир на две части по конфессиональному принципу. Вряд ли стоит серьезно опровергать подобную конструкцию. Ее искусственность очевидна. В таком случае – где цивилизация европейская, расколотая на католицизм и протестантизм? Другое дело, если вести речь о широком круге европейской христианской цивилизации, к которой, естественно, относится и славянский мир, являющийся ее субрегионом, но сохраняющий внутри нее свою самостоятельность, обладающий, так сказать, определенной "культурно-национальной" автономией. Пусть не вводят в заблуждение раздававшиеся в прошлом, да и в нынешнем веке гневные филиппики о противоположности и даже враждебности "России" и "Европы". Еще большее число филиппик можно насчитать в истории политической мысли о противостоянии "романского" мира и "германского". Дело не в субъективных представлениях, как бы широко они ни были распространены, а в объективных показателях и чертах, которые особенно ясно видны на примере различных современных цивилизаций.

Славянский мир на протяжении своей длительной истории никогда не был особенно дружной семьей. Идея славянской взаимности принадлежит двум последним столетиям. Она была порождена жизненными потребностями самих славянских народов, нередко подвергалась эксплуатации с разных сторон, равно как ей сопутствовали попытки ее противников исказить ее суть. И все же она оставалась реальной чертой политической и духовной жизни, особенно в критические моменты истории славянских народов. В наше время такая взаимность – это скорее осознанная неосходимость. В основе такой необходимости лежат стимулы, которые побуждают создавать любой "клуб по интересам". Для современности таким стимулом является стремление пройти эпоху модернизации без утраты "национального лица". Эта сторона проблемы особенно остра для малых славянских народов. Нынешние тенденции их развития могут поставить их в такое положение, при котором они окажутся перед угрозой потери национальной самобытности, или, как сейчас говорят, идентичности. В таком понимании славянской взаимности нет призыва к этнокультурному изоляционизму. Это нацеленность на устойчивое цивилизационное развитие, которое будет тем успешней, чем в большей мере оно будет использовать ценности традиционной культуры и искать собственные формы.

В какой мере встречаются такие идеи общественную поддержку? Приходится констатировать наличие разных тенденций в разных странах. С одной стороны, широкое распространение в последние годы получило празднование Дня славянской письменности и культуры. Характерно, что он отмечается как православными, так и католическими славянскими народами. В России он стал национальным праздником, справляемым повсеместно 24 мая. Зародившийся первоначально, еще в середине прошлого века, в Болгарии, он широко отмечается и в ряде других стран – на Украине, в Белоруссии, Словакии, Сербии, Македонии и т.д. Это движение имеет тенденцию к распространению и свидетельствует о наличии в общественности этих стран достаточно широких слоев, готовых поддерживать традиционную национальную культуру. Интересным явлением стало создание Славянских университетов в ряде стран. Их нацеленность на подготовку молодых специалистов не только в области культуры, но и экономики, юриспруденции, менеджмента и т.д. свидетельствует о желании внести соответствующий вклад в процессы модернизации в своих странах.

К сожалению, с другой стороны, имеются и факты противоположного свойства. Если оставить в стороне прямые антиславянские выпады отдельных общественных сил (например в Словении, где сейчас развернулась дискуссия о славянском происхождении словенцев), сюда следует отнести свертывание в ряде стран изучения Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, включая и славянские страны, либо придание их изучению (и соответственно преподаванию) ракурса, оставляющего в стороне проблемы славянского мира. Сюда же относится создание барьеров (в ряде случаев – искусственных) на пути свободного обмена информацией. Так, сущест-

вовавшая ранее система обмена программами ТВ, а также газетами, журналами и прочими средствами массовой информации была практически разрушена, причем взамен ничего нового создано не было. И если нарушение прежних экономических связей уже осознается как неоправданная потеря, наносящая ущерб всем странам, то нарушения в области культурного обмена и наносимый ими урон для собственной национальной культуры уяснены еще не всеми.

Сказанное выше имеет прямое отношение к перспективам развития славяноведения. Новые исследовательские приоритеты должны будут учитывать возросшую потребность в изучении культурно-цивилизационного развития славянского мира. Можно прогнозировать увеличение в славяноведении как комплексном научном направлении удельного веса культурологических дисциплин. Такой сдвиг в сторону культурологии будет отвечать духу времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Методологические проблемы истории славистики: М., 1978.
2. Волков В.К. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Политические исследования. 1993. № 2.
3. Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994.
4. Lesur. Ch. L. Des progrès de la puissance Russie depuis on origine jusqu an commencement du XIX siècle. Paris, 1812.
5. Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. 2-е изд. М., 1996. С. 77–89.
6. Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм". // Славяно-германские культурные связи. М., 1969. С. 25–69.
7. Brzezinski Z. The Prematur Partnership // Foreign Affairs. 1994. Vol. 23. № 2. P. 30.
8. Fischer F. Weltmacht oder Niedergang. Deutschland in ersten Weltkrieg. Frankfurt a.M., 1965. S. 49.
9. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Poleмические заметки. М., 1995.
10. Волков В.К. Новые тенденции в развитии исторической мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Новая и новейшая история. 1991. № 4.
11. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3.
12. Модернизация и национальная культура. Материалы теоретического семинара. М., 1995.
13. Name národní zájmy? Praha, 1992.

© 1996 г. ЛИТАВРИН Г.Г.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ПАТРИАРХА НИКИФОРА
О РАБАХ-ВИЗАНТИЙЦАХ У СЛАВЯН

В современной исторической литературе широко признан тезис о том, что применение рабского труда в Византии в производственной сфере постепенно снижалось начиная с VI–VII вв. и что особенно быстро этот процесс совершался в IX–XII вв. [1]. Полагают, что в славянском обществе VI–IX вв. традиции рабовладения были развиты несравненно меньше, чем в византийском: рабство носило у славян преимущественно патриархальный характер и никогда не играло существенной роли ни в сельском хозяйстве, ни в ремесле [2]. Относительно недавно я высказал, однако, предположение, что широкие обобщения на этот счет скорее всего ошибочны: положение рабов в различных населенных славянами регионах и на разных этапах раннего средневековья (в VII–VIII вв.) могло быть далеко не одинаковым [3. С. 37–41; 4].

Достаточно веские основания для пересмотра традиционной точки зрения на значение рабовладения у славян в VIII в. дает, по моему мнению, уникальное свидетельство патриарха Константинополя Никифора I (806–815) о выкупе пленных ромеев у славян. Сообщение это хорошо знакомо византинистам, но расцениваемое, по-видимому, как известие о незначительном эпизоде в истории империи в VIII в., оно комментировалось обычно весьма бегло и не было в целом подвергнуто внимательной интерпретации (см. например, [5, 6]).

Между тем, даже разделяя мысль о том, что в ряду других событий внутренней и внешней жизни Византии того времени выкуп пленных сам по себе не имел существенных для государства последствий, я полагаю, что подробный анализ сообщения патриарха может заметно уточнить наши представления не только о социальных процессах внутри славяний на византийских землях и о характере отношений славян с подданными и официальными властями империи в середине VIII в., но и о внешне- и внутривизантийском положении самой Византии в разгар иконоборческой кампании императора Константина V (741–775).

Свидетельство в "Бревиарии" Никифора датировано 7-м индиктом, соответствующим 6277 году, т.е. времени с 1 IX 768 г. до 31 VIII 769 г.¹ Никифор пишет: "Константин посылает [к]² архонтам славян и принимает порабощенных ими с давних времен христиан с островов Имвроса, Тенедоса и Самофракии, обменяв их – а число их достигало двух тысяч пятисот – на шелковые одежды. Доставив их к себе и

Литаврин Геннадий Григорьевич – академик РАН.

¹ В тезисах на конференции 1994 г. (они легли в основу данной статьи – см. [4]) ошибочно указаны 6-й индикт и 6276 г.

² Предлог *pros* – конъектура К. де Боора в его издании "Бревиария", представляющаяся оправданной, хотя издатель не решился внести ее в текст [7]. Принял эту конъектуру и К. Мэнго [8].

скромно почтив, он отпустил их куда бы каждый из них ни захотел отправиться" [8. Р. 162. 8–15]³.

Предварительно – несколько замечаний о более точной датировке названных в приведенном пассаже событий, локализации места проживания славян, владевших рабами-ромеями, и о возможном источнике сведений об упомянутой акции Константина V.

Сообщение о выкупе находится в "Бревиарии" между известиями о рождении у императора сына Анфима и о коронации 1 апреля (все в том же 7-м индикте) жены императора Евдокии, т.е. уже этот факт позволяет сузить датировку обмена до семи месяцев (с 1 IX 768 г. до 31 III 769 г.). Поскольку же отправка посольства к славянам (скорее всего – двухкратного), доставка к ним шелка из столицы, а затем в нее освобожденных ромеев происходили, несомненно, при участии судов императорского флота и требовали немалого времени, можно, видимо, без большого риска ошибиться, отнести начало акции к осени 768 г., а завершение – к ранней весне 769 г. (после перерыва в действиях в неблагоприятный для мореплавания зимний сезон).

Относительно места расселения тех славян, которые совершали морские набеги на острова Энеиды, мнения исследователей единодушны: это были славяне Южной Македонии и Фессалии⁴. Вероятнее всего, впрочем, они обитали в тех славиниях, которые располагались по берегам рек, впадающих в Эгейское море (стримонцы и смолены по Стримуону и Месте, драгувиты по Вардару, сагудаты по Бистрице и велегезиты по Пинею). Дело в том, что к середине VIII в. имперский военный флот уже был в состоянии периодически контролировать северо-западное побережье Эгейского моря, и славянские боевые моноксилы-однодеревки до и после набегов должны были иметь стоянки вдали от моря, в местах, к которым не могли подняться тяжелые военные суда ромеев.

Известие Никифора подтверждается свидетельствами более ранних источников о том, что одним из главных направлений морских грабительских рейдов славян были районы, прилегающие к Дарданеллам и акватории Мраморного моря: они стремились сюда к расположенным на его берегах портам. Именно здесь было особенно интенсивным движение морских торговых караванов, плывущих в столицу и от нее, здесь же находились и таможенные станции с их кассами и складами товаров (причем славяне захватывали в плен "вместе с судами и людей, находящихся в таможе" [10]. Т. I. Р. 200. 10–11; 9. Т. I. С. 271–272; Т. II. С. 204, 233, 244–246, 329, 332]).

Как следует из процитированного места из "Бревиария", не всегда славянам удавалось прорваться в Мраморное море, и тогда они старались взять добычу на ближайших к проливу островах, прежде всего – местных жителей в качестве своих пленников. Для целей данной статьи существенно констатировать, что с середины VIII в. источники уже не содержат сообщений о морских набегах славян на берега и острова в северо-восточной части Энеиды. Логично допустить, что имперским властям удалось к этому времени положить конец славянским набегам, может быть, в результате победоносного похода против них Константина V в 759 г., когда он, согласно Феофану Исповеднику, "поработил славинии в Македонии и сделал подвластными прочих" [11. Р. 430. 21–22]. Намек на то, что по крайней мере в последовавшее после этого похода десятилетие морские набеги славяне не совершали, содержится и у Никифора: о вымениваемых у славян за шелк ромеях он говорит как о захваченных "с давних времен". Следовательно, пленение жителей островов как неоднократно повторяющиеся акции нужно датировать несколькими десятилетиями до 759 г., примерно 20-ми – началом 50-х годов VIII в. (часть выкупаемых в 769 г. ромеев были при пленении, несомненно, детьми).

Последнее предварительное замечание – о возможном источнике сведений Никифора. Как было упомянуто, анализируемое сообщение уникально – его нет ни в одном другом источнике, в том числе в "Хронографии" Феофана. К. Мэнго считает,

³ Мою краткую интерпретацию этого известия см. [9. Т. II. С. 247].

⁴ Библиографию см. [6].

что Никифор использовал для описания событий с 668 до 769 г. (т.е. до конца "Бревиария") те же источники, что и Феофан, включая утраченную позднее городскую константинопольскую хронику. Возможно, Феофан при отборе фактов для "Хронографии" попросту пренебрег малозначачим (на его взгляд) событием и не включил известие о нем в свой труд (можно указать и на другие примеры различий между обоими историографами в подходе к отбору материала из общих источников) [8. Р. 6. 15–18]. Но не менее возможно и другое: константинопольская хроника (как и некий иконофильский труд, якобы созданный тогда же в столице) вообще не содержала упоминания об интересующем нас факте, но о нем мог хорошо помнить сам Никифор – коренной константинополец и вполне вероятный очевидец события, поразившего воображение столичных жителей (Никифору было тогда лет 10, и он был на 2–3 года старше Феофана, о проживании которого в Константинополе в то время нет достоверных данных).

Итак, свидетельствование Никифора позволяет, по моему мнению, взглянуть несколько иначе на три проблемы. Первая из них – та, с которой я начал, – о необходимости корректировать представление о небольшом значении рабовладения в раннеславянском обществе. Действительно, в VI–VII вв. славяне брали в плен ромеев главным образом ради получения за них выкупа, размер которого обычно устанавливался в соответствии с ценами на рынке рабов. Пока славяне не обосновались на византийской земле, "лишние рабы" (т.е. пленники, взятые в набегах на империю, но не выкупленные соотечественниками, не перепроданные и не нашедшие какого-либо иного "рационального" использования) постепенно обретали свободу и вливались в славянское общество (лишь часть их искала и находила возможности для бегства) [3. С. 36–41]. Авары же иногда, когда ромеи не спешили выкупить пленных соотечественников или предлагали недостаточно высокий выкуп, просто уничтожали пленников [11. Р. 279–280]. Скупость имперских властей в таких случаях (особенно когда речь шла о выкупе пленных воинов-ромеев) вызывала острое осуждение в обществе [11. Р. 284]: на святое дело не считалось грехом тратить даже церковные сокровища.

Между тем, как явствует из сообщения Никифора, в славяниях находились тысячи пленных ромеев, обращенных в рабов. Причем в рабстве они пребывали десятилетиями. Мало вероятно, что никто до этого не предлагал за них славянам никакого выкупа. Видимо, предлагаемая цена не устраивала славян. Иначе говоря, сравнительно с нею более выгодным для них уже стало использование пленников как рабов в своем хозяйстве. Согласно данным "Чудес св. Димитрия", памятника первой половины VII в., славяне делили захваченных ими христиан и обращали в рабов; пленного епископа, взятого в море на захваченном славянами судне, один из них, став господином иерея, заставил ухаживать за скотом [10, Т. I. Р. 237.4–238.7; Т. II. Р. 104, 163–168]. Всякие возможности бегства епископа из плена были исключены, хотя Фессалоника находилась всего в 250–300 км, т.е. в 7–8 переходах. Удавшееся, наконец, бегство епископа было приписано вмешательству сверхъестественных сил (самого св. Димитрия). Столь бдительный надзор над рабами (а взятые на островах пленники вплоть до 768 г. также не смогли бежать) легче было организовать, разумеется, в подворьях и хозяйствах архонтов славян, во власти которых, по моему мнению, и оказывалось большинство пленных ромеев. При этом у каждого из знатных славян имелось, видимо, по несколько десятков (или сотен) таких рабов. Напомню в связи с этим о свидетельстве Константина VII Багрянородного в его "Жизнеописании Василия" (деда автора императора Василия I Македонянина, 867–886), не разделяя нередко высказывающиеся, при опоре не столько на существо рассказа, сколько на его стилистику, мнения о малой достоверности "полубасенного" повествования царственного сочинителя. Рассказ Константина позволяет заключить о сохранившихся среди славян вплоть до середины IX в. прочных традициях рабовладения: над умножением огромных богатств некоей Данилиды, вдовы пелопоннесского магната-славянина Даниила (Данилихи?), трудились многочисленные рабы. 500 из них она будто бы подарила Василию I, а 3000 ее рабов после ее смерти получили свободу и по

повелению императора Льва VI (886–911) были переправлены в Италию, в административный округ Лонгвардию, в качестве военных поселенцев, для укрепления ее обороны [12]. Поэтому 2500 рабов у нескольких архонтов славинии (или славиний) – хотя и не мало, но вполне вероятно. Следует к тому же учесть, что не все ромеи, конечно, были выкуплены и далеко не все дожили до освобождения. Сама форма обмена – на шелковые одежды – свидетельствует о том, что со стороны славян главными действующими лицами (и владельцами рабов-ромеев) были именно архонты, племенная знать. Они скорее всего и приняли предложение императора освободить ромеев за наиболее желанный для них тогда товар (шелковые одеяния) – престижное выражение высокого положения в обществе.

Второй вопрос, освещению которого содействует, как упомянуто, сообщение Никифора, – это вопрос об особенностях внутренней жизни славиний на византийской земле и характере их отношений с автохтонным населением и имперскими властями. Особенно труден ответ на первую часть вопроса: мы не можем достаточно уверенно судить о численном соотношении в пределах славиний (социально-политически организованных поселений славян на византийских землях) (см. [13]) местного и пришлого (славянского) населения. Вне всякого сомнения, не все местные жители бежали из районов, подвергшихся нашествию славян. Часть их, оставшись на месте, может быть, признала власть славян и уплачивала им дань, как об этом можно судить по сообщению Иоанна Эфесского (последняя четверть VI в.) [9. Т. I. С. 285]. Множество подданных империи, однако, покинули родину, переехали в Италию, укрылись на островах или в труднодоступных горных районах. Вряд ли между славянами и автохтонами там, где они вступали в контакт, могли в первые десятилетия установиться стабильные мирные отношения: пришельцы разорили их и лишили лучших земель и угодий. Согласно сведениям от начала IX в., в районе Патр на Пелопоннесе славяне уже жили по соседству с местными греками, но это не гарантировало автохтонам спокойствия и безопасности [9. Т. II. С. 328, 330, 332–344; 14]. Отнюдь не случайно почти до середины IX в. нет известий о деятельности среди славян в южной части Балканского полуострова христианских проповедников, даже миссионеров-подвижников.

В связи с этим находится, на мой взгляд, и вопрос о повышении среди славян спроса на рабов, которыми могли быть в первую очередь, конечно, ромеи. Как видно, для этого имелись серьезные основания, по крайней мере у славян Южной Македонии, Греции и Пелопоннеса. Осмелюсь высказать предположение, что причины роста указанного интереса славян к обладанию рабами коренились в хозяйственной сфере. Расселившиеся в оливковой зоне славяне испытали, несомненно, серьезные трудности при освоении новых земель в непривычных для них условиях ведения хозяйства. Здесь были иные климат и почва, другие сельскохозяйственные сезоны и сами возделываемые культуры (маслины, вино и фрукты истари составляли здесь важнейшие компоненты питания). Должны были здесь применяться и более совершенные агротехника и орудия труда. (Еще столетием раньше славяне из своих набегов на земли империи уносили захваченные у ромеев "орудия для труда на жатве" [10, Т. I. Р. 185.35–36, 198]). Хотя славяне были исконными земледельцами, передавшими грекам, в свою очередь, часть своих сельскохозяйственных навыков [15], совершенно ясно, что они оказались перед настоятельной необходимостью овладеть производственным опытом местного крестьянства. Поскольку автохтоны там, где они еще оставались, долго избегали контактов со славянами, в качестве их учителей могли выступать именно рабы-ромеи. Причем захватывать их славяне предпочитали, по-видимому, в отдаленных от мест своего обитания районах империи, чтобы не обострять еще более отношений с ромеями-соседями и до минимума сократить возможности бегства пленных к своим.

Сообщение Никифора позволяет также заключить о значительных полномочиях в VIII в. каждого из славянских вождей в пределах его славинии. Именно в их власти оказывались прежде всего пленники-рабы, и они решали вопрос о выгодном для себя

их обмене на шелк. Власть вождя (князя) распространялась, видимо, уже на всю территорию славинии и реализовывалась при опоре на имевшиеся у него репрессивные структуры [8. Р. 86]. Упомянутый выше епископ, чудом сумевший бежать из плена, тщательно прятался днем, шел только ночами и при любой случайной встрече не должен был произносить ни слова, так как язык мог выдать его ромейское происхождение [10. Т. I. Р. 238.8–23].

Более того, существовали уже своего рода признанные обеими сторонами границы между славиниями и землями, находящимися под эффективным господством имперских властей. По данным жития Григория Декаполита (первая половина IX в.), в районе рек Месты и Стримона всем было известно, откуда начинается "сторона славянская"; возможно, для того, чтобы не допустить проникновения на контролируемые империей земли славянских лазутчиков, действовал запрет на передвижение "из одного места до другого" (даже для одиноких путников) без разрешительной на этот счет и снабженной печатью императорской грамоты [16].

В своих официальных отношениях с империей они иногда выступали сообща, защищая общие интересы. Я считаю мало вероятным, чтобы все те "архонты славян", о которых пишет Никифор, принадлежали к одной славинии. Еще столетием раньше, в 668 г., аварский хаган и славянские вожди западных районов Балканского полуострова предприняли совместную дипломатическую акцию, сообщая отправив послов к Константину IV с просьбой о "государевом мире", который и был заключен" [11, Р. 356.2–8].

В связи со всем сказанным необходимо весьма критически воспринимать неоднократные заявления византийских историографов VII–IX вв. о "полном" и "окончательном" подчинении славян, расселившихся на территории империи. "Покоряли" их и Константин IV в 688–689 гг., и Константин V в 759 г. и Ирина в 793 г. Ее полководец Ставракий прошел с войском от столицы до Пелопоннеса, подчинив по пути всех славян. Но в 805 г. уже Никифор I еще раз привел "окончательно" к покорности славян на полуострове, а затем стратиги-наместники императора на Пелопоннесе были вынуждены неоднократно, вплоть до 30-х годов X в., снова и снова подчинять местных славян. Весьма показателен в этой связи заговор имперской провинциальной знати Эллады против императрицы Ирины в 799 г.: они привлекли к нему Акамира – вождя славинии велегезитов (где всего шесть лет назад упрочивал власть империи Ставракий), надеясь на успех при опоре на его силы и влияние [11. Р. 473–474]. Упомянутые выше магнаты-славяне Даниил и Данилида оказались подлинными господами значительной части Пелопоннеса. По словам Константина Багрянородного, Данилида при посещении ее владений византийцами называла их "иноземцами". Когда она сама посетила Константинополь, Василий I принял ее в Магнаврском зале дворца, где он обычно принимал почетных персон "из чужого племени". Во время визита в столицу, сознавая невозможность борьбы за полную независимость своей славинии, Данилида "великодушно" добавила к прочим дарам императору (Василию I) еще "не малую часть Пелопоннеса, оказавшегося как бы собственным ее владением". Вернулась она на полуостров "в свою страну... будто некая госпожа, царица тамошних жителей" [12. Р. 319. 3–8].

Таким образом, было бы вполне оправданным заключение, что осуществленное в 759 г. Константином V "подчинение" славян сводилось скорее всего к заключению мира с ними. Была ли при этом князьями славиний (по крайней мере теми, которые отдавали пленников за выкуп) признана (хотя бы номинально) верховная власть императора, нельзя сказать с уверенностью. Во всяком случае, славяне в 759 г. не отдали плененных ими христиан, т.е. не приняли одно из главных условий, которое при подобных обстоятельствах обычно выдвигается победителем. Видимо, амбициозный василевс отверг тогда поставленные архонтами условия передачи пленников (в обмен на шелк), которые, однако, был вынужден принять десятью годами позже – по причинам, о которых будет сказано ниже.

По моему мнению, в 759 г., как и в 769 и 799 гг., ряд славиний в Южной Маке-

дони, Греции и на Пелопоннесе продолжали сохранять автономию, пользуясь полным самоуправлением в своих внутренних делах, независимо от того, как официальные власти и византийские историографы представляли обществу характер отношений империи с расположенными на ее землях славянами. Эти отношения являли для Константинополя в VII–IX вв. гораздо более сложную и трудную проблему, чем порой это представляется в современной научной литературе (ср. [17]). Процесс окончательной интеграции славян в состав подданных империи растянулся на два с половиной столетия и потребовал от византийских правителей не только военных усилий, но и осторожности, терпения и дипломатического искусства (даже такта) – и, возможно, не столько потому, что не хватало войск и средств на организацию эффективного фемного устройства (в Малой Азии этот процесс совершался несравненно быстрее), сколько из-за отчетливого, добытого длительным опытом понимания той истины, что славяне должны были предварительно "созреть" в своем общественном развитии, прежде чем стать в полном смысле подданными императора ромеев. Ускорить процесс могло в первую очередь обращение славян в христианство. На этом прежде всего и сосредоточила империя в IX в. (ибо и для христианства славяне должны были "созреть") свои главные усилия в отношениях со славянами. Что же касается их ассимиляции как инородного этнического элемента, то этот процесс был еще более трудным и длительным. Из содействующих ему специальных мер правительства некоторое значение имела политика переселения в славинии или соседние с ними районы подданных империи из малоазийских провинций. Однако именно крещение жителей славянских анклавов, отдаленных от плотно заселенных славянами территорий на севере Балкан, оказалось решающим фактором в судьбах славян в империи как особой этнической общности.

Наконец, о последней проблеме, более глубокому пониманию которой может содействовать интересующее нас свидетельство Никифора, – о возможной связи выкупа пленных Константином V с внутренней ситуацией в империи и ее внешнеполитическим положением, сложившимся к концу 60-х годов VIII в. Выкуп пленных на средства казны представлял собой явную уступку императора силам оппозиции и общественному мнению. На первый взгляд, эта уступка не была обусловлена конкретным ходом событий. Энергичному императору сопутствовала удача в борьбе и с внутренними, и с внешними врагами. Любое сопротивление он подавлял решительно и жестоко. Три главные задачи стояли тогда перед Константином, и в решении всех трех он добился значительных успехов. Первая состояла в отражении натиска протоболгар, соперничавших с империей за утверждение собственной власти над славянами Северной Фракии и Македонии. Вторая задача заключалась в подчинении славиний на имперской земле. Третью задачу император видел в полном подавлении иконодильской оппозиции, особенно в Константинополе, где она оставалась наиболее опасной для судеб трона.

В 763 г. Константин V разгромил болгар под Анхиалом. Годом ранее он принял более 200 тыс. славян, ушедших из Болгарии (где развернулась междоусобная борьба вокруг ханского престола) и позволил им поселиться на северо-западе Малоазийского полуострова, близ р. Артана [8. Р. 148]. Возможно, рассчитывая произвести на славян благоприятное впечатление, император возвел в 766 г. на трон патриарха Константинополя некоего евнуха Никиту, славянина по происхождению, не остановившись при этом перед нарушением канонических правил [11. Р. 440.11–13]. Однако к склонным к союзу с болгарами или признающим их власть славянским племенам Константин относился как к своим злейшим врагам: в 764/765 г. тайные агенты императора сумели схватить и доставить в столицу империи вождя "разбойников" в Северной Фракии Христиана, отрекшегося от христианства (скорее всего – славянина), и князя подвластного хану Болгарии славянского племени северов Славуна (оба были подвергнуты мучительной казни) [11. Р. 436–14–21].

Но в 766–768 гг. положение империи и самого Константина осложнились. Безусловно, возникли веские причины, заставившие бережливого императора пойти на едино-

временные крупные расходы: при средней стоимости раба в то время в 10 номисм (золотых) [18], цена затраченного на выкуп пленных шелка составила 25 000 золотых (примерно 100 кг золота).

Очередной поход Константина V в Болгарию в 767 г. завершился неудачей. Эпизод со Славуном и Христианом показал, что сторону болгар держала часть славянского населения Северной Фракии. Иконоборческий курс императора вызывал по-прежнему сопротивление в среде высшей столичной знати, о чем красноречиво свидетельствуют гонения против иконопочитателей и жестокие казни 766–767 гг. По обвинению в заговоре против императора были казнены два его брата, патриарх Константин II (754–766), логофет дрома и ряд других сановников [8. Р. 156, 158, 160]. Обстановку усложнили поразившие ромеев в 767 г. засуха и голод.

Именно поэтому император провел в эти годы (в 766–767 гг.) ряд крупных мероприятий, имевших социальное значение и способных хотя бы частично улучшить ситуацию и ослабить недовольство прежде всего жителей Константинополя. Он восстановил давно пришедший в ветхость водопровод Валентиниана, дав жителям города воду и работу тысячам бедняков. Он ввел фиксированные цены на зерно, разорительно низкие для крестьянства, погасив таким образом за счет деревни брожение в столице.

На достижение того же эффекта была рассчитана и акция по выкупу пленных ромеев. Соглашение со славянами было крайне необходимо Константину V в его борьбе с оппозицией, оно было запланировано заранее в расчете на крупный пропагандистский успех в условиях резко осложнившейся внутренней и внешнеполитической обстановки. Примечателен тот факт, что освобожденные ромеи не были отпущены на все четыре стороны тотчас после того, как оказались на контролируемой имперскими властями территории. Император приказал доставить их в Константинополь. Именно там была организована грандиозная демонстрация во славу государя. Встреча Константина V с двумя с половинной тысячами выкупленных ромеев могла быть, разумеется, только публичной, на площадях и улицах столицы, на глазах константинопольской толпы. Публичная церемония должна была свидетельствовать, вопреки явным и тайным наветам иконопочитателей, о попечении императора о своих подданных, о его милосердии к плененным язычниками христианам-ромеем, которых он освободил и снабдил необходимыми средствами для возвращения к родным местам или для пропитания хотя бы на первое время на новом месте жительства. Акция Константина V, несомненно, упрочила его положение на троне, который он занимал еще шесть лет.

Заканчивая, повторю еще раз свою основную мысль: уникальное сообщение патриарха Никифора подкрепляет вывод о том, что славинии на византийской земле представляли собой в VIII в. политически и социально организованные объединения славянских племен, подлинно протогосударственные образования. Они являлись серьезным фактором, с которым константинопольское правительство было вынуждено считаться в своей не только внешней, но и внутренней политике. Умаление значения этого фактора (как и его преувеличение) способно обеднить или исказить наши представления о процессе становления фемной военно-административной системы в VII–IX вв. и связанного с нею возрождения могущества Византийской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сюзюмов М.Я.* О правовом положении рабов в Византии // Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та. 1955. С. 169–172, 186; *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960. С. 182–191; *Köpstein H.* Zur Sklaverei im ausgehenden Byzanz. Berlin, 1966. S. 31–42.
2. *Иванова О.В., Литаврин Г.Г.* Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. М., 1985. С. 45–47.
3. *Литаврин Г.Г.* Этносоциальная структура славянского общества в эпоху поселения на Балканах (VI–VII вв.) // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 37–41.

4. *Литаврин Г.Г.* Патриарх Никифор о выкупе пленных ромеев у славян // Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее новое время. Тезисы XIII конференции. М., 1994. С. 10.
5. *Nystazopoulou-Pélékidou M.* Les Slaves dans l'empire byzantin // The 17th International Byzantine Congress. Major Papers. New York, 1986. P. 358; *Rochow I.* Kaiser Konstantin V (741–775). Frankfurt am Main, 1994. S. 105.
6. *Ditten H.* Ethnische Verschiebungen zwischen der Balkanhalbinsel und Kleinasien vom Ende des 6. bis zur zweiten Hälfte des 9. Jahrhunderts. Berlin, 1993. S. 51, 169.
7. *Nicéphori archiepiscopi constantinopolitani opuscula historica.* Lipsiae, 1880. P. 76.
8. *Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History / Text, Translation and Commentary by Cyril Mango.* Washington, 1990. P. 162.8–15.
9. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. I. (I–VI вв.); М., 1995. Т. II (VII–IX вв.)
10. *Lemerle P.* Les plus anciens recueils des Miracles de Saint Démétrius et la pénétration des Slaves dans les Balkans. Paris, 1979. T. I: Le texte.
11. *Theophanis Chronographia/Ed. C. de Boor.* Lipsiae, 1883.
12. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus.* Bonnae, 1838. P. 318.4–6, 321.3–6.
13. *Литаврин Г.Г.* Славинии VII–IX вв. – социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 193–203.
14. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1991. С. 216, 218, 427–433.
15. *Малингудис Ф.* Славяно-греческий симбиоз в Византии в свете топонимии // Византийский временник. 1987. Т. 48. С. 44–52; *Литаврин Г.Г.* Еще раз о занятиях и общественной организации славян на Балканах в VI–VII вв. // Византийский временник. 1992. Т. 53. С. 3–9.
16. Гръцки извори за българската история. София, 1961. Т. IV. С. 39.
17. *Gregoriou-Ioannidou M.* Une remarque sur le recit des Miracles de Saint Démétrius/Comité National Grec des Etudes du Sud-Est Européen. 20. Athenès, 1987, P. 11–15; *Stauridou-Zafraca A.* Slav Invasions and the Theme Organisation in the Balkan Peninsula / *Buzantiaka.* 1992. 12. P. 167–179.
18. *Липшиц Е.Э.* Очерки истории византийского общества и культуры. М., 1961. С. 119.

© 1996 г. КОСИК В.И.

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЮГОСЛАВИИ 1921–1939 годы

Обращаясь к теме русской Церкви в Югославии невозможно обойтись без хотя бы сжатого изложения событий, связанных с возникновением Карловацкого раскола. Итак, в 1921 г. в старинной резиденции сербских патриархов в городке Сремски Карловцы состоялся первый всезарубежный собор, призванный решить различные вопросы церковной жизни за границей, в том числе и вопросы управления. В "церковном собрании", как себя первоначально именовал Карловацкий съезд, присутствовало 96 клириков и 67 мирян [1. С. 16]. При выработке заключительного документа собор "споткнулся" на династии Романовых: включать ли в текст тезис о восстановлении монархии. Митрополит Антоний считал, что вопрос о династии не носит политического характера, а имеет церковное значение. Ибо, как полагал владыка, "отвергать этот вопрос целиком – значит отвергать существующие никем не отмененные основные законы, соглашаться с так называемыми "завоеваниями революции", т.е. одобрить низвержение государя и царственной династии, уничтожение русского народа и вместе с тем подвергать народ русский кровопролитию и ужасам бонапартизма и самозванщины. Вопрос этот моральный, нравственный, а следовательно и чисто церковный". Митрополит твердо здесь придерживался "Утвержденной Грамоты Собора 1613 года", призвавшего на трон Михаила Романова со всем его потомством. Отклонение от этого принципа, по его мнению, "было бы признанием в той или иной форме законности богоборческой революции" [2. Т. VI. С. 31–33]. Здесь митрополит Антоний смешивал февральскую революцию с октябрьской. Он не хотел вспоминать ни того, что после февральской революции Церковь вместо бывшего царя поминала "благочестивое Временное правительство", прямо повинное в свержении династии Романовых, ни того, что на Соборе 1917–1918 гг. была выработана специальная формула поминовения советской власти, признанной Церковью [3]¹.

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

¹ Позднее, в 1928 г., митрополит Антоний в статье "Церковность и политика" писал: "Вот и теперь то же самое, что и в тогдашней прессе. Заступаться за армию – не политика, призывать ее на бой с большевиками – не политика, осуждать социализм – не политика, а пояснять, что монархия является единственной властью, при которой вера и церковь не будут гонимы – это политика? ... Если же под политикой разумеется все соприкасающееся народной жизни, начиная с правового положения Церкви в государстве, то церковная власть и Церковные Соборы *должны* участвовать в политической жизни и с этих сторон предъявлять ей определенные требования ... Итак, Карловацкий Собор не только не имел право, но и *обязан* был *благословить армию* на борьбу с большевиками, а также вслед за Московским Великим Собором 1917–1918 гг. осудить социализм и коммунизм... Никто не говорил о навязывании [династии Романовых. – В.К.], никто не говорил о самом порядке восстановления России. *Собор предлагал молиться за восстановление ее, т.е. монархической и теократической России, какую она была до революции*" [4.

В свою очередь его оппонент митрополит Евлогий придерживался иной – более осторожной и взвешенной – позиции. Его тезисы сводились к следующему: "1. Даже среди монархистов имеется раскол, а что будет в приходах? Значит, время еще не созрело. Наша цель объединение. Поспешность может только помешать восстановлению монархии. 2. Наше упоминание Романовых только компрометирует их. Кто мы, чтобы заявлять им, что они имеют право на престол. Они это сами знают лучше нас. А сравнивать их с другими претендентами унижительно [митрополит упоминает как таковых генералов Слащева и Петлюру. – В.К.]. 3. Романовых должен призвать народ и не наше дело предупреждать его волю. 4. Господь отнял престол от Романовых. Он силен дать его другим" [5. С. 139]. Перевес монархической партии на соборе обусловил ее победу и соответственно поражение владыки Евлогия. В текст соборного послания "Чадам русской православной Церкви в рассеянии и в изгнании сущим" были включены следующие строки: "И ныне неусыпно пламенеет молитва наша – да укажет Господь путь спасения и строительства родной земле, да даст защиту Вере и Церкви и всей земли русской, и да осенит Он сердце народное, да вернет на всероссийский Престол Помазанника, сильного любовью народа, законного православного царя из Дома Романовых" [5. С. 142]².

Собор избрал и органы управления: Архиерейский собор и Синод, под водительством митрополита Антония.

Призыв – хотя и в молитвенной форме – к восстановлению династии Романовых и Обращение русского всезаграничного церковного собора к Генуэзской конференции (принято задним числом) с предложением о военной интервенции против советской России были осуждены патриархом Тихоном. За Карловацким собором не признавалось канонического значения, а его действия расценивались как не выражающие официального голоса русской православной Церкви. Иначе и быть не могло с учетом даже того обстоятельства, что патриарх Тихон еще в 1919 г. в своем послании от 25 сентября запретил подведомственному духовенству принимать участие в политической борьбе, в частности, с большевиками, чтобы избежать упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику [1. С. 17]. Разумеется, надо было учитывать и положение Матери-Церкви в России, ту ситуацию, когда она подвергалась не только притеснениям со стороны ГПУ, но и испытывала внутренние потрясения – достаточно вспомнить обновленчество, инспирированное репрессивными органами. Аресты, ссылки, казни пастырей – все это лишь усугубляло вопрос о нормализации отношений с русской зарубежной Церковью, считавшей, что церковное руководство в Москве не свободно, а его резкие заявления в адрес епископов, оказавшихся вне России, инспирированы властями. Нельзя сказать, что митрополит Сергей, ставший заместителем Патриаршего Местоблюстителя (1925–1937) не понимал всей сложности ситуации. В 1926 г. в своем письме к заграничным иерархам, просившим его выступить судьей между Синодом и митрополитом Евлогием, он писал: "Мне думается, польза самого церковного дела требует, чтобы Вы или общим согласием создали для себя центральный орган церковного управления, достаточно авторитетный, чтобы разрешать все недоразумения и разногласия... не прибегая к нашей поддержке (*всегда найдутся основания заподозрить подлинность наших распоряжений*) [здесь и далее курсив мой. – В.К.] или объяснить их недостаточной осведомленностью: одни будут их признавать, другие – нет...), или же, если такого органа, общепризнанного всей эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уж лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может, и потому всем Вам пришло время встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно), местной православной власти, например,

1928. 14 X. Л. 2]. Подробнее о проекте митрополита Антония по вопросу взаимоотношений Церкви и самодержавия см. [4. 1928. 2 IX. Л. 2–3].

² Небезынтересно отметить, что днем ранее всеми членами собора – в том числе и евлогианцами – было принято послание к "христолобивому воинству", которое носило совершенно аналогичный характер [6].

в Сербии – сербскому патриарху, и работать на пользу той частной православной церкви, которая Вас приютила. В неправославных странах можно организовать самостоятельные общины или церкви, членами которых могут быть и не русские. Такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных недоразумений и распрей, чем старания всех удержать власть и подчинить искусственно созданному центру... Такая постановка дела, по-видимому, *более соответствует теперешнему положению и нашей здешней церкви*" [7]. Это мнение поддерживал и Синод митрополита Сергия в своем послании (апрель, 1927 г.), где указывалось, что управление заграничными православными епархиями "из Москвы в церковном отношении невозможно по отсутствию легальных форм сношений с ними" и доказывалось, что церковное руководство в Москве не в состоянии судить зарубежных иерархов уже только потому, что каноны не допускают церковного суда за политические преступления (цит. по: [8. С. 4]). Практически митрополит Сергей вначале был убежденным сторонником автономии русской зарубежной Церкви "до возобновления правильных и беспрепятственных сношений" [8. С. 4]. Однако с течением времени его позиция претерпела изменения в сторону ужесточения своих требований к русской зарубежной Церкви. Как писал в 1937 г. известный канонист С. Троицкий – ревностный защитник Карловацкой церкви, а впоследствии – столь же ярый ее критик – это было вызвано давлением со стороны советской власти [8. С. 5–6]. Диссонанс в подходах и оценке деятельности каждой из сторон привел, как известно, к разрыву. В 1934 г. Карловацкая церковь была подвергнута прещению, которое не отменено и по сей день. Каждая из сторон считала и считает себя правой. Если из Москвы епископов-беженцев упрекали в нарушении церковных канонов, то в Белграде говорили о несвободе Матери-Церкви.

Такова была общая ситуация, обрисованная здесь довольно схематично. Но если о той же Карловацкой церкви уже накопилась определенная информация, то страноведческий аспект ее деятельности только начинает привлекать внимание исследователей. И здесь Югославия занимает, пожалуй, самое важное место, хотя бы потому, что именно в этой стране наиболее рельефно отразилась вся сложность и богатство бытия русской зарубежной Церкви под водительством митрополита Антония.

Несколько слов о нем. Антоний (Храповицкий Алексей Павлович), митрополит Киевский и Галицкий – церковный и государственный деятель. Поочередно возглавлял Санкт-Петербургскую Духовную Академию, Московскую Духовную Академию, Казанскую Духовную Академию. Член Государственного Совета. Один из трех кандидатов на Патриарший Престол, на выборах набрал наибольшее количество голосов, однако по жребию был избран и наречен Патриархом Московским и всея Руси митрополит Тихон. Блестящий знаток творчества Достоевского и русской культуры. В Сербии с 1920 г., где нашел радушный прием со стороны сербского патриарха Дмитрия (1846–1930)³. Характеризуя тогдашнюю обстановку, один из безвестных пастырей писал: "Одно скажу, всеми русскими людьми большие надежды возлагаются на Церковь. И нам нужно работать как никогда. Нам нужно идти вперед. На нас смотрят, нам доверяют. Промедление смерти подобно. Организуем приходы. Священник и общество – вот лозунг" [9]. Однако с организацией приходов дело подвигалось с трудом. Первый русский православный приход в Белграде был открыт в 1920 г. протоиереем о. Петром (Беловидовым). Он получил семинарское образование, много лет преподавал Закон Божий в одной из школ Новороссийска. Обосновавшись в Белграде, стал членом "Общества взаимопомощи", которое открыло столовую в бывшей казарме французских войск на ул. Короля Петра. Именно там и начали совершаться первые богослужения для беженцев. После пожара, уничтожившего столовую, службы были перенесены в здание сербской мужской гимназии на

³ Дмитрий с возникновением раскола в русской зарубежной Церкви выступил на стороне Антония. 250 русских священников за время его патриаршества нашли себе приходские места в новой стране.

Негушевой улице. Но служить на новом месте было крайне неудобно, так как в те дни, когда гимназическая зала была занята, приходилось совершать службы в коридоре. К тому времени, как писал биограф митрополита Антония архиепископ Никон (Рклицкий), по инициативе известного славянофила А.В. Васильева было создано "Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве сербов, хорватов и словенцев". Оно "считалось более правого направления" и о полной солидарности с о. Петром, полагавшим, что "общество" вторгается в его сферу и мешает ему, не могло быть и речи. Тем временем Васильев получил разрешение от патриарха Димитрия перенести богослужения в покойнический барак на старом кладбище, находившемся в центре города вблизи церкви св. Марка. Одновременно было получено благословение патриарха Димитрия и владыки Антония на сбор средств для постройки русского храма, месторасположение которого было еще не определено. Но, сформированный к этому времени (1923) белградский причт во главе с о. Петром, задумал возвести его именно на месте барака, т.е. в самом центре города. Был сделан соответствующий проект (архитектор В.В. Сташевский). Патриарх Димитрий, которому было доложено, что речь идет лишь о временном переустройстве, дал нужное разрешение. Началась стройка на глазах изумленного духовенства церкви св. Марка. Сербскому патриарху "полетела" жалоба, что его "обманули" русские и строят свою церковь. Однако Димитрий не стал предпринимать каких-либо решительных мер, ограничившись упреком митрополиту Антонию, который, к слову сказать, был совершенно неосведомлен о плане о. Петра. Тем временем стройка шла ударными темпами. Председатель совета министров Н. Пашич отпустил из казны 40 тыс. динаров, два кирпичных завода пожертвовали кирпичи. За 39 дней здание церкви было закончено. 28 декабря 1924 г. митрополит Антоний освятил ее малым чином (т.е. как обыкновенный храм, но не кафедральный) в честь св. Троицы [2. Т. V. С. 96–97].

Насколько сербские церковные власти были недовольны появлением русского храма в центре столицы отчетливо видно из истории с небольшим колоколом, пожертвованным Джурджиной Пашич, вдовой Н. Пашича. Лишь после долгих проволочек патриарх Димитрий наложил положительную резолюцию по просьбе вдовы исторического деятеля Сербии. 23 декабря 1923 г. (5 января 1924 г.) глава сербской Церкви выдал грамоту на имя митрополита Антония, где сообщал о своем согласии временно повесить колокол и просил известить русскую церковную общину и о том, что "вместо этой капеллы будет выстроена новая русская церковь в Белграде на другом месте, что и предусмотрено уговором и нашим распоряжением, данным по соглашению с Вами" [2. Т. V. С. 97–98]. Как известно, новая церковь так и не была возведена. Колокол же в память Н. Пашича – ревностного русофила – можно видеть и сегодня.

Надо сказать и то, что как в среде русофильски настроенных владык, получивших образование в России, так и среди тех, кто завершил его на Западе и держал себя несколько отстраненно, был определенный круг иерархов, которые считали, что русским незачем иметь за границей свою церковную организацию: "живущие в Сербии должны влиться в сербские приходы... а архиереи пускай живут на покое в монастырях" [2. Т. V. С. 95]. Все это не могло не стеснять деятельность владыки Антония, вынужденного учитывать эти настроения.

Определенную оппозицию митрополиту Антонию составлял и белградский причт, считавший русских епископов "беженцами, живущими из милости в Сербской Патриархии и поэтому лишь терпел, что они служили в Белградской церкви" [2. Т. V. С. 99]. Насколько неудовлетворительно складывались отношения владыки Антония с белградским приходом видно из отказа последнего вносить деньги на содержание Архиерейского Синода в тот момент, когда в правительственной прессе была начата кампания против Синода, инспирированная русскими церковными и общественными кругами во Франции и Америке. Как писал архиепископ Никон, «владыка не мог быть уверенным в верности и преданности даже ближайшего духовенства» [2. Т. V. С. 100].

Однако эти разногласия внешне не сказывались на деятельности русской церкви в Белграде. Окормление многотысячного прихода шло довольно успешно. Только в 1930 г. одних литургий было совершено свыше 200, общее количество богослужений приближалось к 500. Кроме приюта для безработных при храме было открыто общежитие для студентов. Активно велась и просветительская работа [4. 1930. № 82. С. 4].

Наряду с храмом в Белграде в стране действовали и другие церкви. Так, в Белой Церкви стараниями о. иеромонаха Иоанна (в миру кн. Д.А. Шаховской) был отстроен лучший, по мнению архиепископа Нестора, русский храм в Югославии [10]. В этом небольшом провинциальном городке была открыта и скромная пастырская школа, выпускники которой охотно принимались для работы в сербских приходах [11]. В Великом Бечкереке была открыта русская церковь Михаила-архангела. Она размещалась в бывшей турецкой тюрьме, где ранее томились православные сербы. Настоятелем церкви были о. Владимир (Востоков), чье имя и энергия были хорошо известны еще в самодержавной России. В Новом Бечее русские возобновили богослужения в переданной им сербами старинной (начало XVI в) монастырской церкви Успения Божией Матери [10]. Случалось и так, что сербский владыка руководил русской церковью, как это было в Нови Саде, а русский епископ стоял во главе сербского монастыря Раковица [4. 1930. № 108. С. 6].

В Югославии действовали и свои русские монастыри – Хоповский женский и Мильковский мужской. Общежительный монастырь в Милькове был сооружен в начале XV в. св. Стефаном Высоким. В 1926 г. был передан русским монахам во главе с архимандритом о. Амвросием (1894–1933) (Владимир Зиновьевич Курганов). Несколько слов о нем. Родился в семье священника в Пензенской губернии. После учебы в Пензенской семинарии поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета, который закончил в годы мировой войны. Во время революции был в одном из монастырей Херсонской епархии, затем в Оптиной Пустыни. Ушел в Белую армию, был тяжело ранен. В 1923 г. принял монашеский постриг в монастыре Петковица Шабацкой епархии. За сравнительно короткий срок о. Амвросий превратил монастырь в центр русской духовной жизни, хотя формально тот находился в ведении Сербской патриархии. Сам монастырь имел около сотни десятин земли, однако лишь одна пятая была пригодна для посевов. К началу 30-х годов в обители было немногим более двух десятков монахов – в основном из выпускников богословского факультета Белградского университета. Среди иноков было и пятеро сербов. Отсутствие помещений и недостаток средств не давали возможности увеличить число обитателей монастыря. Позднее он был преобразован в сербский женский монастырь, где чтут память о. Амвросия и сохраняют его могилу, над которой устроена часовня [2. С. 46–47; 4. 1931. № 213. С. 2]. Многие из монахов Мильковской обители стали видными деятелями русской зарубежной Церкви. Среди них: Иоанн (Михаил Максимович), епископ Шанхайский (канонизированный русской зарубежной Церковью в 1989 г.), о. игумен Антоний – начальник Русской Духовной миссии в Иерусалиме, о. иеромонах Филипп (Гарднер) – специалист и знаток церковной педагогики, о. Савва (Константин Петрович Струве), трудившийся на Пряшевской Руси, в Карпатах.

Широко известно было и русское Леснинское монастырское сестричество, размещенное в Хоповском монастыре, построенном в XVIII в. Во главе этой обители, основанной в 80-х годах XIX в., вначале стояла игуменья Екатерина (1850–1925) (графиня Евгения Борисовна Ефимовская), чье имя в частности связано с выдвигавшимся ею проектом по созданию института дьяконисс в русской Церкви. Несколько позже в монастырь пришла дочь председателя Виленского Окружного суда княжна Львова, бежавшая туда из родительского дома и принявшая постриг под именем Нины. Эти две монахини и создали Леснинский женский монастырь, известный всей России. Перед началом первой мировой войны в нем насчитывалось до 700 инокинь, функционировала сеть учебных заведений для крестьянских девушек. После

революции оставшиеся 70 монахинь были эвакуированы в Румынию. Затем сербский епископ Досифей Нишский "по подсказке" митрополита Евлогия и озаботился о переезде их в Сербию. В Королевстве СХС сестричество, сообразуясь с материальными возможностями, продолжило свои традиции. В середине 30-х годов в обители воспитывалось 35 детей в возрасте от трех до восьми лет, где они получали подготовку для поступления в средние учебные заведения. В монастырской церкви служил о. Алексей (Неклюдов? Нелюбов?) (1879–1937), 25 лет отдавший Леснинскому сестричеству и продолжавший работать в Хопове. Сербским наместником монастыря был о. Паисий. Обитель содействовала возрождению женского монашества в Югославии. Здесь собралась небольшая группа монахинь-сербок, основавшая свой монастырь – Кувеждин во главе с игуменией Меланией. В дальнейшем – вначале в Нишской епархии, а затем по всей Сербии – стали возникать и другие женские обители [2. С. 128–130; 4. 1930. № 111. Л. 6; 12. С. 339–340; 13]. В годы войны насельницы были принуждены перебраться в Белград. В 1950 г. сестры-инокини выехали из Югославии и обосновались в Провемоне, недалеко от Парижа.

Именно в Сербии возникло и первое русское церковное сестричество, известное как Маринское. Оно было открыто 17/30 декабря 1921 г. по инициативе княгини Марии Александровны Святополк-Мирской, которая и стала старшей сестрой в нем. Кроме благотворительной помощи, сестричество активно занималось и сбором средств на храмовые постройки, в том числе и на Иверскую часовню [2. С. 118].

Предыстория создания храма-часовни связана с устройством русского кладбища, где княгиня предполагала воздвигнуть простенькую часовню для отпевания усопших. Однако во время переговоров с городскими властями была получена весть о разрушении (в 1929 г.) Иверской святыни в Москве, построенной в 1669 г. (восстановлена в 1995 г.). Тогда и возникла идея о воссоздании – вместо кладбищенской часовни – на братской сербской земле Иверской [14. С. 30]. Строителем ее стал уже упоминавшийся здесь В.В. Сташевский. Пожертвования шли отовсюду, где жили русские люди. Они "посылали ценные вещи, зачастую составлявшие самую дорогую память для жертвователей: матери присылали ордена и разные предметы, оставшиеся от их убитых и умерших сыновей; вдовы – вещи мужей и даже обручальные кольца; сироты – вещи своих родителей" [14. С. 34–35]. В 1931 г. часовня была открыта. В ее стенах с внешней стороны в особых нишах были помещены два больших образа: Святителя Николая – в память императора Николая II и Святителя Алексея – в память наследника Цесаревича. В самой часовне были собраны и святыни главных церковно-исторических центров России: в память Москвы – Иверская икона (список с Афона), в память Киева – икона Успения Божией Матери (из Иерусалима), в память Петрограда – копия образа Нерукотворного Спаса, что был в домике Петра Великого [14. С. 58–59].

Русская церковь бережно сохранила и другую добрую традицию, устраивая на югославской земле православные братства. Среди них были: Братство в память о. Иоанна Кронштадского, братство преподобного Серафима, братство Святого Креста. Не вдаваясь в подробности их деятельности, придерживавшихся тех же целей и задач, как и в дореволюционной России, остановлюсь лишь на братстве Святой Руси им. св. Владимира. Учрежденное в начале 30-х годов и руководимое митрополитом Антонием, оно должно было объединить "все русские национальные организации на общей единой основе – Православной вере". Отделы братства формировались во всех епархиях и миссиях русской зарубежной Церкви. Митрополит Антоний наивно полагал, что оно сможет ликвидировать раздоры в эмигрантской среде, но его грандиозный план явно не удался. Один из современников писал, что так называемое "Владимирское движение" провалилось из-за того, "что не было создано надлежащей духовной школы, не подготовлены кадры духовенства", "не были найдены пути к духовным стремлениям эмиграции" [15]. Иными словами, язвы, разъедавшие эмиграцию, были весьма застарелыми. Нужно было обоюдное желание, а таковое отсутствовало.

Как и для многих братств задаче воцерковления православных русских была подчинена деятельность курсов по борьбе с безбожием (1937). Выступавший на их открытии Б.Р. Гершельман с пафосом подчеркнул, что "неверующая и неправославная Россия не может уже носить этого имени – это будет какая-то новая страна на развалинах России. Поэтому главной задачей эмиграции является сохранение веры православной во всей ее чистоте и неприкосновенности, ибо только тогда она будет почитаться православной и будет источником возрождающейся силы" [16]. Оставляя в стороне риторический характер этих высказываний, следует отметить, что здесь видна претензия на свою исключительность, тот своеобразный мессианизм, обусловленный тяжелой ситуацией в православной Церкви с ее расколами. Из десяти тысяч русской колонии в Белграде записалось на курсы лишь двести человек. Следует ли расценивать это как успех или неудачу определить весьма сложно. Нужно лишь отметить, что кроме священнослужителей к преподаванию были привлечены профессор П.Б. Струве, В.А. Машин, Щербаков. Дали свое согласие читать лекции профессор А.Ю. Вернер, В.А. Розов, А.П. Доброклонский, Г.А. Острогорский, Е.В. Спекторский, А.В. Соловьев. Для слушателей читались курсы по Ветхому и Новому Заветам, всеобщей и русской истории, обществоведению и другим предметам [4. 1937. № 6. С. 93; 16].

Вопросы веры, единства и гармонии мира и церкви горячо обсуждались и в русской студенческой среде. Именно в Югославии зародилось русское христианское молодежное движение, впоследствии распространившееся по всему Российскому зарубежью. Его начало было связано с деятельностью небольшого кружка из русских студентов богословского факультета Белградского университета⁴. Среди "кружковцев" были: уже упоминавшийся ранее Михаил Борисович Максимович (1896–1966), будущий епископ Женевский Леонтий (Барташевич), будущий архиепископ Чикагский и Детройтский Серафим (Иванов), Константин Эдуардович Керн (1899–1960). Как писал о Керне его друг Н. Зернов, это был "эстет и поклонник Блока, он был в то же время славянофилом, отвергавшим Запад и прихотливо соединявшем в себе романтизм с трезвенностью православной церковности" [17. С. 23–25]. В 1927 г. он принял постриг под именем Киприана, в 1925–1927 гг. – учительствовал в Битольской семинарии, в 1928–1930 гг. – трудился на посту начальника Русской миссии в Иерусалиме, в 1936 г. прибыл в Париж, где до своей кончины преподавал в Богословском институте литургику в патрологию. Известен своими трудами по святоотеческому наследию.

В этом кружке возникло два течения. В одном больше интересовались вопросами аскетике и молитвы. В другом – строительством православной культуры и миссионерскими задачами христианства. Эта своеобразная разноплановость шла только на пользу, обогащая жизнь кружка и давая материал для дискуссий, обмена мыслями [2. С. 130].

На собраниях кружка бывал митрополит Антоний. Там выступал крупный богослов архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), читал лекции епископ Гавриил Челябинский. Одним из первых прочел свой доклад В.В. Зеньковский на тему "Причины русской революции". По его мнению, одна из них заключалась в "стеснительной опеке Церкви самодержавием, лишавшую верующих свободы и самостоятельности. Многие поэтому... смотрели на Церковь, как на послушное орудие в руках правительства и отпадали от христианства. Это отчуждение от Церкви, особенно молодежи, способствовало росту революционных настроений и подорвало жизненные силы империи" [17. С. 29–30].

Свои методы работы студенчество заимствовало от Всемирного Христианского Союза молодых людей – интерконфессиональной ассоциации, известной под аббревиатурой ИМКА. В Сербии это движение большого развития не получило и центр его переместился в Париж. Возможно, что причиной сдержанности руководства

⁴ Кружок был создан в 1921 г., в 1925 г. преобразован в Свято-Серафимовское общество.

русской Церкви в Югославии по отношению к Движению была приписываемая ему связь с ИМКА, которую считали причастной к масонству [12. С. 489–490]⁵.

Следует заметить, что тема масонства оживленно дискутировалась в эмигрантской среде. Не обошла своим вниманием масонство и Карловацкая церковь. В окружном послании Собора архиереев Русской православной церкви за границей ко всем своим чадам (1932) масонство определялось как "тайная интернациональная мировая революционная организация борьбы с Богом, с христианством, с Церковью, с национальной государственностью и особенно с государственностью христианскою" [16. 1935. № 2. С. 25]. В 1938 г. Собор с участием представителей клира и мирян в очередной раз единодушно осудил масонство поименным голосованием. В резолюции подчеркивалось, что несмотря на осуждение Церковью франкмасонства, определенная часть русских людей, считающих себя православными, "продолжают состоять и вновь поступать в это тайное общество". Учитывая явную "связь мирового масонства с воинствующим безбожным движением, тождественным с III Интернационалом, поработившем Россию, и что, следовательно, члены этого тайного сообщества суть союзники врагов России", Собор постановил извергнуть из лона Церкви всех тех, кто не принесет установленного покаяния в таинстве исповеди [16. 1938. № 8–9. С. 130–131].

Надо полагать, что косвенным образом решение Собора было направлено против митрополита Евлогия с его сторонниками, которых упрекали за связь с упомянутой ИМКА.

Осуждая масонство, Архиерейский Синод во главе с митрополитом Антонием последовательно, упорно и настойчиво поддерживал организации, чьи действия и политика строились на базе борьбы с большевизмом. В 1930 г. митрополит Антоний открыто призвал православных людей в подъяремной России и в Зарубежье на борьбу с "Красным Антихристом". В своем пламенном обращении он восклицал: "Нет мира между Христом и Сатаной. Властью, данной мне от Бога, благословляю всякое оружие против красной Сатанинской власти поднимаемое, и отпускаю грехи всем, кто в рядах повстанческих дружин или одиноким народным мстителем сложит голову за Русское и Христово дело.

Первое же всего благославляю оружие и боевую работу всенародного Братства Русской Правды, которое уже немало лет словом и делом ведет усердную работу против красного Сатаны во имя Бога и России" [4. 1930. № 92. С. 1]⁶.

Какие-либо комментарии здесь представляются излишними. Можно лишь добавить одно. В 1934 г. в разговоре с известным А. Казем-Бекем, чье имя тесно связано с движением младороссов (позднее, уже будучи в Советском Союзе, работал в Патриархии), митрополит произнес следующие слова: "Все промыслительно... и Промысл Божий проявился в том, что Патриархом в такое время оказался святейший Тихон. Я бы мог погубить нашу Церковь" [1. С. 18].

И еще коснусь вскользь одной деликатной темы, а именно фашизма образца 30-х годов. Не является большим секретом, что многие русские эмигранты в Югославии

⁵ Следует заметить, что для масонства работа в Югославии шла тяжело. В одном из документов говорится следующее: "Русское масонское объединение пополняется новыми кандидатами весьма медленно и с большими затруднениями в связи с настроениями и духом русской эмиграции в Югославии. Настроение это черносотенное и по отношению к масонству – очень неблагоприятное" (цит. по: [18]). Сюда же можно добавить, что в работе ложи "Максим Ковалевский" в Белграде числилось лишь 12 человек.

⁶ Лозунги Братства Русской Правды: 1. Полная свобода для всех религий при первенстве христианской православной веры... 2. Охрана русского быта, что растит человека русским. Для всех же прочих племен и народов охрана их привычного, предковского, семейного быта, который делает человека честным сыном своего народа и верным гражданином общей Матери-Родины... 4. Свобода частной собственности... 6. Междуклассовый мир и дружное сотрудничество всех классов во имя всенародного блага при полной охране прав и интересов трудового народа... 11. Широкое местное самоуправление и широкие автономии для отдельных народностей, при сохранении единства русской державы. 12. Всероссийский Земский Собор для решения окончательного устройства правления [4. 1930. № 96. Л. 3].

поддерживали приход А. Гитлера к власти и идеологические установки национал-социализма. В личности вождя германской нации видели своеобразное орудие возмездия "мировому масонству", отождествляемого с "безбожным большевизмом". Какова же здесь была позиция митрополита Антония? Незадолго до своей кончины он заявлял: "Я далек от международной жизни и не знаю современных вождей Германии: тем не менее я не враг Германии, а совершенно наоборот" [4. 1935. № 439. Л. 2]. Расшифровке этой фразы может помочь заявление редакции газеты "Царский Вестник", являвшейся полуофициозом владыки (редактор – Н. Рклицкий). В нем подчеркивалось, что они "приветствуют идею о необходимости сближения, но... при условии, чтобы немцы оставили свой традиционный взгляд на русский народ, как на подлежащий уничтожению этнографический материал, годный лишь для удобрения немецкой культуры" [4. 1935. № 439. Л. 2]. Как известно, история не терпит условного наклонения и расставила все точки над *i*, но это уже произошло при митрополите Анастасии (Грибановском) и требует отдельного исследования.

Говоря о русской Церкви в Югославии, ее взаимоотношениях с государством, надо сказать, что само ее существование к концу 30-х годов было под угрозой. Причин этому было много. Однако основная заключалась в том, что русская Церковь не была формально признана в Югославии. Как подчеркивал уже известный С.В. Троицкий, она представляла собой филиал сербской Церкви, которая и занялась определением ее прав. Это подтверждается постановлением Св. Архиерейского Собора Сербской Церкви от 31 августа 1921 г., где говорилось о согласии взять под свою защиту Русское Высшее Церковное Управление, в компетенцию которого входили: "1. Юрисдикция над русским священством вне нашего государства, которое не находится ни на гражданской, ни на государственно-просветительской службе, как и над военным священством в русской армии, которое не находится на сербской церковной службе; 2. Бракоразводные дела русских беженцев" [19. С. 106].

Здесь следует заметить, что решение русского церковного суда по брачным делам не имели под собой соответствующей законодательной базы в государстве и всецело зависели от усмотрения административных властей, т.е. чиновников. В сущности, такая волюнтаристская практика только усложняла разрешение семейных споров и правовое положение потомства. Например, русские священники могли венчать только русских беженцев. Брачное таинство с подданным/ой королевства мог совершать только служитель сербской Церкви [19. С. 110].

Непризнание Русской Церкви со стороны государства неудовлетворительно сказывалось и на ее материальном положении. Надо сказать, что все признанные властями религиозные организации получали значительную ежегодную помощь на содержание администрации из бюджета министерства юстиции и определенную сумму денег на содержание духовно-учебных заведений по линии министерства просвещения [19. С. 116]. Соответственно, Русская Церковь в Югославии не имела и права на сбор и обложение своих прихожан налогами и таксами, что обычно представляло основной источник поступлений в церковную казну.

Если учесть, что Сербская Церковь считала основным критерием принадлежности русских беженцев к Русской Церкви отсутствие у них югославского подданства, то следует согласиться с выводом С. Троицкого о катастрофичности ее положения. Известно, что число русских беженцев, не имевших югославского подданства, неуклонно снижалось уже потому, что найти работу было гораздо легче, имея паспорт королевства.

Может и должен возникнуть вопрос, почему государство не признавало Русскую Церковь? Возможно, судя по высказыванию Троицкого, непризнание за Русской Церковью официального статуса базировалось на одном из старинных законов, который гласил: "если догматы, учение, богослужение... будут... тождественны с одним из уже признанных или усвоенных исповеданий или от них будут различаться только в языке богослужения, или церковной администрации" – то власти могли отказать в соответствующей регистрации [19. С. 123]. Но здесь следует выдвинуть

следующее предположение, суть которого заключается в том, что признание официального статуса за Карловацкой церковью было чревато политическими осложнениями. Правительство и сербская Церковь не хотели давать еще один козырь в руки тех, кто критически относился к русской эмиграции, кто видел в ней оккупантов. По сути дела вопрос признания Русской Церкви в Югославии оказался в своеобразном зачарованном круге: сербская Церковь отнюдь не стремилась выступить перед властями инициатором признания, государственные же органы в свою очередь не хотели решать эту проблему самостоятельно.

И в то же время светские и церковные власти в Югославии оказывали большую помощь русской эмиграции и ее пастырям. Достаточно вспомнить патриарха Варнаву (Петр Росич) (1880–1937), ставшего преемником Димитрия в 1930 г. Он получил высшее богословское образование в Санкт-Петербургской Духовной Академии, где тогдашним редактором был епископ Сергей (Страгородский). Там же принял монашеский постриг. Во время первой мировой войны вновь посетил Россию с целью ознакомления правительства и общественности с проектами сербов по созданию после войны объединенного югославянского государства. Во время выполнения этой миссии близко познакомился с митрополитом Антонием. Из всех зарубежных иерархов он больше всех поддерживал Карловацкую церковь и самым решительным образом защищал митрополита Антония перед митрополитом Сергием. Лучше всего характеризует позицию патриарха Варнавы сам Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в своем письме к митрополиту Елевферию от 13 марта 1936 г., где митрополит Сергей писал: "На мою телеграмму Патриарх Варнава ответил полным отказом изменить свою позицию... Вы де и даже Ваш собор можете сколько угодно запрещать или отлучать. Мы знаем, что Вы не свободны, и потому Вашим запрещением и отлучением не придаем никакого значения и по-прежнему будем считать себя в общении с Русской Церковью. Значит, самочинная консолидация нашего эмигрантского раскола пойдет полным ходом и Патриарх Варнава остается покровителем и вдохновителем всего предприятия, открыто имея молитвенное общение с раскольниками" [8. С. 8]. Неожиданная, а по мнению некоторых загадочная, кончина главы Сербской Церкви уже не могла изменить ситуацию.

Русская церковь в Югославии продолжала окормлять свою стареющую паству, для которой храм, приход были прибежищем в трудные годы эмиграции. Вторая мировая война явилась новым тяжелым испытанием для русских иерархов в Югославии. Но это уже другая история, требующая отдельного труда. Наша же закончилась, но точку ставить рано. Здесь уместнее многоточие. Многое еще не выяснено, недосказано, иное спорно, другое затерто. Смею надеяться, что собранная здесь информация будет полезна для исследователей истории зарубежной Русской Церкви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Казем-Бек А.* Прошлое и настоящее парижского раскола // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 4.
2. *Никон (Рклицкий), архиепископ.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1960.
3. *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 286.
4. Царский Вестник.
5. *Зернов Н.* Юрисдикционные споры в русской Церкви эмиграции и I всезарубежный собор в Карловцах в 1921 году // Вестник Русского Христианского Движения. 1974. № 114.
6. Старое время. 1924. № 74.
7. Вестник Русского Христианского Движения. 1974. № 114. С. 147.
8. *Троицкий С.* Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. Сремские Карловцы, 1937.
9. ГА РФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 277. Л. 70, 71 об. 9/22 апреля 1922.
10. *Нестор, архиепископ.* Очерки Югославии (впечатление путешествия). Харбин, 1935.
11. *Иоанн, архиепископ Сан-Францисский (Шаховской).* Избранное. Петрозаводск, 1992. С. 79.

12. *Евлогий, митрополит*. Путь моей жизни. М., 1994. С. 339–340.
13. *Зернов Н.* Русское религиозное воззрение в XX веке. Paris, 1991. С. 67.
14. *Маевский В.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932.
15. *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Нью-Йорк, 1966. С. 134.
16. Церковная жизнь, 1937. № 6. С. 93.
17. За рубежом Белград–Париж–Оксфорд (хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. И.М. и М.В. Зерновых. Paris, 1973.
18. *Платонов О.* Терновый венец России. История масонства 1731–1995. М., 1995. С. 300.
19. *Троицкий С.В.* Правовое положение русской церкви в Югославии // Записки Русского научного института. Белград, 1941. Вып. 17.

© 1996 г. МАРЬИНА В.В.

Э.БЕНЕШ: ПОСЛЕДНИЙ ВИЗИТ В МОСКВУ (МАРТ 1945 ГОДА). ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ОЧЕРК

Начало 1945 г. принесло с собой ощущение близкого конца длившейся уже более пяти лет второй мировой войны и краха фашистской Германии. Все яснее становилось также, что Советский Союз, исходя из своих национально-государственных интересов (в переписке того времени с Черчиллем Сталин настойчиво подчеркивал мысль о "зоне интересов" СССР) и на правах победителя, постарается обеспечить себе политическое влияние в странах Восточной Европы. К тому времени дружественные Москве правительства при ее непосредственном или косвенном участии уже были созданы в Болгарии, Румынии, Венгрии, Польше, Югославии. Красная Армия вела боевые действия в Восточной Словакии. Учитывая сложившуюся ситуацию и исходя из выработанной им формулы чехословацкой внешней политики ("50% – на Запад, 50% – на Восток"), Э. Бенеш принял предложение Москвы, высказанное Вышинским, а затем Молотовым в беседах с чехословацкими политическими деятелями 26 и 27 декабря 1944 г., возвратиться на родину через территорию СССР.

Уже 31 декабря 1944 г. Бенеш в телеграмме послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру поддержал эту идею, обозначив даже предварительный круг вопросов, которые могли бы быть обсуждены им с советскими лидерами, и, в частности, касающиеся Подкарпатской Руси, чехословацкой внешней политики, осуществления трансфера, возмещения ущерба, нанесенного Германией и Венгрией [1, S. 490, 493, 495]. При этом Бенеш подчеркнул, что он "ожидал этого приглашения" и приветствует его, поскольку "самые важные для нас вопросы сейчас решаются в Москве, а не в Лондоне". Учитывая возможную реакцию Запада на этот акт, Бенеш считал необходимым определить в качестве местопребывания чехословацкого правительства не Львов, как предлагали советские лидеры, а город на освобожденной территории ЧСР, например, Кошице [1. S. 496].

15 февраля 1945 г. НКВД СССР получил от советника чехословацкого посольства Я. Гнizado уведомление о том, что согласно телеграмме, полученной из Лондона, Бенеш 24–25 февраля 1945 г. выезжает в Москву, где он "хочет сформировать новое правительство", "с которым и поедет на освобожденную территорию Чехословакии" [2, Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 34]. 16 февраля 1945 г. заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский принял в связи с этим З.Фирлингера. Последний сообщил о выезде Бенеша на освобожденную территорию Чехословакии через Москву, "чтобы иметь возможность обсудить с советским правительством ряд актуальных политических вопросов", "встретиться с некоторыми находящимися здесь

(в Москве. – В.М.) политическими деятелями Чехословакии" и "с делегацией Словацкого национального совета". Вышинский заявил, что "Советское правительство будет радо принять президента Бенеша и его сопровождающих и окажет ему всяческое содействие" [2, Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 5. Л. 1].

17 февраля состоялась встреча Фирлингера с заведующим IV Европейским отделом НКВД В.А. Зориным. Сообщив о намерениях Бенеша обсудить в Москве вопрос о создании нового правительства с представителями Словацкого национального совета (Бенеш договорился с СНС, чтобы "5 представителей Совета прибыли к моменту его приезда в Москву") и находившимися в СССР коммунистами, посол на вопрос советского дипломата "на какой базе мыслится создание нового правительства?" ответил, что это, очевидно, будет "блок трех социалистических партий – социал-демократов, чешских социалистов и коммунистов" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 39–40]. 19 февраля Фирлингер представил в НКВД "список лиц, сопровождающих Бенеша в его поездке через СССР", который включал 27 человек. При этом Фирлингер посетовал, что "не имеет от своего правительства никаких указаний относительно миссии президента Бенеша в СССР" и относительно того, будет ли визит носить официальный характер. Посол предполагал, что приезд Бенеша в Советский Союз "будет чисто делового порядка" и что президент "намерен встретиться с товарищами И.В. Сталиным и В.М. Молотовым с тем, чтобы обсудить вопрос о новом составе чехословацкого правительства и другие вопросы" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 41–43].

Через несколько дней Фирлингер уведомил НКВД, что согласно телеграмме полученной от Я. Масарика, визит Бенеша в СССР не носит такого официального характера, как в прошлый раз (в декабре 1943 г. – В.М.), но, однако, "его нельзя рассматривать как неофициальный". Бенеш, по словам Фирлингера, "не хотел бы доставлять много хлопот нашему (советскому. – В.М.) протоколу" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д.6. Л. 48].

Думается, что Бенеш ясно осознавал то, что в сложившейся ситуации "дружественное" по отношению к СССР правительство Чехословакии, скорее всего наподобие польского "люблинского комитета", может возникнуть при всех обстоятельствах, независимо от желания или нежелания кого бы то ни было на Западе. И он, как опытный политик, предпочел, опираясь на советско-чехословацкий договор 1943 г., взять инициативу в свои руки. В конце войны, видимо, Бенеш еще больше утвердился в мысли, высказанной им в беседе с генералом В. Сикорским в начале 1942 г., о том, что "надо договориться с Советами, чтобы прийти в Прагу и Берлин вместе с Красной Армией" и что "надо пойти на уступки СССР, так как они все равно возьмут то, что им нужно силой, и тогда будет хуже" [2. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 6]. Поэтому Бенеш был решительно настроен войти в Прагу вместе с Красной Армией.

21 февраля в НКВД поступило сообщение, что выезд Бенеша и его группы намечен между 26 и 28 февраля на трех английских самолетах и что избран северный маршрут: Стокгольм – Хельсинки – Ленинград. Одновременно "в порядке информации" сообщалось, что "в ближайшее время из Лондона пароходом выедет вторая группа членов чехословацкого правительства, правительственных чиновников и иностранный дипломатический корпус, аккредитованный при чехословацком правительстве – всего 200–250 человек, для следования на освобожденную территорию Чехословакии". Посольство получило указание "своего правительства просить содействия советского правительства в получении разрешения на следование этой группы через один из румынских портов (Констанца, Галац) и далее по советской территории в Чехословакию" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д.6. Л. 44].

И тут дело застопорилось: советское руководство не готово было положительно решить ни тот, ни другой вопрос. Что касается маршрута, то оно предлагало южный вариант: через Каир, Тегеран, Баку и Сталинград, считая его уже апробированным и более безопасным. Британское правительство настаивало на своем, приводя по существу те же аргументы и говоря о затруднительности выделения самолетов для южного маршрута. 24 и 26 февраля посол Великобритании в СССР Керр и Вы-

шинский обменялись по этому поводу посланиями [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д.10. Л. 37–38]. Фирлингер в беседе с Зориным 26 февраля заявил, что чехословацкое правительство согласно с советским предложением, но высказал сожаление по поводу того, что отправление Бенеша и его группы из Лондона будет задержано британским правительством [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д.6. Л. 49–50]. 28 февраля Бенеш, не возражая против следования в Москву через Тегеран, все же просил Фирлингера еще раз выяснить возможность "полета северным маршрутом" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 52].

Однако Москва настояла на своем: шеф протокольного отдела НКВД Ф.Ф. Молочков сообщил Фирлингеру 5 марта, что "маршрут будет южный" и что "президент вылетит из Лондона сегодня или завтра". Кроме того он информировал посла, что планом встречи и пребывания Бенеша в Москве, составленным с учетом пожеланий посольства, предусматривается более скромный, чем в прошлый раз, церемониал [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 53]. Из-за недомогания, согласно записи в дневнике Зорина, Бенеш в указанные дни вылететь не мог и отложил свой вылет из Лондона на 11 марта [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д.6. Л. 63].

Видимо, еще до приезда президента ЧСР в Москву в советских верхах стал обсуждаться и вопрос о возможности прибытия на освобожденную чехословацкую территорию указанной большой группы лиц из Лондона. Но его окончательное решение пришлось уже на время пребывания Бенеша в Москве.

На аэродроме в Тегеране президента ЧСР встречали Молочков, Фирлингер и начальник чехословацкой военной миссии в СССР генерал Г. Пика. Оттуда до советской столицы долетели без приключений. Вместо одной, как ранее предполагалось, Бенеш пробыл в Москве две недели. Они были наполнены обсуждением вопросов о составе нового чехословацкого правительства и его программе¹, а также переговорами в Кремле и встречами с советскими общественными деятелями.

19 марта НКВД получил (почему-то по почте) перечень вопросов, которые Бенеш хотел бы обсудить с советскими руководителями. Он включал следующее: 1. Границы с Германией, Венгрией, Польшей; 2. Трансфер из Чехословакии немецкого и венгерского населения; 3. Карпатская Украина; 4. Хозяйственное положение на освобожденной территории, в том числе: а) установление правил, касающихся "трофейного имущества", б) вопросы чехословацкой валюты; в) помощь со стороны СССР населению освобожденных территорий; 5. Вопрос репараций Венгрии: определение чехословацкой квоты; 6. Транспорт: а) железнодорожный транспорт и вопросы железнодорожного материала, б) Дунайское пароходство (вопросы дунайских судов), в) использование румынских портов для импорта Чехословакии и др.; 7. Дальнейшая организация чехословацкой армии; 8. Взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией; 9. Дальнейшая политика СССР и ЧСР в отношении Германии; 10. Дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 43].

Все эти вопросы и были затронуты во время первой беседы Бенеша с Молотовым 21 марта 1945 г., на которой присутствовали также с чехословацкой стороны Я. Масарик и З. Фирлингер, а с советской – Вышинский и Зорин. Судя по записям беседы, сделанным Зориным, Бенеш излагал свои взгляды по каждой конкретной проблеме, а Молотов реагировал на это либо в форме уточняющего вопроса, либо короткой реплики [2. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1–9]. По первому из поставленных заранее вопросов (о границах) Бенеш напомнил, что он и все чехословацкое правительство всегда определяли свои взгляды формулой "домюнхенские границы".

¹ Этот сюжет хорошо известен из историографии, протоколы обсуждения предложенного коммунистами проекта программы опубликованы. Интерес представляет лишь факт ознакомления с этим проектом до его обсуждения чехословацкими деятелями заведующего Отделом международной информации ЦК ВКП(б) Г.М. Димитрова и будущего советского посла в ЧСР В.А. Зорина, а также их реакция на документ.

Далее Бенеш изложил позицию Англии по этому вопросу и сказал, что за три дня до его отъезда из Лондона англичане письменно заявили о своем отношении к вопросу о домюнхенских границах, "сделав шаг вперед": "к моменту капитуляции Германии они согласны на передачу контроля чехословацкому правительству над территорией, входящей в домюнхенские границы", т.е. на 31 декабря 1937 г. Президент отметил также, что свою формулировку признания границ англичане намерены предложить для обсуждения в ЕКК (Европейской консультативной комиссии. — В.М.) в Лондоне и обещал передать советскому правительству текст английского заявления по этому вопросу. Молотов спросил, "претендует ли Бенеш на какие-либо территории сверх границ 1937 г.". Президент ответил, что "он имеет некоторые претензии в пограничной с Германией области", но этой темы не развил и выразил надежду, что СССР окажет поддержку Чехословакии при обсуждении вопроса о границах в ЕКК.

Бенеш заявил о согласии англичан, с которыми он говорил год-полтора назад по этому "деликатному вопросу", с необходимостью трансфера немцев и венгров из Чехословакии. Однако, по словам президента, англичане, хотя и сообщили об этом официально, но лишь в устной форме, и пока колеблются подтвердить это письменно. Их опасения сводятся к тому, что: а) это касается не только Чехословакии, но и Польши и затрагивает переселение в целом 7–8 млн немцев; б) неизвестно, в какой из четырех зон оккупации Германии могут быть расселены выселенные немцы. Бенеш опасался возможности гражданской войны в Чехословакии в случае отказа от трансфера немцев. Англичане, по словам президента, ожидают мнения советского правительства по этому вопросу и не считают его простым. Он сказал также, что в ЕКК в Лондоне этот вопрос уже неофициально обсуждался и что американцы не будут против выселения немцев.

Молотов заметил, что в принципе "отношение советского правительства к предложению выселения немцев положительное, но сейчас надо ставить вопрос практически, сколько и как надо выселить немцев" и что "по этому поводу хотелось бы иметь соображения Бенеша". По расчетам президента, из Чехословакии необходимо было бы выселить не менее 2 млн немцев, при этом в стране осталось бы 800 тыс.: "Вся немецкая буржуазия и интеллигенция, очевидно, уйдут, останутся рабочие, которые будут размещены среди чешского населения". Что касается венгров, то, по словам Бенеша, из 600 тыс. имеющихся в Чехословакии следовало выселить 400 тыс. Фирлингер заметил, что во время переговоров с Венгрией Молотов оказал в этом вопросе большую поддержку Чехословакии, на что Молотов отреагировал в том смысле, что хотя поддержка и была, но он "провалился" со своими предложениями. Бенеш отметил, что англичане "играли" с Чехословакией по этому вопросу, в частности, во время переговоров с Венгрией в Москве: они информировали, что Керру посланы инструкции поддержать чехословаков и их предложения, на самом же деле такие инструкции посланы не были.

Достаточно пространно Бенеш говорил о Карпатской Украине, подчеркнув, что "в этом вопросе он хочет быть совершенно искренним" и что "в течение 20 лет вопрос о Карпатской Украине никогда не считался им окончательно решенным". Далее он остановился на истории включения в 1918 г. этой области в состав ЧСР, отметив, что это было сделано не по требованию Чехословакии, а по предложению американцев; Чехословакия "считала себя вынужденной включить КУ" в свои границы, "к тому же она хотела сохранить свои связи с Румынией и смотрела в будущее, имея перспективу сближения с СССР"; "Чехословакия считала себя лишь доверенным в управлении Карпатской Украиной и была принуждена принять контроль Лиги Наций".

Далее Бенеш упомянул об "инцидентах", которые имели место на этой территории после ее освобождения Красной Армией, и о том, что между ним и Сталиным было условлено решить этот вопрос "в дружественном смысле" и после решения вопроса о границах Чехословакии. Бенеш полагал, что после его прибытия в Прагу чехословацкий парламент должен обсудить вопрос и не сомневался, что чехословацкий народ согласится с его предложением. "Чехи, по словам Бенеша, самые разумные люди, они

хотят заключить договор, как будет передана Советскому Союзу Карпатская Украина". При этом до заключения договора следует определить, где будет проходить граница Карпатской Украины, "ибо и на территории Чехословакии живут украинцы". Бенеш считал, что их можно переселить и обменять на словаков, проживающих на Карпатской Украине. Молотов заявил, что "тут нет никакого вопроса и, конечно, можно будет договориться об обмене населением".

Бенеш высказался также за то, чтобы "разрешить и вопрос об инвестициях": "Чехословакия вложила значительные капиталы для развития хозяйства Карпатской Украины, но мало попользовалась плодами этих вложений". Молотов заверил, что "и у нас, очевидно, найдутся разумные люди и можно будет дружески разрешить этот вопрос".

Достаточно подробно был обсужден вопрос о военных трофеях на освобожденной территории Чехословакии. Бенеш, исходя из того, что СССР и ЧСР – союзники, считал, что этот вопрос должен быть решен "полюбовно", особенно что касается недвижимого имущества, которое, по мнению Бенеша, "вряд ли можно считать военными трофеями". "Есть факты, когда фабрики, брошенные немцами и венграми, берут советские военные власти, считая их как военные трофеи. Между тем чехословацкое правительство намерено национализировать такие фабрики". На это Молотов заметил, что "немцами в Чехословакии были построены новые фабрики и заводы". Бенеш, согласившись с этим, все же настаивал на необходимости уточнения всего этого.

Молотов согласился, что вопрос следует рассматривать конкретно и сказал, что "на территории, отошедшей сейчас к Польше, есть также большое количество немецких предприятий, и СССР договорился с поляками, что часть этих предприятий будет передана Советскому Союзу для восстановления народного хозяйства и для военных нужд". На вопрос Молотова, допускает ли Бенеш такую возможность для Чехословакии, президент снова ответил, что "этот вопрос надо уточнить".

Тогда Молотов еще раз изложил свою позицию: "Мы рассматриваем Чехословакию союзником и на добро Чехословакии мы не покушаемся, однако законы войны требуют, чтобы то, что захвачено в результате боя, то, что завоевано кровью солдат, считается военными трофеями, и те, кто изгоняет противника с захваченной территории, имеют право распоряжаться имуществом, захваченным в бою. Естественно, что союзнические армии могут и обязаны делиться захваченным, но право распоряжаться захваченным все-таки принадлежит тем, кто изгнал противника".

Далее Молотов информировал, что "в Югославии на первых порах тоже были трения по этому вопросу, но сейчас уже все урегулировано". Фирлингер спросил, была ли какая-либо письменная договоренность с югославами по этому вопросу. Молотов ответил, что письменного соглашения не было, но договоренность была. Бенеш попросил дать "советскую формулировку понимания военных трофеев на территории Чехословакии и заявил, что надеется договориться с советским правительством по этому вопросу".

Предметом обсуждения стали также вопросы о валюте на территории Чехословакии, о венгерских репарациях, о помощи со стороны СССР транспортными средствами и о поставках некоторых товаров, необходимых для восстановления чехословацкого народного хозяйства. Молотов согласился, подчеркнув, что помощь должна быть взаимной. Речь шла о возможности передачи Чехословакии части Дунайской флотилии и об использовании румынских портов для импорта в ЧСР.

Далее был затронут вопрос об организации чехословацкой армии: Бенеш заявил, что во время его беседы с маршалом Сталиным вопрос о ее расширении "был признан решенным". В связи с этим, заметил президент, встает вопрос о тесном контакте с Москвой и Лондоном: организация радиосвязи, транспорт для правительства и военных органов, самолеты для поддержания связи. Молотов на это заметил, что нужно считаться с военной обстановкой и с тем, что правительство будет находиться в тылу Красной Армии. Бенеш передал записку с перечнем конкретных пожеланий

чехословацкого правительства относительно дальнейшего строительства чехословацкой армии и помощи в этом со стороны СССР.

Что касается взаимоотношений между СССР, Польшей и Чехословакией, то Бенеш высказался в том смысле, что "сейчас, пожалуй, несвоевременно" ставить вопрос о присоединении Польши к советско-чехословацкому договору, как это предусматривалось при его подписании. Он заявил также, что "когда СССР найдет целесообразным" поставить этот вопрос, "чехословацкое правительство поддержит это предложение".

Состоялся и обмен мнениями о политике СССР и ЧСР по отношению к Германии и о послевоенном мире. Изложим эту часть записи ввиду ее важности более подробно. Бенеш заявил, что Черчилль в разговоре с ним стоял за разделение Германии на южную (с присоединением к ней Австрии) и западную и выделение уменьшенной Пруссии. Молотов заметил, что вопрос о расчленении Германии ставился неоднократно, но не решен. Сейчас все сочувствуют этой идее и настроены строго по отношению к Германии, но плана еще нет. Бенеш выразил опасение, что после разгрома немцев, будет сочувствие к ним и "начнется организация симпатий к немцам".

Молотов подчеркнул, что "идея безоговорочной капитуляции не наша идея, тем не менее мы поддерживаем ее и будем последовательно придерживаться ее. Поляки должны получить немецкую территорию до Одера и Нейсе". Бенеш заметил, "что он на месте поляков не брал бы немецкую территорию до Одера, ибо вопрос стоит не о том, сколько можно получить, а о том, сколько можно удержать. Сейчас нужна общая славянская политика". Президент выразил удовлетворение в связи с тем, что "СССР будет на другой стороне Карпат и станет соседом Венгрии. Лет через 10–15 и Запад может быть против СССР и нужно быть готовыми к этому". Молотов согласился, что "надо быть трезвыми, а не только мечтать о будущем мире. Если будет сближение между славянскими народами, то безопасность на Востоке укрепится".

Бенеш перешел к вопросу о грядущем заседании организации Объединенных Наций в Сан-Франциско (оно состоялось 25 апреля 1945 г. – В.М.) и отметил заинтересованность малых стран в том, "чтобы между великими державами не было разногласий, ибо при спорах среди великих держав малые страны страдают больше, чем при наличии согласия между ними". Молотов отреагировал так: "Если великие державы хотят по честному договориться, то СССР хотел бы этого; политика компромисса выгодна и малым державам; если мы увидим, что наши партнеры не хотят договориться, мы будем осторожны. У нас огромное желание заняться внутренними делами. Мы более искренние сторонники мира, чем кто бы то ни был. Если у наших партнеров хватит воли добиться прочного мира, они найдут в нас верных союзников". Бенеш сказал, что "подходя трезво, Чехословакия должна опираться на Советский Союз". А когда Молотов спросил: "Теперь уже не дожидаясь Франции?", президент ответил утвердительно и еще раз подчеркнул, что "надо организовать славянскую политику, чтобы немцы не могли вновь угрожать".

Наконец, был затронут вопрос о кредите. Бенеш сообщил, что чехословацкое правительство уже получило кредит от британского правительства на сумму 6 млн фунтов, от Канады – 15 млн долларов, готовится такое соглашение и с США. Чехословацкое правительство, сказал Бенеш, "просило бы, если будет возможно, заключить с СССР более широкий договор о кредите, включив в него и товарные поставки, и денежный кредит". При этом он подчеркнул, что его правительство хочет "договориться на основах взаимности, ибо с освобождением Чехословакии оно сможет расплатиться с СССР". Молотов ответил, что, по его мнению, "можно будет договориться, заключив годичное торговое соглашение по примеру соглашения с Болгарией и Югославией".

В конце встречи нарком задал Бенешу вопрос о том, "серьезны ли настроения в Англии за сохранение длительного мира и сотрудничество с СССР". Бенеш ответил, что Черчилль "безусловно стоит за это, но трудно сказать, что будет после Черчилля". На этом беседа, продолжавшаяся два с половиной часа, закончилась.

Вторая беседа при том же составе участников, что и первая, состоялась 24 марта 1945 г. и продолжалась сорок минут. Думается, что ее инициатором был Молотов, поскольку именно он на этот раз играл в разговоре ведущую роль. Видимо, идея новой встречи с Бенешем возникла после разговора Молотова со Сталиным и другими советскими руководителями, о чем, собственно, свидетельствует в своих мемуарах и Фирлингер [1. С. 599].

Беседа была посвящена преимущественно вопросу о Карпатской Украине, дальнейшая судьба которой, несмотря на ранее сделанные Бенешем заявления по этому поводу, все же представлялась советскому руководству неясной. Москва хотела большей определенности и гарантий в том, что Чехословакия не будет возражать против присоединения КУ к СССР. Под тем предлогом, что советское правительство должно проинформировать Президиум Верховного Совета СССР о состоянии вопроса, Молотов заявил: "Нам хотелось бы получить что-либо определенное от президента". Нарком напомнил все высказывания Бенеша по этому вопросу, начиная с его беседы с И.М. Майским в сентябре 1939 г. (запись этой беседы была тут же передана президенту²) и кончая письмом на имя Сталина (29 января 1945 г. – *В.М.*) и беседами с советскими руководителями, состоявшимися в последние дни.

Бенеш, заметив, что он не помнит точно слов, сказанных им Майскому, тем не менее подтвердил, что всегда "говорил о том, что в известный момент чехословацкое и советское правительства договорятся, что эта земля должна принадлежать Украине и что вопрос стоит лишь о процедуре, каким образом эта земля перейдет Советскому Союзу".

Молотов заметил: "Нам понятно, что не сегодня надо решать это дело", но попросил Бенеша "сделать определенное заявление Президиуму Верховного Совета СССР" и тогда "советское правительство могло бы выразить свое удовлетворение в связи с этим заявлением". На вопрос Бенеша, что "нужно было бы написать в заявлении", Молотов ответил, что, как и в заявлении 1939 г., следовало бы указать на желательность "общих границ с СССР и о том, чтобы Закарпатская Украина вошла в состав УССР".

На просьбу Бенеша "дать подходящую для нас (т.е. Советского Союза. – *В.М.*) формулировку", Молотов ответил, что поскольку вопрос для президента не новый, он "сам прекрасно смог бы сформулировать" заявление. На вопрос Масарика, будет ли оно печататься, Молотов ответил отрицательно, подчеркнув, что "этот вопрос требует выяснения лишь между нами".

Бенеш уверил, что "его точка зрения будет идентична с точкой зрения всех политических партий Чехословакии по этому вопросу". Он хотел бы только "согласия советского правительства, чтобы границы, которые проходят сейчас между Словакией и Закарпатской Украиной, остались границами между СССР и Чехословакией после присоединения Карпатской Украины к Советскому Союзу". Молотов подтвердил безусловность сохранения существующей границы.

Бенеш далее обратил внимание на то, что "этот вопрос должен быть решен только между СССР и Чехословакией", с чем Молотов согласился, подчеркнув "важность такой постановки вопроса". Президент отметил важность присоединения Карпатской Украины к Советскому Союзу, во-первых, потому, что "СССР станет соседом с Венгрией, во-вторых, он перейдет за Карпаты". Молотов подтвердил, что

² В записи беседы значилось: "Бенеш, заявляя, что полностью понимает и одобряет наши действия в Польше, настойчиво просил урегулировать вопрос о границах Западной Украины таким образом, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. При этом он подчеркнул, что не имеет возражений против советской власти в Чехословакии, если она только будет свободна от германского ига. В отношении Карпатской Украины Бенеш прямо говорил, что она должна войти в состав СССР и что он, еще в бытность свою президентом Чехословакии, рассматривал ее как будущую часть Советского Союза" [2. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 835. Л. 9]. Передавая документ, Молотов заметил попутно, что "вопрос о советской власти, затронутый в беседе, конечно, не обсуждается сейчас".

"немцы при этих условиях будут безусловно спокойнее и тем более венгры". Бенеш отметил также, что "для Чехословакии установление общей границы важно с точки зрения безопасности всего государства, а также с точки зрения разрешения национального вопроса" в ЧСР. Молотов заметил, что такое решение вопроса "внесет успокоение в Украинскую Советскую Республику и создаст уверенность как для СССР, так и для Чехословакии".

На вопрос Бенеша, в какой форме следовало бы сделать это заявление, нарком ответил, что "имелось в виду написание письма на имя т. Сталина", на которое тот ответит от имени советского правительства. В свою очередь Молотов поинтересовался, не следовало ли подписать какое-либо соглашение по этому поводу, на что Бенеш и Фирлингер заявили, что лучше это сделать в форме письма, и президент обещал подготовить его.

Затем Бенеш затронул вопрос об армии и о желании "передать т. Сталину сформулированный документ, в котором будет изложено, что нужно для оснащения чехословацкой армии и для ее реорганизации на той основе, о которой говорил т. Сталин в беседе с ним". Молотов заметил, что "это можно будет сделать".

Президент передал также пожелание Словацкого национального совета "поставить перед советским правительством вопрос о том, чтобы помочь быстрее очистить Словакию от венгров, которые пришли на словацкую территорию после ее оккупации венгерскими войсками". На вопрос Молотова, о каком количестве идет речь, Бенеш ответил, что "примерно о 10–15 тыс. человек особенно в Кошице" и добавил, что "следовало бы дать указание генералу Петрову и маршалу Малиновскому о сокращении количества венгров в Словакии". Молотов пообещал выяснить этот вопрос.

В конце беседы Бенеш выразил пожелание "создать какой-либо постоянный орган при посольстве в Москве, который бы повседневно занимался вопросом об экономической помощи освобожденной чехословацкой территории". Молотов считал, что решение этого вопроса должно быть переведено в конкретную плоскость. Бенеш готов был предоставить в ближайшие дни подробный список того, в чем нуждается освобожденная часть Чехословакии, и подчеркнул, что чехословацкое правительство не рассчитывает на безвозмездное получение этой помощи и впоследствии заплатит "за все, что будет предоставлено".

Масарик поинтересовался, намерен ли Молотов быть на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. Нарком ответил отрицательно, объяснив это необходимостью своего присутствия на сессии Верховного Совета СССР, которая состоится в середине апреля. Молотов не согласился со скептическим взглядом Масарика на работу конференции и заметил, что "все зависит от того, насколько серьезно наши союзники относятся к идее создания прочной безопасности и насколько они серьезно хотят сотрудничать с СССР". Бенеш согласился с таким мнением³. На этом беседа закончилась.

Уже на следующий день, 25 марта, Фирлингер вручил Зорину проект письма Бенеша по поводу Закарпатской Украины [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 1]. В тот же день Зорин принял Фирлингера и передал ему проект ответного письма Молотова на письмо президента. При этом Зорин сказал, что "если этот текст приемлем для Бенеша, то т. Молотов готов завтра обменяться письмами с президентом" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 79]. 26 марта Фирлингер передал Зорину письмо Бенеша на имя Молотова, в котором президент подтверждал ранее высказанную им позицию по вопросу Закарпатской Украины (этот термин сменил ранее употребляемые Бенешем названия Подкарпатская Русь и Карпатская Украина. – В.М.), и повторил, что эта

³ В беседе Бенеша и Я. Масарика с М.М. Литвиновым 30 марта 1945 г. первый высказал мнение о преждевременности созыва конференции в Сан-Франциско, которую "следовало бы отложить до конца войны", а второй "вскользь сказал, что намерен в Сан-Франциско голосовать всегда с нашей (т.е. советской. – В.М.) делегацией" [2. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 21].

область должна войти в состав УССР. "Это осуществилось бы, – говорилось в письме, – при соблюдении границ, существующих между Словакией и Закарпатской Украиной в Чехословацкой республике, и согласно моему ответу маршалу Сталину, т.е. по договоренности только между нашими обоими государствами и в момент, когда у меня будет возможность согласовать этот вопрос с нашими политическими деятелями в Праге" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 2]. Сделано это было, как известно, в июне 1945 г.

Из прочих визитов Бенеша в Москве представляет интерес его посещение в сопровождении В. Шробара Всеславянского комитета 28 марта 1945 г., где он беседовал с его председателем генерал-лейтенантом А.С. Гундоровым и членами Президиума Комитета З.Р. Неядлы, С.Д. Благоевой, Н.С. Тихоновым, В.В. Мочаловым⁴.

Разговор шел преимущественно о проблемах славянского движения, и Бенеш изложил свое их видение. Он подчеркнул, что в течение столетия, с 1848 г. "проблемы славянства идут именно по линии консолидации усилий славян вокруг России", что Москва "должна быть руководящим центром этого движения" и что чехи и словаки, как и все славянские народы, кроме поляков, иначе себе и не представляют дела. При упоминании о том, что реорганизованным и расширенным в новой Чехословакии Славянским комитетом будет, видимо, руководить профессор Неядлы, последний заметил: "В Чехословакии я буду себя всегда чувствовать членом Президиума Всеславянского комитета в Москве"⁵. На эту реплику Бенеш ответил: "Это еще раз подтверждает, что у нас с вами нет никаких расхождений по вопросам славянской политики".

Бенеш подробно рассказал о своих контактах с "лондонскими поляками", с В. Сикорским, С. Миколайчиком и др. В частности, он считал, что Сикорский, сначала настроенный крайне агрессивно по отношению к Советскому Союзу, после поездки в СССР изменил свою точку зрения и погиб "будучи верен России". Миколайчик, по словам Бенеша, "второсортный человек" и его попытка занять центральное положение в лондонском лагере, объединив правое и левое крыло польской эмиграции, – "абсурд". Президент также подчеркнул, что вопреки рекомендациям Идена не заключать советско-чехословацкий договор, он (Бенеш) поехал в Москву, и договор был подписан.

За день до отъезда Э. Бенеша и сопровождавших его лиц из Москвы на родину И.В. Сталин дал обед в честь Президента ЧСР. Обед, на котором присутствовали 69 человек (отсутствовал по болезни Л.П. Берия), состоялся в Екатерининском зале Большого кремлевского дворца. С тостами и краткими речами выступали В.М. Молотов, Э. Бенеш, Л. Свобода, Я. Масарик, В. Шробар. Советский лидер дважды произносил тосты. Запись обоих его выступлений сделана по памяти Подцеробом и напечатана в одном экземпляре. Взяв слово в первый раз, И.В. Сталин заявил, что он "слышал много славословий по адресу Красной Армии", но, несмотря на то, что это "действительно доблестная, храбрая и славная армия", "она имеет еще много недостатков" и что среди насчитывающихся в ее рядах 12 млн человек не все – ангелы. "Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина, – продолжал Сталин. – Ее бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев". Отметив, что большинство бойцов Красной Армии думает, что они герои, ее Главнокомандующий тут же счел нужным пояснить: "Чем люди менее культурны, тем больше они об этом думают".

Как люди, считающие себя героями и думающие о возможности близкой смерти, заявил Сталин, они полагают, что им все позволено и им простят все "излишества" и

⁴ Подробное изложение беседы, продолжавшейся два часа, было представлено В.В. Мочаловым А.Я. Вышинскому 30 марта 1945 г. [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 52–57].

⁵ Думается, что аналогичные чувства были присущи подавляющему большинству деятелей чехословацкой коммунистической эмиграции в Москве, проводивших в СССР многие годы, а затем вернувшихся на родину.

все безобразия. "Тов. Сталин сказал, – значит в записи Подцероба, – что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии". Сталин поднял бокал за то, чтобы "чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии".

Второй тост был за "новых славянофилов", к которым Сталин причислил и себя. В отличие от старых славянофилов, которых советский лидер назвал реакционерами за то, что они "выступали за объединение всех славянских народов в одном государстве под эгидой русского народа", новые славянофилы, по его мнению, стоят за "союз независимых славянских государств". Сталин отметил, что и первая, и вторая мировые войны развернулись и шли "на спинах славянских народов" – Чехословакии, Польши, Югославии и Советского Союза. ("Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь". "Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы", "Бельгия и Голландия не воевали – они покорно легли перед немцами и подняли лапки кверху", "Англия – на островах, и ее положение особое".)

Сталин заметил, что хотя он "ненавидит немцев", но вынужден признать, что это "сильный и способный народ", который попытается "возродиться в течение ближайших 15 лет" и "взять реванш". Советский лидер заметил: "чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов". "Мы, новые славянофилы, – продолжал Сталин, – являемся коммунистами, если хотите – большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла в Болгарию, то кое-кто пытался там установить советы, но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй". Обращаясь к Бенешу, Сталин, не отрицая за ним право иметь сомнения на этот счет, пожелал, "чтобы чехословаки поняли, что он говорит искренне и что он говорит то, что думает". Сталин поднял бокал "за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых".

После обеда собравшимся были показаны два хроникальные кинофильма: "Будапешт" и "От Вислы до Одера", которые, по свидетельству Подцероба, "произвели на чехов большое впечатление" и сопровождалась аплодисментами [3. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59].

Во время пребывания Бенеша в Москве советским руководством был решен по существу отрицательно и вопрос о переезде из Лондона на освобожденную территорию ЧСР западного дипломатического корпуса, аккредитованного при чехословацком правительстве. Как говорилось ранее, уже во время первой беседы с Бенешем Молотов обратил внимание президента на то, что чехословацкое правительство будет функционировать в зоне оперативных действий Красной Армии и что нельзя не учитывать это обстоятельство при организации его работы. 24 марта чехословацкое посольство в Москве получило телеграмму от правительственного делегата на освобожденной территории ЧСР Б. Немеца о том, что "расквартирование и питание приготовлены лишь для 20 человек из свиты г. президента... Ввиду затруднений по расквартированию, питанию и транспорту может случиться то, что если без предварительного извещения приедет больше народу, то они окажутся без квартир и питания. Я рассчитывал лишь на 20 человек, о которых мне доложено" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 133. Д. 11. Л. 139].

25 марта Фирлингер сообщил Зорину, что получена телеграмма об отплытии из Лондона 29 марта английского парохода с сотрудниками различных министерств и иностранными дипломатами. Он добавил, что по указанию Масарика в Лондон была отправлена телеграмма с просьбой по возможности задержать отъезд, так как еще самому чехословацкому правительству неясны условия размещения на освобожденной территории. Однако, как следовало из телеграммы Рипки, англичане настаивали на отплытии парохода именно 29 марта, поскольку следующий пароход может отбыть только через шесть недель.

Зорин заявил Фирлингеру, что соображения чехословацкого правительства о неподготовленности к приему на освобожденной территории такого большого числа приезжающих справедливы. "К ним я мог бы добавить и военные соображения, поскольку Кошице является ближайшим тылом Красной Армии. В особенности это будет относиться к иностранным дипломатам", – подчеркнул советский посол [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 79–80].

На следующий день Зорин снова принимал Фирлингера и поинтересовался, как мыслится организация охраны правительственных учреждений и чехословацкого правительства и насколько обеспечено снабжение продовольствием всего правительственного аппарата. Зорин пояснил при этом, что упомянутые вопросы интересуют советское военное командование, "ибо размещаться правительственный аппарат будет в ближайшем тылу Красной Армии и командование фронтом, конечно, в известной мере несет ответственность за охрану и обслуживание правительственного аппарата"⁶. Фирлингер заметил, что "он очень благодарен за постановку этих вопросов, ибо думает, что и словаки, и некоторые члены правительства недостаточно конкретно представляют себе трудности, которые встанут перед правительством на освобожденной территории" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 1–2].

27 марта начальник Главного штаба ВМФ адмирал Алафузов информировал Вышинского, что глава морской секции Британской военной миссии в СССР контр-адмирал Арчер сообщил ему письмом, что англичане отправляют в Чехословакию через Констанцу транспортом "Алмандзора" группу в количестве 242 человек, в том числе 28 британских, 10 американских, 4 бельгийских и 10 голландских дипломатов. Судно прибудет в Констанцу примерно 12–13 апреля 1945 г. [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 49].

В тот же день Зорин принял Фирлингера и сделал заявление по этому поводу [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 89]. В нем говорилось: "Советские военные власти считают, что военная обстановка в районе Кошице и прилегающих районах в настоящее время мешает положительному решению этого вопроса. Кроме того, имеются затруднения и в размещении значительного числа членов дипкорпуса". Советские военные власти полагали необходимым "отложить на некоторое время" приезд дипкорпуса в Чехословакию. Говорилось также, что впоследствии этот приезд "будет осуществляться не сразу, а по частям, и что посольства и миссии будут представлены в минимальном числе, по крайней мере на первое время" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 68].

Фирлингер в ответ на это заявление, согласно записи в дневнике Зорина, сказал, что "по его мнению, другого ответа с нашей стороны и нельзя было ожидать и что оставшиеся в Лондоне члены правительства видно совершенно не представляют себе условий, в которых будет работать первое временное правительство в ближайшем тылу Красной Армии" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 89].

28 марта советский поверенный в делах в Лондоне Гусев информировал чехословацкое правительство о том, что советское правительство возражает против того, чтобы дипломатический корпус следовал вместе с чехословацкой правительственной группой [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 70].

31 марта Бенеш, сформированное в Москве правительство и советский посол Зорин (он был назначен послом 20 марта) выехали на освобожденную территорию в Кошице. В тот же день Молотов направил Керру и А. Гарриману два идентичных письма с

⁶ Охрана чехословацкого правительства до начала мая 1945 г. осуществлялась специально сформированным для этого отдельным стрелковым батальоном войск НКВД. 4 мая правительство обратилось к Зорину с просьбой сократить советскую охрану до минимума. 11 мая командир батальона донес, что чехословацкое правительство создало свою охрану и полицейский аппарат, на которые возложены охранные функции. 22 мая по указанию Вышинского руководству НКВД было сообщено, что НКВД СССР считает целесообразным сократить охрану чехословацкого правительства до минимума и дать соответствующие указания командиру батальона войск НКВД в Прагу [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 82–83].

информацией о пребывании в Москве с 17 по 31 марта 1945 г. президента Чехословацкой республики Бенеша с просьбой сообщить об этом правительствам Великобритании и США: состоявшиеся беседы, поднятые на них вопросы, подписанные соглашения [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 58–61].

В апреле по дипломатическим каналам продолжался обмен мнениями относительно переезда в страну дипломатических миссий Великобритании и США. 7 апреля правительство США через Гарримана настаивало на том, чтобы послать в Чехословакию "передовую группу" своих дипломатов в количестве трех человек. 16 апреля весьма резкое по тону послание направил Молотову Керр, где говорилось, что правительство Великобритании "придает большое значение наличию дипломатического представительства при чехословацком правительстве в Чехословакии" и считает, что "акция советского правительства, не допускающая британскую миссию в Чехословакию, неблагоприятно контрастирует с содействием, оказанным правительством Его Величества советским дипломатическим миссиям, возвращающимся в освобожденные страны, находящиеся в англо-американских оперативных зонах". (в частности, говорилось о Франции. – *В.М.*). Правительство Великобритании считало себя "вправе ожидать взаимности в отношении к британской миссии в советской оперативной зоне". По его мнению, это вытекало "из принципа общего интереса трех главных держав в освобожденных странах, воплощенного в Декларации об освобожденной Европе, принятой на Крымской конференции". Учитывая доводы советского правительства о трудностях размещения, англичане соглашались временно сократить штат своего посольства в Чехословакии примерно до пяти человек [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 69–72].

28 апреля поверенный в делах США Дж. Кеннан обратился к Вышинскому с просьбой урегулировать вопрос о допуске в Чехословакию американских дипломатов. Однако, насколько известно автору, немедленного ответа с советской стороны не последовало. Лишь 16 мая, т.е. после переезда чехословацкого правительства в Прагу, Вышинский сообщил поверенному в делах Великобритании в СССР Ф.К. Робертсу (в связи с письмом Керра от 16 апреля 1945 г.), что чехословацкое правительство приняло "решение о переезде в ближайшее время из Лондона в Прагу аккредитованных при нем представителей Союзных держав". Заместитель наркома просил довести до сведения Британского правительства, что "с советской стороны тоже нет возражений против этого решения" [2. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 81]. Советский посол Зорин прибыл в Кошице вместе с новым чехословацким правительством и до его переезда сначала в Братиславу, а потом в Прагу успел встретиться и побеседовать со многими чехословацкими политическими и общественными деятелями, но это – тема отдельной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Fierlinger Z. Ue sluzbach CSR. Praha, 1948. Dil. 2.*
2. Архив внешней политики Российской Федерации.
3. Архив Президента Российской Федерации.

© 1996 г. ДЮРИШИН Д.

ВЛИЯНИЕ П.И. ШАФАРИКА НА ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЖЛИТЕРАТУРНОЙ ОБЩНОСТИ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Обращаясь сегодня к общеславянскому наследию П.И. Шафарика, мы не только отдаем дань круглой дате, двухсотлетию со дня его рождения. Сегодня хотелось бы прежде всего высветить некоторые особенности историко-филологического мышления этого выдающегося ученого-энциклопедиста, не замыкавшегося в рамках одной научной дисциплины, но во многих отношениях выходявшего за ее пределы не только спонтанно, но, можно сказать, с программной определенностью. Это, в частности, демонстрирует одна из наиболее значительных его работ – "История славянского языка и литературы всех наречий" (1826) (далее – "История").

В историко-литературной оценке "Истории" вполне закономерно выступает на первый план исходный аспект этого труда – его просветительский, фактографический и информационный характер. Именно эти моменты "Истории" имели для тогдашнего читателя первостепенное значение. Шафарик не мог игнорировать и не иметь в виду эту функцию своей работы; его "История" и была, собственно, первой попыткой параллельного рассмотрения отдельных славянских литератур в качестве самостоятельных и своеобразных историко-литературных организмов.

Эту генетически первоочередную значимость "Истории" Шафарика нельзя, однако, исторически абсолютизировать. Придерживаясь только этого критерия, мы упрощали бы замысел Шафарика, который заведомо был шире изучения отдельных историко-литературных явлений и явно преследовал задачу воссоздания вышестоящего целого – общности славянских литератур. Именно благодаря этому движению к синтезу мы оцениваем "Историю" Шафарика как выдающееся историческое явление.

Приступая к характеристике историко-литературного труда П.И. Шафарика, мы в первую очередь должны представить себе тогдашнее восприятие и трактовку названной проблематики. Речь идет не только о самих славянских литературах, но и о методологических приемах описания литературного процесса вообще и отдельных литератур, в частности. При этом оказывается, что проблемы, считавшиеся спорными во времена П.И. Шафарика, остаются спорными и в наши дни, хотя с тех пор и минуло почти два столетия.

Красноречивым свидетельством тому является, например, сравнительная "история литератур на европейских языках", выполняемая в рамках организации AILC (Международная ассоциация сравнительной литературы), а также вышедшая в свет восьмитомная "История всемирной литературы" – плод двадцатилетней работы широкого авторского коллектива на базе Института мировой литературы в Москве. Все попытки синтеза славянских литератур, неоднократно предпринимавшиеся после Шафарика, продолжают сталкиваться с целым рядом трудно разрешимых методических проблем.

Следует сразу же подчеркнуть, что в современной литературоведческой славистике наметилась определенная склонность к стереотипам и вытекающая из нее исследовательская усталость. Причины этого – в частности, в явном устаревании исходных позиций и методологических приемов, которые некогда стимулировали осмысление славянских литератур, но сегодня уже не в состоянии адекватно соответствовать современной проблематике истории литературы.

Исходные методические позиции историко-литературной науки формировались на основе изучения национальной литературы и других аналогичных, исторически обусловленных единиц. Сосредоточенность на такого рода исследованиях принесла, разумеется, много положительного, способствуя накоплению и систематизации обширного историко-литературного материала. Подобные исследовательские тенденции, несомненно, отвечали требованиям времени, но вместе с тем были чреватые определенным *изоляциялизмом* при рассмотрении литературного процесса, поскольку национальная литература как бы начинала представлять литературу вообще, в самом широком ее понимании.

Сосредоточенность на национальной литературе, которая является лишь одной из исторически обусловленных категорий, приводила к недооценке иных исторических факторов и категорий, таких, например, как *литература первобытной исторической общности*, *литература городов-государств – полисов*, *литература народностей в Средневековье и в Новое время*; слабо разрабатывались и категории *многонациональной литературы*, *межлитературных общностей* и *межлитературных центрризмов*. Все они относятся, с одной стороны, к национально-литературному, а с другой – к межлитературному процессу и в целом расширяют предмет и задачи историко-литературного исследования.

Национально-литературный, как и *межлитературный процесс*, включающий высшую ступень – *мировую литературу*, комплексно формируют и определяют объем понятия истории литературы. Эти две категории нельзя отделять друг от друга, поскольку существование одной обуславливает существование другой. Оба понятия составляют, таким образом, два *неотъемлемых соответствия*. Понятие национальной литературы автоматически влечет за собой представление о мировой литературе. Если этот момент экзистенциальных отношений при исследовании не учитывается или каким-либо образом искажается, возникают методологические диспропорции и часто непоправимые гносеологические ошибки. Ими нередко страдала и традиционная литературная компаративистика.

Даже изучение славянских литератур не смогло избежать этой гносеологической непоследовательности, несмотря на то, что уже первоначальное конституирование славянских литератур, принимавшее во внимание взаимную обусловленность единичного и общего в методологически новаторской "Истории" П.И. Шафарика, содержит указанный элемент *не как случайный, но как программный и осознанный метод, до сих пор недооцененный историками литературы*.

В связи с этим позволим себе заметить, что научное начинание Шафарика помимо всего прочего способствовало зарождению и формулированию нашей *теории межлитературного процесса* или *межлитературности*. Утверждать так нам дает право целая серия исследования об упомянутых межлитературных общностях и межлитературных центрризмах, которые уже вышли и выходят не только в Словакии, но и за ее пределами. Иными словами, названное произведение, кроме историко-литературной ценности, имеет также значение теоретико-методологического *рубежа*, причем не только в межславянских, но и в более широких, европейских и международных отношениях.

"История" Шафарика – уникальный историко-литературный труд, в котором нераздельно соединяются и взаимообуславливаются аспект исторического *анализа* отдельных славянских литератур и аспект межлитературного *синтеза* в самом современном смысле слова. Шафарику удалось освоить внешне противоречивое, но

сущностно необходимое взаимодействие и взаимную обусловленность отдельных славянских литератур как "наднациональной", точнее – межлитературной исторической данности. Это *высшее исследовательское достижение* удалось Шафарику как раз в период первоначального конституирования конкретных славянских литератур и славянской словесности как единого целого. Обе эти тенденции представляли тогда живой, изменчивый и внешне противоречивый процесс, в котором еще только намечалась общая тенденция развития, ее историческая направленность. П.И. Шафарику удалось уловить эту тенденцию, принципиально ее обозначить и, что особенно важно, – конкретизировать. Именно благодаря этому его "История" стала источником импульсов для современного, в том числе и неславянского, литературоведения, в котором потенциально хотя и содержались аналогичные идеи, но они оставались лишь на уровне гипотетических дискуссий и рассуждений, т.е. не облекались в материал живых межлитературных соотношений и синтезов.

За концепцией Коллара (1836), рассматривавшей славянские литературы еще без должной уравнищенности единичного и общего, последовал синтез славянских литератур А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича – "Обзор истории славянских литератур" (1865). Этот обобщающий труд позднее вышел в Праге (1880) как двухтомная "История литератур славянских". Важно подчеркнуть, что авторы этой "Истории" методологически как бы продолжили П.И. Шафарика. Им удалось избежать дифференцированности славянских литератур, которые к тому времени закрепились в историко-литературной практике и с которыми мы сталкиваемся до сих пор. "История" Пыпина и Спасовича составила тем самым своего рода третий вариант историко-литературной концепции славянских литератур, отличающийся как от первого – параллелистского, так и от второго, основанного на ценностном подходе к этой межлитературной общности. В труде русских авторов дифференцирующий аспект сочтется с принципом рассмотрения славянских литератур в известной целостности и единстве. Это был определенный шаг вперед по сравнению с Шафариком, синтезирующие усилия которого были несвободны от постулативности, что, впрочем, как уже отмечалось выше, представляло для своего времени историографически прогрессивное, даже новаторское явление. Именно этой глубинной диалектикой при всей внешней противоречивости "История" Шафарика и труд Пыпина и Спасовича сохраняют свою значимость до наших дней.

Ведь в аналогичной ситуации выбора находимся и мы с нашими размышлениями о синтезе славянских литератур. Более чем столетидесятилетнее развитие представлений об истории славянских литератур демонстрирует пеструю шкалу разнородно обусловленных точек зрения и концепций. Этот конгломерат отнюдь не гарантирует историческую адекватность тех или иных синтезов. То же самое можно, впрочем, сказать и о многих предприятиях по изучению истории мировой литературы.

И в наши дни мы по-прежнему встречаемся с непроясненностью картины не только славянских, но и других аналогичных литературных синтезов. На этой почве, прежде всего, и возникла ситуация *кризиса сравнительного исследования литературы* (*crise de la Littérature comparée*), отразившая, с одной стороны, определенную исчерпанность методологии, но, с другой – просигнализировавшая о назревшем закономерном переходе к иному, более высокого порядка, литературоведческому качеству, к новому уровню проникновения в предмет изучения.

Мы убеждены, что конкретной методикой для достижения этой цели является изучение *межлитературного процесса* или *межлитературности*. Представляя собой новое ответвление литературоведения или истории литературы, оно предполагает изменение и расширение терминологической системы литературоведения и подчеркивает те области изучения литературы, которые до сих пор пребывали на периферии исследовательского внимания. Лишь на путях подобного методологического обновления нашей науки можно будет рассчитывать на поистине новые и позитивные результаты.

Этническое самосознание славян в XV столетии. М., 1995. 240 С.

Коллективный труд сотрудников Института славяноведения и балкаистики РАН, изданный при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, завершает многолетний исследовательский проект по изучению этнического самосознания славянских народов от раннего средневековья до начала раннего нового времени (см. [1]). В этом труде, как и в ранее изданных коллективных монографиях, прослеживается дальнейшее развитие этнического самосознания поляков (автор Б.Н. Флоря), чехов (автор Г.П. Мельников), словаков (автор В.П. Шушарин), полабских и приальпийских славян (автор В.К. Ронин), хорватов (автор О.А. Акимова), сербов (автор А.А. Турилов), боснийцев (авторы О.А. Акимова и А.А. Турилов), болгар (авторы Г.Г. Литаврин и И.Ф. Макарова). Новым по сравнению с предыдущими трудами является включение отдельного раздела, посвященного рассмотрению этнического самосознания восточных славян в контексте проблемы зарождения трех восточнославянских народностей (автор Б.Н. Флоря). Подведению итогов исследования посвящен заключительный раздел "Общее и особенное в этническом самосознании славян в XV веке", написанный Г.Г. Литавриным и Б.Н. Флорей.

То, что на данном этапе исследование ограничивается именно XV столетием, не случайно. "Коллектив авторов-славистов, – указано во введении, – счел возможным ограничиться в основном XV в. прежде всего потому, что в пределах этих хронологических рамок еще возможно (хотя с рядом существенных оговорок) попытаться выявить общую картину эволюции этнического самосознания славянских народов. В последующую эпоху сами условия исторического процесса в отдельных регионах славянского мира обретут столь значительные различия, что установление общих черт этнического развития славянских народов станет возможным лишь для эпохи Национального Возрождения" (С. 6). Соглашаясь в принципе с процитированными положениями, можно лишь отметить, что применение термина "Национальное Возрождение" несколько сужает постановку вопроса, поскольку едва ли его правомерно относить, например, к русским или, скажем, к полякам до раздела Речи Посполитой. Поэтому несравненно

точнее тот же тезис сформулирован в заключительных строках монографии, отражающих, как здесь подчеркнуто, "общее мнение авторов данного труда", а именно: "Конец XIV – начало XVI в. следует рассматривать как последний этап, который мог быть изучен как определенный период в развитии этнического самосознания славян в рамках однотомного коллективного труда, в котором проблема была бы поставлена в историко-сравнительном плане" (С. 239).

Ни в коей мере не желая вступать на путь реферирования рассматриваемого труда, заслуживающего самого внимательного прочтения, укажем, что в нем собран и проанализирован необычайно широкий круг источников, позволивший не только всесторонне, комплексно рассмотреть изучаемый предмет, но и во многих случаях заново поставить многие вопросы, до сих пор столь основательно не осмысливавшиеся.

Сказанное касается весьма разнообразной проблематики, в том числе этнокультурных эндо- и экзостереотипов, трактовки ряда этнонимов, соотношения фактора этничности с социальными, конфессиональными и геополитическими аспектами и т.д. Отдельно хотелось бы отметить анализ эволюции этнического самосознания в восточнославянской среде в связи с тем или иным пониманием в XII–XV вв. терминов "Русь", "Русская земля", "русские". И важно, что вопрос этот рассматривается на протяжении большего, нежели только XV в. исторического периода. Это продиктовано двумя главными соображениями. "Во-первых, – поясняется во введении, – существенные перемены государственно-политической (а в какой-то мере и идейно-культурной и демографической) ситуации в Восточной Европе чрезвычайно обострили интерес общества именно к этнополитическим аспектам истории трех близкородственных восточнославянских народов, и те, кто занимается данной проблематикой, не могут откладывать работу над ней на будущее, а значит игнорировать этот интерес, несмотря на справедливость процитированного высказывания из введения к книге второй (речь идет о сложности проблематики, нуждающейся в специальном исследовании. – А.М.). Во-вторых, именно в связи с отмеченным интересом в самые последние годы –

особенно в массовой печати – стали появляться работы, поверхностно публицистически интерпретирующие тему, что может ввести в заблуждение широкие круги читающей общественности” (С. 6).

В разделе, посвященном названной проблематике, хотелось бы выделить наблюдения Б.Н. Флори о трактовке понятия “Русь” в отдельных русских княжениях и на территориях, вошедших в состав Великого княжества Литовского, в связи с чем автор особое внимание обращает на такие источники, как “Список русских городов дальних и ближних” (составленный в канцелярии митрополита всея Руси Киприана) и так называемая Супрасльская летопись – компиляция середины XV в., частично составленная в окружении Витовта (С. 20, 30). Автор приходит к выводу, согласно которому с конца XV в. намечается дезинтеграция древнерусской народности в процессе становления Русского государства, с одной стороны, и нахождения бывшей Западной Руси в составе Польского королевства и Великого княжества Литовского – с другой (С. 34–35, 237). Одновременно автор останавливается и на смысле обозначений отдельных частей Руси – Белая, Красная и Черная, а равно Великая и Малая Русь (С. 32–33). По мнению Б.Н. Флори, эти понятия непосредственно не сопряжены с этнической дифференциацией древнерусской народности (С. 33–34). Все же вопрос этот нуждается в дальнейшем исследовании. То, что приведенные термины в значительной степени имели иноземное происхождение (так, название Малая Русь возникло в византийских актах XIV в.), сомнению не подлежит. Равно как и то, что цветообозначение у разных авторов (по преимуществу иноземных же) носило крайне неустойчивый характер. Так, в XVI в. Юго-Западная Русь, Галичина, нередко именовалась то Красной, то Черной Русью, а под последней, как свидетельствует З. Герберштейн, понимали также собственно Россию, которую одновременно ассоциировали с Белой Русью. Не ясно и происхождение подобной терминологии несмотря на то, что уже в XVI в. (тог же Герберштейн) выдвигались различные домыслы, о которых Б.Н. Флоря кратко сообщает. Во всяком случае, объяснения, которые в послевоенный период давал западногерманский историк Г. Людат, не кажутся убедительными (он привязывал появление терминов к словопотреблению тюркских народов). Но если в XV в. приведенные выше термины и не отражали процесс этнической дифференциации Руси, то, на наш взгляд, обозначения Красная, Белая, Черная, Великая, Малая Русь постепенно становились своего рода маркировочными признаками для обозначения формировавшихся русской, украинской и белорусской народностей. То, что употребление подобных, особенно цветowych, терминов в основном принадлежало иноземным авторам, можно объяснить их стремлением как-то идентифицировать

население, имевшее один и тот же (с некоторыми различиями в написании) этноним, но входившее в состав разных государственно-политических образований. Другое дело, что для последующего изучения остаются иные немаловажные вопросы: не преувеличиваем ли мы степень гомогенности так называемой древнерусской народности? Каким образом протекал процесс формирования русской, а также украинской и белорусской народностей: путем, так сказать, пространственной дифференциации, либо путем отпочкования западной части восточных славян от остальной массы восточнославянского населения? Эта проблема, непосредственно к содержанию рассматриваемого труда (во всяком случае, хронологически) не относящаяся, заслуживала бы дальнейшего обсуждения. Тем более, что ряд наблюдений Б.Н. Флори делает возможность его вполне уместной.

Ряд интересных не только с фактологической, но и теоретической точки зрения вопросов связан с разделом “Этническое самосознание чехов и национальные проблемы в Чехии в гуситскую эпоху”. Считая “националистический взрыв” спецификой Чехии этого периода, Г.П. Мельников поставил своей целью объяснить аномальный характер развития чешского этнического самосознания (С. 78). В этом случае он использует термин “чешская аномалия”, введенный в 1971 г. чешским историком Ф. Шмагелем, полагавшим, что “национализм гуситского периода был аномалией как по своей преждевременной зрелости, так и по охвату почти всего общества” (С. 81). Несколько забегаю вперед, укажем, что в выводах своего исследования Г.П. Мельников пишет: “Гражданская война и интервенция, внутругуситские междоусобицы обусловили социально-политическую нестабильность в Чехии. В этой обстановке и возникла, если вспомнить термин Ф. Шмагеля, чешская аномалия. Она прежде всего была вызвана новой религиозной идеологией, сознанием богоизбранности своего народа. Религиозная борьба послужила катализатором для развития национального самосознания, что отмечал еще Й. Пекарж” (С. 109).

Вопрос, несомненно, поставлен своевременно, поскольку сводить причины “аномалии” только к классовой борьбе и связанным с ней факторам едва ли убедительно, а главное – достаточно. Не имея возможности в данном случае подробнее останавливаться на указанной проблеме, ограничимся лишь несколькими соображениями. Так называемый националистический взрыв XV в. в Чешских землях исподволь готовился в XIV в., а возможно и ранее. Он был связан с немецкой колонизацией и ростом политической и экономической конкуренции в чешском городе, о силе которой свидетельствуют многие письменные источники XIV в. В обстановке этой конкуренции этнический фактор становился одним из способов маркировки

– этого не было (еще не было!) у соседних славянских народов, в чем, если угодно (по Шмагелю) и проявлялся феномен "преждевременной зрелости". Хорошо это или плохо? Но корректно ли ставить подобный вопрос? Не достаточно ли ограничиться констатацией того, что так случилось? И еще: что такое "аномалия" в общественном развитии? И в отношении какой константы то или иное явление можно считать аномальным? Разве поздняя дифференциация (или отпочкование) восточнославянского этноса в условиях существования синхронно таких этносов, как чешский или польский, не может быть также объявлена "аномальной"? Другой вопрос – что отсюда следует? Наверное только то, что в силу конкретных условий развитие (в том числе и этническое) происходило в данном регионе так, а не иначе. Во всяком случае не представляется достаточно обоснованной полемика с концепцией "этносоциального организма" лишь потому, что "раздвоенный народ" в Чешских землях гуситской поры этой концепции не соответствовал (С. 79). На наш взгляд, уточнения, вносимые на этот счет Г.Г. Литавриным и Б.Н. Флорей (С. 226), представляются более убедительными.

Те же авторы, обобщая материалы коллективного труда, поднимают важный и еще недостаточно комплексно исследованный вопрос о методике изучения эволюции этнического самосознания рассматриваемой эпохи. "Итак, – пишут они, – признавая возможным в исследовании проблемы вычленение для анализа и обобщений исключительно этнических представлений, мы все-таки предпочитаем метод комплексного исследования этнического самосознания вместе с теми сопутствующими ему сферами духовной жизни человека, без которых само этническое чувство не может существовать как устойчивый феномен" (С. 234). В этой связи авторы поднимают вопрос о существовании, хотя бы в отдельных регионах славянского мира, общеславянского этнического (или суперэтнического, метаэтнического) самосознания (С. 234).

Трудность в исследовании всех намеченных выше проблем упирается в то, что исследователь по преимуществу ограничен возможностями письменных источников, авторы которых занимали те или иные политические позиции, имели те или иные идейные симпатии и антипатии, принадлежали к тем или иным социальным слоям и т.д. Отмеченные обстоятельства вольно или невольно прорываются в непоследовательности применяемой кое-где в монографии терминологии "этническое самосознание" и "этническое сознание", хотя понятия эти не идентичны. В связи с этим

неудачен, например, оборот "дворянское этническое самосознание" (С. 219), хотя по смыслу речь идет о проявлении этнического самосознания в дворянской среде. Полагаю, что в ряде случаев, чтобы не смешивать собственно этническое самосознание (безотносительное к социальному статусу его носителя) с этническим сознанием (т.е. с его идеологическим осмыслением) уместно применять термин "этническое самосознание", т.е. отнесение индивидом или определенной группой, коллективом себя к тому или иному этносу (но также к той или иной конфессии, политическому течению и т.п.).

Мы остановились лишь на некоторых аспектах коллективного труда, заставляющих размышлять и продолжать исследование сложной и во многом неразработанной в полном объеме проблематики. И в этом видится заслуга авторского коллектива, осуществившего огромный шаг вперед в изучении общей эволюции этнического самосознания славянских народов с учетом имевшихся региональных различий.

Подчеркивая в заключительном абзаце труда значительные перемены, происходившие в славянском мире с начала XVI в., вследствие которых "исторические судьбы славян значительно и надолго разошлись", Г.Г. Литаврин и Б.Н. Флоря справедливо указывают, что изучение самой проблемы из-за этого не стало менее актуальным (С. 239). "Напротив, – продолжают они, – с приближением к новому времени все более увеличивается и ее острота. Решать ее, однако, следует иными средствами".

Полностью разделяя подобный итог, хочется отметить, что рассмотренный коллективный труд, а равно два предшествовавших ему тома, создают надежную базу для дальнейшей разработки проблемы, необычайная своевременность изучения которой едва ли нуждается в особых доказательствах. И нет сомнения в том, что авторский труд будет по достоинству оценен не только специалистами, но и всеми читателями, стремящимися узнать о прошлом не из поверхностных с потугами на сенсационность писаний.

© 1996 г. Мьельников А.С.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.

Человек в контексте культуры. Славянский мир / Отв. ред. И.И. Свирида. М., 1995.

Рецензируемая книга принадлежит к жанру "трудов" и основывается на текстах докладов, представленных на международной конференции "Человек в культуре народов Центральной и Юго-Восточной Европы", которая состоялась в далеком уже 1990 г.

На первый взгляд тематика сборника слишком многообразна. Однако с другим не всегда связывается. Но интересно практически все. История культуры живет деталями: "бог деталей, бог любви" (Б. Пастернак). Именно анализ деталей позволяет задавать вопросы, формулировать проблемы, которые иначе даже и не возникают. Сборник – мозаика, но складывающаяся в картину, тема которой "Человек – славянский мир". Невольно вспоминается из Б. Паскаля: "Мир содержит меня в себе и поглощает как точку, но я его составляю". Книга – вариации на тему соразмерности и взаимности человека и мира. Авторы – разные и по-разному – рассматривают основополагающие коды культур, схемы восприятия, ценности, иерархии и системы классификации, которые определяют для каждого человека эмпирический порядок бытия и которые людьми создаются. Чтение позволяет проследить генезис того, что в дальнейшем застыло в виде клише, самоочевидностей, привычных жестов, в мироощущении и мировосприятии. Как правило, исследования осуществляются на материале конкретных культурных ситуаций, на рассмотрении персоналий.

Мозаика статей организована вокруг трех основных тем. Первая обозначена так: "В кругу народной культуры и христианского идеала". Здесь – и проблема человека/нечеловека в народных представлениях, рассмотренная на материале славянских демонологических поверий (Л.Н. Виноградова), и вопрос о двоеверии в "Слове о полку Игореве" (Т.М. Николаева), анализ феномена сакрализации иконописца в русской традиции, официальной и неофициальной (О.Ю. Тарасов) и другие статьи (А.М. Ранчин, Г.П. Мельников, Р.В. Непомнящая).

Вторая тема – "Человек в эстетическом пространстве". Здесь рассматриваются различные аспекты моделирования человеком эстетического пространства, или, если посмотреть с другой стороны, становления человека через это самое пространство. Л.А. Софронова проводит изящное исследование оппозиции барокко и романтизма как разных способов моделирования (воспроизводства) человека. И.И. Свирида анализирует идеальную просвещенческую личность, как она видна через

пространство английского парка. Парк оказывается представленным не как статическая среда, но как пространство игры. Другие статьи данного раздела посвящены различным сторонам становления личности: лирическое "я" в поэзии барочной и символической, одиночество, страдание и смерть в романтической поэзии, концепция личности в серболоужицком модерне, человек и сверхчеловек в произведениях Пенчо Славейкова (Д.С. Прокофьева, Н.А. Богомолова, А.А. Гугнин, В.В. Николаенко) и др. Польский исследователь Е. Малиновский пишет о роли критика в польском художественном процессе. Интересна статья Н.В. Злыдневой «Эффект присутствия» в поэтике авангарда, правда, стоящая особняком по отношению к основной проблематике как сборника, так и данного раздела.

Третья тема – "Человек и нация". Здесь внимание читателя наверняка привлекут сюжеты, связанные с рассмотрением национальных картин мира. Они академичны, но одновременно животрепещуще актуальны. Эта актуальность задается чтением, ибо реальность, в которой мы живем, вопиет. Статья Г.Д. Гачева о национальной оптике болгарина построена на прочтении очерка А. Константинова "До Чикаго и назад". Очерк рассмотрен как "рикошет" национального зрения: свое через чужое. Богата мыслью короткая статья А.В. Михайлова "Личность и ее самоуразумение в австрийской культуре XIX в.". Автор оппонирует самоочевидностям современного сознания типа "мировая" и "европейская культура". Он показывает, что это – не просто "расхожие слова из дипломатического лексикона и словаря современной публицистики" (С. 175), но вредная иллюзия. Эту идею он доказывает на примере несовпадения внешне близких немецкой и австрийской культур. Несовпадение проявляется как раз в том, что видение человека в этих культурах радикально различно. Проблема же достоинства и самооценки местных и "провинциальных" культур, проблема национальной специфики вписывания "я" в строй мира актуальна для современной России. Те же темы сходства/различия затронуты и в других статьях этого раздела (Н.М. Филатова, Л.Н. Титова, В.И. Злыднев, В.И. Шеремет).

Понятно, чтение сборника порождает вопросы. Главный из них эксплицитно сформулирован в предисловии редактора, где имеет место размежевание историко-культурных и социальных исследований человека в культуре. Как правило, этот ход мысли прочитывается как отход от вульгарно-

социологических трактовок, господствовавших в течение целых десятилетий. В рамках таких схем общество и культура друг другу противопоставлялись, рассматривались как две самостоятельные сущности, которые лишь "взаимодействуют" друг с другом. Высказывая мысль о недостаточности социальных параметров исследования человека, о необходимости дополнения их собственно историко-культурными исследованиями, фактически воспроизводят все ту же оппозицию. Действительно, согласиться с этой идеей можно лишь в том случае, если социальное исследование сводить к изучению "среды", условий жизни, экономики, а к тому же рассматривать их в качестве "внешних" факторов, оставляющих в стороне личность (персону) (см. С. 7). Но тогда речь идет о типе социального исследования человека, которого фактически нет (если конечно иметь в виду исследования грамотные, проведенные на современном методологическом уровне). Представления человека о мире, картина мира нынче рассматриваются как органический элемент социаль-

ной реальности. Культурные пространства – те же самые социальные пространства. Но тогда, конечно, приходится задать вопрос и дать ответ на него: а чьи именно эти пространства? кто их реконструирует?

Материал, представленный в сборнике, свидетельствует о том, что пространства социологии, культурологии, истории культуры пересекаются. Чем занимаются авторы сборника? Тем, как человек живет в паутине значений, которую он сам сплел. Паутину значений можно интерпретировать как систему смыслов, которые ориентируют человеческие существа по отношению друг к другу и окружающему миру. Эту систему смыслов одни назовут культурой. А другие – социальным. Одни ищут значения, другие склонны искать закономерности. Но предмет-то общий: человек в его отношениях с другими людьми, а также мир жизни вместе, понимаемый как мир общих смыслов.

© 1996 г. Козлова Н.Н.

Славяноведение, № 6

С.А. ИВАНОВ. Византийское юродство. М., 1994. 240 С.

Юродство представляет собой одно из тех явлений, которые Древняя Русь получила из Византии и которые тем не менее воспринимаются как неотторжимая часть нашего духовного наследия [1]. Византийские агнографические сочинения об Андрее Цареградском и Симеоне Эмесском переводились на славянский язык, включались в Четьи-Минеи и являлись предметом подражания для русских агнографов, подобно тому, как поведение византийских "салосов" давало образец для русских "похабов".

Отечественная научная традиция естественным образом уделяла основное внимание русским юродивым, а юродство византийское либо вообще оставляла в стороне, либо рассматривала недифференцированно, как бы сквозь призму русского юродства. При этом оставалось неясным, в каком отношении находится юродство византийское и русское, что у них общего и что различного. Показательно, что еще совсем недавно А.М. Панченко приходилось оправдываться в том, что наряду с русскими материалами о юродивых он привлекает и византийскую агнографию [2].

Книга С.А. Иванова занимает особое положение на фоне предшествующей традиции изучения юродства. Автор впервые воссоздал в цельном виде всю историю существования юродства от его зарождения в IV в. в Египте до постепенного

затухания в России XVIII–XIX вв., а в отношении географическом охватил с большей или меньшей степенью подробности всю территорию, на которой бытовало это явление либо его ближайшие аналоги (Египет, Сирия, Малая Азия, Константинополь, позднее – Киевская и Московская Русь).

Содержание книги шире, чем об этом можно судить по ее названию. Строго говоря, к Византии относятся только пять из девяти глав книги. В 1-й главе, "Предтечи юродства", речь идет об иудейском профетизме и греческих киниках; главы 7–9 посвящены соответственно русскому "похабству", восточной и западной периферии юродства.

Тем не менее основное внимание автора сосредоточено именно на византийском юродстве – его предпосылках, зарождении, расцвете и закате, а соответствующее явление в России рассматривается не столько как самостоятельный феномен, сколько как продолжение юродства византийского. Главы о Византии образуют центральную часть книги и в отношении композиционном, и в отношении содержательном. Они представляют наибольший интерес и для специалиста, и вообще для русскоязычного читателя.

Византийские агнографические тексты о юродивых современному читателю известны главным образом по сборнику "Византийские легенды", подготовленному С.В. Поляковой (М., 1972; 2-е изд. – 1994). Здесь опубликовано в прекрасном переводе

на современный русский язык Житие Симеона Эмесского, с появлением которого С.А. Иванов связывает высшую точку в развитии византийского юродства [3]. В книге С.А. Иванова читатель находит множество сведений о юродивых, впервые вовлекаемых в научный оборот, впервые знакомится с целым рядом византийских литературных произведений о юродивых. Особо следует отметить, что большинство греческих текстов, цитируемых в книге, даются в переводе автора. Таким образом, читатель получает не только научное исследование, но и небольшую хрестоматию византийских текстов о юродстве.

С.А. Иванов видит свою задачу в том, чтобы "исследовать феномен юродства с точки зрения истории культуры" (С. 3). Хотя теоретические установки автора и не эксплицированы в полной мере, они заслуживают специального обсуждения. Во "Введении" к книге несколько раз подчеркивается, что юродство воспринимается "как конкретно-исторический феномен" (С. 11). "Наша цель, – пишет С.А. Иванов, – исследовать непосредственное происхождение, а также оформление и бытование реального культурного феномена, который мог возникнуть лишь во вполне определенных исторических условиях" (С. 7). Тем не менее историческое исследование юродства постоянно дополняется содержательным (вероятно, его можно назвать и феноменологическим). Автор прослеживает историю юродства сразу на нескольких уровнях: и как бытового явления, и как литературной темы, и как определенной поведенческой модели.

Он чужд модернизации своего материала, и тем не менее его исследование литературных текстов о византийском юродстве предполагает высокую степень вовлеченности читателя в их проблематику. Хотя С.А. Иванов отмечает, что юродивый для него "не живой человек, а культурная функция" (С. 47), книга читается как своеобразный психологический роман, и основной интерес для читателя связан как раз с вскрытием внутренних психологических мотивировок поведения юродивого и окружающих его людей.

Те поведенческие тексты, которые порождает юродивый, осмыслиются с разных позиций: с точки зрения побудительных мотивов юродивого, с точки зрения персонажей, которые находятся с ним в едином пространстве агнографического текста, но также и с точки зрения самого автора, который совместно с читателем пытается проникнуть во внутренний смысл происходящего. Впрочем, и автор агнографического текста присутствует в нем как вполне достоверная личность и его интонации (в интерпретации С.А. Иванова) также приобретают характер исторического источника. В некоторых фрагментах книга вообще приобретает характер комментированного чтения византийского текста (см. особенно главу 5, "Мистик и юродство").

Сущность юродства раскрывается с помощью понятий "провокации" и "агрессии"; под "провокацией" понимается «сознательное выстраивание ситуации, вынуждающей кого-либо на нежелательную для него активность предсказуемого для "provokatora" характера, а "агрессию" ученый трактует как "активность, имеющую целью нарушение status quo в отношениях между людьми и самим объектом агрессии воспринимаемую как недружественную» (С. 9–10). Эти понятия описывают поведение человека и относятся скорее к области исторической психологии, чем истории культуры.

С.А. Иванов описывает юродство как явление глубоко парадоксальное. Юродивый "снисходит до подражания людским порокам" (С. 84), он скрывает свою святость и одновременно жаждет всеобщего внимания (С. 84), он постоянно совершает зло и, несмотря на это, несет в себе абсолютное добро, стремится спасти людей и тем не менее вводит их в соблазн, он истово служит Богу и при этом кощунствует и богохульствует.

Бросается в глаза, что небольшая глава о русском юродстве написана по-другому, чем остальные. Автор сосредоточился главным образом на внешней истории юродства на Руси, почти не касаясь его внутреннего содержания. Главы о западной и восточной периферии юродства обогащают наше представление о модели поведения юродивого, хотя в большей мере и негативно, разъясняя, почему, скажем, нельзя считать юродивым индийского аскета или францисканского монаха. Между тем рассказ о юродстве в России не прибавляет ничего нового к тому, что мы узнали о модели поведения юродивых и его мотивации из глав, посвященных Византии. Самое главное – расцвет юродства – уже произошло в VI–VII вв. и, в сущности, все, что имеет место позднее, представляет собой "адаптации и перепевы" (С. 76), развернутый эпилог к явлению византийского юродства. Между тем жизненность какой бы то ни было модели доказывается тем, что она способна "врастать" в иную социо-культурную среду, наполняясь при этом новым содержанием. Основное отличие русского юродства от византийского, как известно, заключается в том, что византийский юродивый, как правило, "безразличен к социальной этике", а "русские юродивые в дни народных бедствий болеют душой за народ, они пользуются своей выключенностью из обычных связей, чтобы сказать в лицо свирепому и упоенному своей безнаказанностью носителю власти (...) ту правду, которой больше никто сказать не посмеет" [1]. Можно думать, что в России мы имеем дело не с эпилогом юродства, но с новой жизнью этого феномена.

Естественно желание автора избежать спекуляций на тему "русского национального характера" и "психологии самой нации" (С. 155), однако вопрос о том, почему именно в России получило такое

распространение юродство, все же остается в книге без ответа. По мнению С.А. Иванова, "приверженность русской культуры к юродству объясняется присущим ей бескомпромиссным стремлением к Абсолюту" (С. 155, см. также С. 186). Такое объяснение, как кажется, имеет несколько абстрактный характер, ибо не вполне ясно, почему "стремление к Абсолюту" принимает такие эксцентричные формы. Не пытаюсь предложить свое решение вопроса, выскажем лишь предположение о том, что юродство глубоко созвучно антиномизму (или дуализму), столь характерному для многих явлений русской духовной культуры [4].

Как представляется, исследователь несколько преувеличивает те элементы зла, богохульства и кощунства, которые несут в себе юродивые. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с тем, что "свою свободу этот святой покупает страшной ценой разрыва с церковью" (С. 188), ибо сама канонизация юродивого приобщает его к Церкви. Хотя автор оставляет в стороне вопрос о том, "был ли юродивый настоящим или притворным безумцем, имеем ли мы дело с великим святым или с великим грешником" (С. 188), надо сказать, что люди, которые окружали юродивого, не могли оставаться столь же индифферентными к этому вопросу. Можно думать, что чертами парадоксальности обладало не только богословское осмысление юродства, но и его восприятие как бытового явления.

К сожалению, в некоторых суждениях автора ощутим налет публицистичности, который не вполне вяжется с общим строем его исследования. Можно ли действительно согласиться с тем, что на каком бы то ни было уровне "ни одно общество не более и не менее религиозно, чем любое другое" (С. 10)? Вряд ли правомочно говорить о том, что в XVI в. произошло "окончательное закабаление церкви государством" (С. 188), что политический режим в России "не предлагал никакой свободы для человека" (С. 188), что церковь "во все большей степени становилась служанкой всевластного государства" (С. 188). Несколько поверхностный характер имеют рассуждения об отличиях "христианской морали" от "советской идеологии"

(С. 183–184). Впрочем, отдельные досадные огрехи, которые встречаются в книге, относятся скорее к плану выражения и придают некий колорит, свидетельствующий о времени ее написания больше, чем о предмете.

Хотя основной темой книги является юродство, попутно в ней высказывается целый ряд интересных наблюдений по другим вопросам. В частности, автор оригинально интерпретирует сюжетную коллизию жития Алексея человека Божия (С. 44–47), полемизирует с А.М. Панченко по поводу легенды об Ангеле из собрания А.Н. Афанасьева (С. 72–73), делает экскурс по поводу буффонады Ивана Грозного (С. 80–82) и т.д. С.А. Иванов касается и проблем, имеющих общеполитический, богословский и этический характер: он остро ставит вопросы о соотношении добра и зла, мудрости и глупости, святости и безумия, свободы и божественного предопределения.

Благодаря увлекательному эмпирическому материалу, прекрасным литературным переводам и общей методологической отточенности книга читается как своеобразный интеллектуальный роман и, несомненно, будет с интересом воспринята не только специалистами по византийской и русской истории. Книга С.А. Иванова станет отныне незаменимым пособием для исследователей, которые обратятся к феноменам византийского и русского юродства.

© 1996 г. *Топорков А.Л.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С.С.* Крещение Руси и путь русской культуры // Русское зарубежье в год тысячелетия Крещения Руси. М., 1991. С. 60.
2. *Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 100. Примеч. 49.
3. Жизнь и деяния аввы Симеона, Юродивого Христа ради, записанные Леонтием, епископом Неаполя Критского // Византийские легенды. М., 1994. С. 53–83.
4. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990. С. 10–36 и др.

"От мифа к истории": 15-я конференция цикла "Славяне и их соседи"

27–28 мая 1996 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН состоялась очередная, пятнадцатая по счету конференция из цикла "Славяне и их соседи". Подобные мероприятия организуются Отделом истории средних веков Института, начиная с 1982 г. и посвящены памяти основателя отдела В.Д. Королюка. При этом конференция уделяет внимание какой-либо конкретной теме в рамках научных интересов отдела.

Данная сессия носила несколько громоздкий подзаголовок: "От мифа к истории. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего нового времени". Невозможно отрицать, что выбор этой темы был отчасти спровоцирован актуальной политической ситуацией в странах изучаемого региона, где в исторической науке расцветает новое мифологизирование. Организаторы конференции хотели подвергнуть рассмотрению другой исторический период, когда набирающая силу позитивная наука соседствовала и причудливо переплеталась с мифологией, но не сознательно конструируемой, как сейчас, а еще неотрефлексированной. Временные рамки, заданные организаторами, охватывали период от позднего средневековья до барокко, однако в реальности представленные на конференцию доклады выходили за эти рамки.

Институт получил на проведение конференции грант от РГНФ, благодаря которому удалось пригласить ряд иногородних докладчиков, а также заранее опубликовать тезисы конференции.

Конференцию открыл вступительным словом академик *Г.Г. Литаврин*. В докладе *Д.В. Карнаухова* (Новосибирск) "Средневековые интерпретации легенды о славянских прародителях как культурный определитель" сравнивалось бытование легенды о Чехе, Лехе и Русе в польской и чешской раннеисторических традициях. Если автор Великопольской хроники трактует этот миф в родовых и кровнородственных терминах, то чешский хронист Пулкава переосмысливает его в имперско-провиденциальных понятиях. Польский Лех имеет преимущество перед братьями по праву старшинства, а Чехия – центр мира потому, что

это "Божья страна". Эта "продвинутая" версия, по мнению докладчика, обязана своим появлением деятельности Карла IV.

Е.В. Пчелов (Москва) в докладе "Легенда о славянских предках у Длугоша" пытался объяснить, откуда у этого польского хрониста возникла версия, будто русские произошли от поляков. По его мнению, это могло быть связано как с наличием в русской летописи упоминаний о племени полян, так и с использованием арабских источников, где говорилось о родстве русов, западных славян и хазар.

Б.Н. Флоря сделал доклад на тему "Отражение политической мысли польского средневековья в описаниях древнейшего периода в истории поляков (Кадлубек и Длугош)". Он проследил, как борьба королевской власти и магнатов проецировалась хронистами в древность. При этом, по наблюдению докладчика, построения Кадлубека больше напоминают художественную прозу, а Длугоша – политический трактат.

А.Н. Хлибовская (Луцк) в докладе "Влияние польско-германских отношений на генезис Древнепольского государства: историографический аспект" суммировала взгляды современных польских исследователей на роль германских влияний в истории польской государственности.

Вечернее заседание 27 мая открыл *А.С. Мильников* (Санкт-Петербург) докладом "Славянские этногенетические легенды: место и роль в эволюции исторического познания". Он анализировал эпонимические легенды славян в сопоставлении с другими видами мифологического самоутверждения, в частности, поисками библейских предков славян, а также ссылками на авторитет Александра Македонского. В докладе специально рассматривалась история любопытного фальсификата: так называемой грамоты Александра славянам, в которой он якобы легитимизировал границы славянства.

С.А. Иванов представил доклад на тему "Начальная стадия изучения Прокопия Кесарийского как источника по славянской истории". В нем прослеживалось, как в Италии, Германии и Франции начиналось изучение византийских авторов и постепенно формировался тот корпус источников,

в частности, по истории славян, который находился в научном обороте и поныне. Докладчик далее перешел к далматинской историографии той же эпохи и показал, как в ней западные позитивистские влияния смешивались с традиционными мифологизированными преданиями. Курьезный гибрид того и другого – фальсифицированное И. Марявичем "Житие Юстиниана".

В докладе *О.А. Родионова* "Житие как легенда и как история: несколько слов о проблеме историзма житийных повествований (на примере византийских и славянских памятников)" сравнивались греческие агиографические сочинения XIV в. и жития Саввы Сербского и Сергия Радонежского. По мнению докладчика, в риторизованном стиле византийцев находится место для конкретно-исторических деталей, тогда как на славянской почве даже рассказ о реальных событиях переносится в символическую плоскость.

А.А. Турилов выступил с докладом «Древнейшая история славян и Руси в "Книге степенной царского родословия" (хронология, круг источников, их отбор и использование)». Он проследил, как работает с источниками составитель Степенной книги (XVI в.) и как это характеризует уровень эрудированности и тенденциозность московского книжника. Докладчик сделал также ряд тонких замечаний о том, как осуществлялся в XV–XVI вв. переход от летописания к историописанию.

Доклад *О.И. Князького* и *Г.С. Рыкиной* "Киевская Русь глазами москвиты" был зачитан Князьким. В нем проводилась мысль, что киевское прошлое, хотя и не было забыто в период Московской Руси, но осмыслялось в "московском" духе. Так, образ Ильи Муромца из знатного рыцаря, каким он реконструируется по скандинавским сагам, становится "крестьянским сыном" и ведет себя, как "голь кабацкая".

Заседание 28 мая открыл *Г.П. Мельников* докладом «Кирилло-мефодиевская проблематика в "Чешской хронике" Вацлава Гаека: от легенды к легенде». Рассмотрев это сочинение XVI в., докладчик предложил характеризовать его как исторический роман. Обстоятельства кирилло-мефодиевской миссии изложены Гаеком таким образом, чтобы подчеркнуть общехристианский характер этого наследия, равно принадлежащего обеим конфессиям Чешского государства.

Доклад *А.В. Лаврентьева* и *А.А. Турилова* «"Повесть о Словене и Русе" ("Сказание о Великом Словенске") о происхождении и ранней истории славян Руси» был зачитан *А.А. Туриловым*. Рассматриваемый докладчиком памятник был создан в XVII в. в Новгороде. В нем на основе разнохарактерных и разноязычных источников делалась попытка сконструировать древнейшую славянскую историю от Иафета до переселения народов. В отличие от Русского Хронографа, автор памятника стремился поставить русскую

историю в общеславянский и общемировой контекст. Текст носит откровенно антикиевский характер. Его автором докладчики видят Киприана, архимандрита Хутынского монастыря.

Доклад *Т.А. Опариной* (Новосибирск) назывался «Тема наследия св. Владимира в трактовке московской "Книги о вере" (1648)». Она анализировала украинско-белорусское сочинение Захария Копыстенского "Палинодия", в котором отвергалась московская мифология истории, а Киевская митрополия наследовала всю благодать Римского святого престола. Последующее церковное и политическое развитие в восточнославянских землях привело, однако, к тому, что московская "Книга о вере", воплотившая мессианские и панславистские чаяния Алексея Михайловича, опиралась как раз на "Палинодию". Резкий переход от полного отвержения украинцев-белорусов к их интеграции стал одной из причин раскола.

С.П. Щавелев (Курск) сделал доклад о "Феномене кладоискательства на юге России в предыстории славянской археологии", на материале источников проследив, как из практической заинтересованности в поиске богатств постепенно выкристаллизовывается "абстрактная" научная любознательность.

Д.И. Польшванный (Иваново) рассказал о "Средневековых культурных традициях в болгарской историографии XVIII в.". С точки зрения докладчика, Паисий Хилендарский, Зографский аноним и Спиридон опирались на афонскую историческую традицию, которая пережила болгарскую государственность.

И.Ф. Макарова представила доклад на тему "Болгарский субстрат в России: мифы нового времени". Рассмотрев фольклорный материал, принадлежавший российским болгарам в XIX в., докладчица сделала вывод, что тенденцией устного мифотворчества была "болгаризация" русской истории и царской династии.

Последним был заслушан доклад *А.В. Свириновской* "Представления о Востоке и Западе в России (петровская и допетровская эпоха)". Она также опиралась на фольклорный и сказочный материал, в котором Восток фигурировал как счастливый и благочестивый край, а Запад – как край зла и нечестия. Специальное внимание было уделено фольклорному образу Петра Великого.

Каждое заседание завершалось оживленной дискуссией, особенно плодотворной, когда друг за другом следовали доклады на схожие темы. В заключительной дискуссии были подведены итоги конференции. Участники конференции были едины во мнении, что с современным окологисторическим мифотворчеством невозможно бороться на его поле, путем полемики и опровержений. Единственный эффективный метод – это грамотная популяризация и честная наука.

"Путь из варяг в греки": проблемы этнокультурного взаимодействия в средневековом мире

27–29 мая 1996 г. в Москве проходила Международная научная конференция "Путь из варяг в греки", организованная Государственным Историческим музеем, Институтом славяноведения и балканистики РАН и кафедрой археологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова при благожелательной поддержке Посольства Греции и Посольства Швеции в России.

Начало конференции было приурочено к открытию выставки "Путь из варяг в греки и из грек..." в филиале Исторического музея в Новодевичьем монастыре. Экспозиция выставки стала неотъемлемой частью рабочей программы конференции, во всем разнообразии представив предметный мир эпохи (IX–XI вв.), отразившийся в образцах материальной культуры, произведениях прикладного искусства, памятниках книжности. Значительную часть экспонатов составили археологические находки из Гнездова, одного из самых значительных культурных центров Руси, расположенных на "Пути из варяг в греки". В период X–XI вв. Гнездово играло роль своеобразного перекрестка торговых и культурных путей Восточной Европы. Материалы выставки нашли отражение в красочном каталоге, изданном при финансовой поддержке Посольств Греции и Швеции в Москве.

Участники конференции – историки, археологи, филологи из России, Швеции, Норвегии, Великобритании, Латвии, Литвы, Украины обсудили широкий круг вопросов, касающихся самого феномена "Пути из варяг в греки", трансформировавшегося в ходе истории из дороги войны в дорогу культуры и цивилизации, ставшего связующим звеном между государствами Северной Европы, Русью и Византией, открывшего движение народов к новым духовным ценностям. На конференции был представлен целый блок сообщений, посвященных историческим центрам, находившимся в рассматриваемый период на "Пути из варяг в греки" – от Скандинавии до Царьграда (Константинополя). Ряд докладов отразил проблему диалога культур в сфере формирования государственности, христианизации народов Руси и Скандинавии. Материалы конференции были представлены участникам и гостям в виде предварительной публикации.

С вступительным словом, открывающим конференцию, выступил *Г.Г. Литаерин* (ИСБ, Москва). Он подчеркнул непреходящую актуальность межэтнического и культурного взаимодействия на

международном пути: главной зоной этого взаимодействия стала Восточная Европа – Русь. Византия сама проявляла немалую заинтересованность в союзнических отношениях с Русью и варягами – недаром русь и варяги, служившие в Византии, именовались не наемниками, а союзниками.

Вводный доклад "Путь из варяг в греки и становление древнерусской государственности" прочли *Е.А. Мельникова* (Институт Российской истории, Москва) и *В.Я. Петрухин* (ИСБ, Москва). Начало функционирования пути связано, по мнению докладчиков, с процессами становления Русского государства – призванием "по ряду" варяжских князей в Ладогу и Новгород, утверждением Олега в Киеве и Среднем Поднепровье, основных базах последующих экспедиций в Византию. Общегосударственные предприятия, связанные с путем из варяг в греки, были невозможны без государственной структуры, опирающейся на целую сеть населенных пунктов, где кормилась и собирала суда для похода княжеская дружина: недаром раннескандинавское название Руси – "Гарды" (Garðar) – означало, видимо, сеть таких пунктов. Тот же компонент – garðr включали и наименования основных центров на пути из варяг в греки – Новгород (Хольмгард), Киев (Кенугард), сам Константинополь (Миклагард).

Одному из главных археологических памятников на пути из варяг в греки – Гнездовскому поселению – был посвящен доклад *Т.А. Пушкиной* (кафедра археологии МГУ), руководящей раскопками в Гнездове. Поселение, в свете данных раскопок, возникло на рубеже IX–X вв. и к середине X в. стало крупнейшим торгово-ремесленным центром (общая площадь – 15 га) со смешанным славянским и скандинавским населением. Находки на поселении свидетельствуют о развитии гончарного, кузнечного, бронзолитейного, косторезного и других ремесел, клады и находки весов и гирек – о развитии торговли. В крупнейшем в ранне-средневековой Европе некрополе (до 4000 курганов) помимо погребений, принадлежавших дружинным верхам, обнаружены и первые христианские могилы. Все это позволяет относить Гнездово X в. к крупнейшим поселениям на пути из варяг в греки, сопоставимым с Биркой в Швеции, Ладогой, Новгородом и Киевом на Руси.

Е.Н. Носов (Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург) в докладе "Проблемы урбанизации Древней Руси и Скандинавии в

эпоху раннего Средневековья" напомнил о предложенной еще в начале века В.О. Ключевским концепции становления русских городов под влиянием и в связи с развитием внешней торговли. Подкрепляя данное положение новыми археологическими находками, докладчик предложил свою схему развития первых городов на севере Руси (Ладога, Рюриково городище, Гнездово), которое было обусловлено проходившим через эти районы торговым путем между Балтикой и исламским Востоком. С самого начала своего существования эти городские центры были ориентированы на обслуживание торгового пути, отличались развитой ремесленной деятельностью, торговлей, судостроением. В дискуссии (В. Петрухин) было отмечено, что без прочной базы для "кормления" дружинников и торговцев никакие регулярные торговые предприятия были бы невозможны.

И. Янссон (Стокгольмский университет), один из инициаторов сотрудничества российских и шведских археологов, принимающий участие в исследовании Гнездова и Новгородского Городища, посвятил свой доклад проблеме полиэтничных сообществ в раннесредневековых Скандинавии и Руси. Несмотря на видимую полиэтничность материальной культуры Хедебю и Бирки, Гнездова и Тимерева, население таких центров, по мнению Янссона, было достаточно консолидированным, чтобы относить себя к единой этнокультурной группе: в Восточной Европе такая группа, возглавляемая скандинавскими предводителями, восприняла от выходцев из Скандинавии название "русь". Полная славянизация этой общности была связана с распространением христианства на Руси.

Далее участники конференции проследовали по "Пути из варяг в греки", почти так, как он описан в "Повести временных лет". "Скандинавской" тематике были посвящены доклады коллег из Швеции, Норвегии, Великобритании. В. Дучко (Упсальский университет) выступил с докладом о символах власти в Древнерусском государстве. Он рассмотрел монеты и привески с древнейшими княжескими знаками – двузубцами и трезубцами – и сопровождающие их символы: изображения языческих символов (молот Тора), предметов вооружения и т.п. атрибутов воинского (дружинного) быта. Эти символы свойственны и древнерусской, и скандинавской раннегосударственным традициям: но главный из них – княжеский "знак Рюриковичей" – имеет, по мнению В. Дучко, хазарские истоки: восходит к тамгообразным знакам Северного Причерноморья. Это выступление было удачно дополнено докладом Н. Прайса (Великобритания, стажер Упсальского университета) о соответствующих символах в Англии англосаксонского периода и эпохи викингов (предметы вооружения на монетах, надгробиях и т.п.). В прениях по докладам (В. Петрухин) было обращено внимание на то, что сходство раннегосударственной символики на севере и востоке Европы – в

Англии, Скандинавии и на Руси – соответствует этнокультурным представлениям этой эпохи, донесенным "Повестью временных лет": Нестор относил начальную русь, свеев и англов к варяжским народам.

А.-С. Грэслунд (Упсальский университет) в докладе "Рунические надписи и восточное влияние на процесс христианизации в Швеции" отметила, что несмотря на достаточно частые находки предметов христианского культа, происходящих с Востока – из Руси и Византии, церковная организация была создана западноевропейскими миссионерами. Рунические надписи свидетельствуют, что и в XI в. восточный путь – вплоть до Иерусалима – был хорошо известен в Швеции.

В докладе Л. Тунмарк-Нюлен (Исторический музей, Стокгольм) "Готланд и Русь в эпоху викингов и в XII в." были выявлены принципиальные различия в характере связей между разными регионами Скандинавии и Русью. На Руси почти нет находок с Готланда – абсолютно преобладают находки из Средней Швеции: готландцы не селились на Руси, а по преимуществу участвовали в торговых экспедициях, из которых привозили на родину не только серебро, но и "сувениры", относящиеся в основном к мужскому костюму (пояса и т.п.).

Доклад Л.-К. Кенигссона (Упсальский университет) "Славянские племена и викинги. Развитие культурного ландшафта в Новгородской земле" был посвящен результатам палеоботанических исследований, проводившихся в 1993 и 1995 гг. в Новгороде и отчасти в Гнездове. Эти исследования позволяют совершенно по-новому представить развитие агрикультуры в Восточной Европе: становление производящего хозяйства относится уже к эпохе неолита, новое развитие сельское хозяйство получило в VIII–IX вв., в эпоху славянской колонизации.

Доклады коллег из стран Балтии подробно осветили историю и развитие одного из важнейших ответвлений "пути из варяг в греки" – Западновинского или Даугавского пути. А. Радиньш (Исторический музей, Рига) в докладе "Центры X – начала XIII вв. на Даугавском пути – общее и различное" рассказал о Даугаве как о важной составной части пути из варяг в греки, на которой находились поселения ливов, латгалов, земгалов, селов, кривичей. В X в. в низовьях Даугавы образовалась определенная система хорошо укрепленных городищ, причем каждая из этнических единиц старалась создать свой центр для контроля Даугавского пути. Ситуация в верховьях Даугавы была иной вследствие славянизации этой территории в X в. Докладчик отметил, что река Даугава под названием Дупа встречается в скандинавских письменных источниках – в рунических надписях, сагах, географических описаниях. Это свидетельство того, что скандинавам хорошо был известен подход к Дау-

гавскому пути в Рижском заливе. Доклад *Г. Земитиса* (Исторический музей, Рига) "Даугмале – поселение городского типа в нижнем течении Даугавы (X–XII вв.)" был посвящен археологическому комплексу (городище, два грунтовых могильника, древний порт), расположенному при впадении Даугавы в Балтийское море. Многие признаки позволяют характеризовать Даугмальский комплекс как ранний город – "вик" с интенсивными торговыми связями. В. *Казакявичюс* (Вильнюс) в докладе "Вооружение балтов в эпоху викингов: между Востоком и Западом" сообщил о стилевых особенностях оружия балтийских племен (мечи, топоры, копья, ножи, щиты и т.д.), которые сложились в результате контактов со славянами и германцами и сформировали в конечном итоге уникальный стиль, характерный только для Балтийского региона.

Доклад *В.Н. Зоценко* и *А.П. Моци* (Киев) "Среднее Поднепровье в системе прибалтийских связей конца I – первой половины II тысячелетия" был посвящен роли важнейшего участка международного пути – Днепровского. Авторы выделяют три этапа во взаимоотношениях Среднего Поднепровья, Южной Прибалтики и Скандинавии, совпадающих в основном со стадиями развития государственных институтов в среде южных группировок восточного славянства. В IX в. происходит становление связей между регионами; в продвижении на юг норманны использовали путь по речным системам Немана, Вислы, Днепра. В конце IX – середине XI вв. расширяется варяжское присутствие в Киеве, а также появляется финно-угорская прослойка, о чем свидетельствуют материалы киевских погребений этого периода. К этому времени приурочен расцвет "Пути из варяг в греки", когда Днепровская система превратилась в единый тракт водных сообщений между Балтийским и Черным морями (со связующим пунктом в Гнездове). Третий этап прибалтийско-среднеднепровских связей приходится на вторую половину XI – начало XIII вв.; в конце этого периода конфедерацией Южной Руси и Смоленском были заключены договора с Литвой, а рядом северорусских городов – с "Готским берегом" и Ригой.

Заключительный день конференции был посвящен тематике, отражающей влияние исторического "Пути из варяг в греки" на изобразительное искусство, книжность и духовную культуру. *Л.А. Беляев* (Москва) в докладе "Международные пути и художественные импульсы (проблемы взаимодействия художественных стилей на территории древнерусских княжеств в X–XIV вв.)" охарактеризовал перемены в направлении художественных контактов на протяжении первых трех

веков истории Древней Руси, а также зависимость этих перемен от развития макросистемы коммуникаций Европы. Меридиональная направленность художественных контактов вдоль Днепровского пути к середине XI в. постепенно преобразуется, и движение с Запада на Восток начинает ощущаться в гораздо большей степени. В качестве подтверждения концепции в докладе была приведена картография некоторых артефактов (каменных саркофагов). Доклад *В.В. Мурашевой* (Москва) "Особенности бытования скандинавских ремесленных накладок на территории Древней Руси" был посвящен специфике декора, технологии изготовления, распространения в археологических памятниках различных украшений воинского наборного пояса и конской узда. Отмечалось, что среди всех древнерусских памятников по количеству и разнообразию находок скандинавских ремесленных накладок первое место занимает Гнездово, что свидетельствует о масштабности варяжского присутствия в этом регионе. Оживленную дискуссию вызвала высказанная в докладе точка зрения о происхождении так называемых "вещей-гибридов", сочетающих черты разных традиций (например, скандинавской и хазарской). Специальный интерес вызвал доклад *С.А. Иванова* (ИСБ) о церкви Ильи в Киеве, упомянутой в ПВЛ в связи с заключением договора руси с греками в 944 г. Автор с полным основанием поставил под сомнение ставшее общим местом представление о том, что Илья стал популярен на Руси в силу сходства функций библейского пророка и языческого Перуна. Культ Ильи и посвященные ему церкви были характерны для Византии конца IX – начала X в., крещеная русь следовала греческой традиции. *В. Зоценко*, выступая по докладу, отметил, что церковь Ильи вообще трудно локализовать в Киеве, если опираться на данные раскопок и микротопоними. Возможно, христианская русь клялась соблюдать договор не в Киеве, а в самом Царьграде.

В заключительной дискуссии по итогам конференции выступавшие (*Т. Пушкина*, *В. Дучко*, *А. Радиньш*, *В. Петрухин*) были едины в оценке конференции как весьма продуктивной и наметили перспективу дальнейшей совместной работы по исследованию этнокультурного взаимодействия трех регионов – Восточной Европы, Прибалтики и Скандинавии. Намечено провести следующую конференцию, посвященную, в частности, изучению крупного торгово-ремесленного центра раннесредневековой Прибалтики – городища Даугмале – в Латвии.

© 1996 г. *Белова О.В., Петрухин В.Я.*

XXVIII Международный семинар македонского языка, литературы и культуры. Первая македонско-русская научная конференция

Свыше 130 человек из 25 стран мира приняли участие в очередном XXVIII семинаре македонского языка, литературы и культуры, который проходил с 4 по 24 августа 1995 г. в г. Охрид (Македония). Его организатором был Университет имени св. Кирилла и Мефодия (Скопье). Главная задача семинара – ознакомление иностранных специалистов: филологов, историков, политологов, а также студентов с жизнью македонцев, изучение македонского языка, литературы, истории и культуры. Он призван укреплять научные и духовные связи македонистов мира. Семинар включал в себя разнообразные лекции и занятия как для владеющих македонским языком, так и для начинающих его изучение. Наряду с этим для специалистов в разных областях знаний были прочитаны спецкурсы: по проблемам средневековой македонской литературы (проф., д-р *В. Стойчевска-Антич*), по истории македонской письменности и литературы (проф., д-р *Сл. Мицкович*), по истории македонского народа (магистр *А. Атанасовски*), а также несколько спецкурсов по лингвистике. Среди них – по старославянскому языку (магистр *Е. Црвенковска*), по истории македонского языка (д-р *Д. Пандев*), проблематике изучения его диалектов (д-р *С. Бойковска*) и глагольного вида (д-р *Л. Спасов*). С докладами и сообщениями на семинаре выступили известные ученые: профессора и преподаватели филологического и философского факультетов университета, сотрудники Института македонского языка, члены Македонской Академии наук, Института национальной истории, Института старославянского языка и других научных и культурных центров Республики Македония. На семинаре были представлены новейшие научные и учебные издания: "Македонская грамматика" на чешском языке (Скопье, 1994) выдающегося чешского слависта и македониста *Ф. Мареша*, "Словообразование македонского языка" *К. Конеского* (Скопье, 1995), "Сравнительная грамматика славянских языков" *Р. Паноской*, учебное пособие *К. Бицевской* "Македонский язык для начинающих" (Скопье, 1995), а также монографии *Т. Стоматовского* о творчестве и научной деятельности *Блаже Конеского*, *акад. Ц. Грозданова* о крупнейшем культурном и архитектурном памятнике Македонии – монастыре святого Наума, книга *В. Стойчевской-Антич* "Путевые записки и диалоги" (Скопье, 1994) и др.

Обширной и хорошо организованной была культурная программа семинара. Она включила

тематические экскурсии по Охриду и его окрестностям, знакомство с архитектурными памятниками и музеями. Познавательный характер носили воскресные экскурсии: в Битолу и Прилеп (с осмотром раскопок римского города Гераклея: Линцестис и подъемом в монастырь св. архангела Михаила, XIV в.); в Стругу и Калиште (с посещением краеведческого музея и дома-музея братьев Миладиновых, где уже многие годы проходят знаменитые Стружские поэтические вечера), и, наконец, в монастырь св. Наума. Все это оказалось возможным благодаря финансовой поддержке министерств культуры, науки и образования, помощи некоторых коммерческих организаций Македонии, а также энергии и творческой инициативе руководства семинара и прежде всего его директора – д-ра филологии *Максима Каранфиловского*. Он проводит активную работу по трансформации семинара в организацию, действующую на постоянной основе. В рамках новой программы предусматриваются: проведение зимней школы, языковых курсов для детей македонцев, проживающих за границей, стажировка для преподавателей македонских школ в других странах (так, уже в этом году в рамках семинара проводилась переподготовка преподавателей македонского языка, работающих в Албании). Помимо этого, планируется проведение как традиционных языковых курсов, так и специализированных курсов-семинаров для историков, этнологов, литературоведов и т.д. Новая программа предусматривает и подготовку лекторов для работы в вузах и университетах тех стран, где существует интерес к изучению македонского языка. По уже установившейся традиции семинар завершила XXII научная дискуссия. В этом году ее основными темами стали: "Македонский язык в сопоставлении с другими языками", "Македонская ономастика в славянском и балканском контексте", "Литература, терроризм, национализм", "Творчество Георги Абаджиева", в обсуждении которых приняли участие как семинаристы, так и ученые из разных стран (России, Македонии, Югославии, Чехии, Польши, Словении, Болгарии, Хорватии, Германии, Австрии, Румынии, Нидерландов, Австралии и др.).

В рамках первой темы были представлены доклады *акад. Македонской Академии наук и искусств (МАНУ) Р. Усиковой* "Модификационные значения глагольных префиксов в македонском языке в сопоставлении с русским", *акад. МАНУ*

З. Тополинской "Македонский – болгарский (сопоставление на балканском фоне)" и др. Интерес участников дискуссии вызвал и блок докладов, посвященных положению македонского языка в соседних государствах: Албании (*Л. Минова-Гюркова, С. Бойковска, Скопье*), Греции (*Р. Шмигер, София*), СР Югославии (*С. Станкович*), Болгарии (*Н. Шмигер, София*), Хорватии и Словении (*Д. Стефания, Любляна*). В работе литературной секции наряду с докладами общетеоретического характера целый ряд выступлений македонских исследователей был посвящен различным аспектам творчества писателя Георгия Абаджиева: как выразителя общих тенденций в развитии македонской литературы 1950-х годов (*В. Смилевска*), особенностям его литературной критики и публицистики (*В. Димова*), художественно-стилевому своеобразию его произведений (*Л. Донева, Б. Миркуловска*). Большое внимание привлекли выступления ученых по теме "Литература, терроризм, национализм". Проблемы взаимодействия национального и общего, сложные процессы взаимовлияния и отталкивания в литературах соседних народов на примере творчества писателей бывшего СССР были рассмотрены в докладе *Р.Р. Кузнецовой* (МГУ). Особенности развития культуры и литературы национальных меньшинств и этнических групп Европы и особенно Балканского региона оказались в центре внимания акад. *И. Доровского* (Брно). О проявлениях национальных тенденций в фольклоре балканских народов размышлял проф. *К. Вроцлавский* (Варшава). Другие доклады развивали заданную программой дискуссии тему на конкретном материале. Так, темой выступления *А. Шешкен* (МГУ) стало новое осмысление трагической судьбы народа как одной из важных тенденций в развитии русской и македонской литератур 1980-х годов. Проблематика насилия и террора и ее художественное воплощение в творчестве таких писателей, как *М. Лалич* (доклад проф. *Р. Ивановича, Нови Сад*), *Гр. Божович* (*М. Джорджевич, Приштина*), *Ст. Христов* (*С. Цветановски, Скопье*), *С. Яиевски* (*Н. Петковска, Скопье*), вызвали большой интерес у участников обсуждения. В заключение дискуссии были подняты вопросы о задачах современного сравнительного литературоведения при изучении сложных явлений в истории славянских и европейских литератур, о необходимости расширения диапазона внимания к национальным литературам с учетом разнонаправленных процессов эволюции в самой культуре этих народов.

Крупным событием научной и культурной жизни Македонии, свидетельством расширения ее международного сотрудничества в области науки и культуры стала Первая македонско-русская научная конференция "Македонско-русские языковые, литературные и культурные связи", проходившая в Охриде 23–24 августа 1995 г. На ее открытии присутствовал президент Республики Македония

Киро Глигоров, глава Македонской Православной Церкви архиепископ Охридский и Македонский Михаил, было зачитано приветственное письмо министра культуры России Е. Сидорова. Конференция стала результатом совместной инициативы филологических факультетов Университета им. св. Кирилла и Мефодия и МГУ им. М.В. Ломоносова. Открывая научный форум, председатель организационного комитета акад. *М. Гюрчинов* подчеркнул, что проведение конференции является выражением потребностей в обновлении контактов между научной общественностью наших стран, в обмене новейшими достижениями в области изучения наших языков, литератур и культур, а также в разработке направленный дальнейшего сотрудничества.

Проф. МГУ *Р.Р. Кузнецова* посвятила свой доклад "Новое в сравнительном изучении литератур" анализу состояния и проблемам дальнейшей разработки методики сравнительного литературоведения. Оценив достигнутое российскими учеными (и в первую очередь преподавателями МГУ и учеными Института славяноведения и балканистики РАН), как и исследователями других стран (в частности, словацкими учеными, разработавшими в 1993 г. "Проект расширения исследований межлитературных центрризмов"), в этой области, докладчица обратила внимание на новые тенденции в сравнительном изучении литератур. Необходимость расширения границ изучаемого пространства ставит перед учеными серьезные задачи: необходима выработка конкретных методик, включающих оценочные критерии, а также создание специальных кафедр и научных центров, занимающихся проблематикой межлитературных связей. Тему первого доклада конференции продолжил в своем выступлении акад. *М. Гюрчинов*, посвященном восприятию русской литературы и культуры в Македонии за последние 100 лет. Приведа множество конкретных фактов знакомства македонцев с творчеством писателей, поэтов, художников России XIX–XX вв., ученый подчеркнул стадийный характер процесса восприятия македонцами достижений русской культуры. Тему кирилло-мефодиевской традиции и ее роли в развитии письменности славянских народов поднял в своем докладе *П. Илиевски*. Проблематике изучения устного народного творчества, анализу взаимопроникновения фольклорных образов и мотивов в народном творчестве народов Балканского полуострова, а также их влияния на литературное творчество разных народов был посвящен доклад проф. *Т. Саздова* "Македонский фольклор в славянском и балканском контексте". Дальнейшая работа конференции проходила в различных секциях: двух лингвистических, литературной и культурологической. В литературной секции целый блок докладов был посвящен разным аспектам и уровням межлитературных и межкультурных связей и контактов. Своеобразием исполь-

зования сказовой манеры повествования в творчестве М. Шолохова и современного македонского писателя Ж. Чинго посвятила свое выступление А. Шешкен. Сравнительный анализ пьес Г. Стефановского ("Яне Задрогас") и Е. Шварца ("Дракон"), поднявших тему духовного рабства, оказался в центре внимания Н. Петковской (Скопье). Н. Момировска (Скопье) затронула тему "Тоголь и Македония", показав, как на протяжении 1940–1990-х годов творчество писателя оказывало влияние на развитие македонского театра. О влиянии панславистских идей, проводниками которых были братья Миладиновы, на развитие самосознания македонцев рассказала в своем выступлении В. Пирузе-Тасевска (Скопье). Стала предметом обсуждения и проблема влияния русской литературы и революционно-демократической критики XIX в. на мировоззрение Г. Делчева (доклад Д. Ристевского, Скопье) и членов Македонского литературного кружка в Софии (доклад В. Тоциновского, Скопье). О значимости работ М.Н. Сперанского в изучении историко-культурных памятников, созданных на территории Македонии, рассказала в своем выступлении проф. В. Стойчевска-Антич. Эту тему продолжил доклад М. Георгиевского о деятельности в этой области других русских славистов – В.И. Григоровича, А.Ф. Гильфердинга, Г. Киприанова. Теме развития современной литературной критики и теории литературы, творчески развивающей идеи работ М. Бахтина (исследования М. Гюрчинова и др.) было посвящено сообщение Е. Шелевой. В культурологической секции конференции прозвучали два интересных доклада акад. Б. Ристовского (Скопье) и акад. И. Доровского (Брно), посвященные "Македонской экспедиции", предпринятой Российской Академией наук в 1900 г. Собранные учеными новые архивные документы и материалы позволяют открыть новую страницу в истории изучения диалектов македонского языка, а также народных обычаев и нравов. Т. Вражниковски, сотрудник Института старославянской культуры (Скопье), посвятил свое выступление анализу демонологической системы и различным категориям включенных в нее персонажей у разных славянских народов (в том числе и у македонцев). "Феномен пастушества" как одна из составляющих Балканской модели мира оказался в центре внимания доклада Т. Цивьян (ИСБ РАН), где анализировались мифологические основы пастушеских песен с мотивом испытания любви, созданных на территории, населенной македонцами.

Доклады, представленные в лингвистических секциях, охватывали довольно широкий спектр проблем, как связанных непосредственно с темой конференции, так и выходящих в сферу двуязычной контрастивной языковой проблематики и шире – в сферу славистики и балканистики, с привлечением материалов других славянских и балканских языков.

Коллектив авторов большого македонско-русского словаря под руководством Р.П. Усиковой представил итоги своей работы, познакомив научную общественность с принципами построения словаря, который скоро должен выйти из печати (подготовлен в рамках проекта "Современное состояние лексики македонского языка", финансируемого РФФИ). Этому были посвящены пленарный доклад Р.П. Усиковой, Е.В. Верижниковой (Москва) и выступление Р. Тасевской (Скопье) "Концепция отражения лексики македонского литературного языка в Македонско-русском словаре". Кроме того, авторами словаря на секционных заседаниях были сделаны доклады по частным проблемам: "Македонские безлические глагольные формы и их отражение в Македонско-русском словаре" (Шанова З.К., СПб), "К семантике неопределенных местоимений в русском и македонском языках" (Поварницына М.А., Пермь). "Проблема паронимии и подход к ее лексикографическому решению" (Верижникова Е.В., Москва).

Большой блок докладов охватывал проблемы лексикологии и двуязычной лексикографии. Так, Б. Марков (Скопье) в докладе "Особенности заимствования иностранных слов в русском и македонском языках" подробно остановился на лексических и фонетических расхождениях в двух языках; Л. Спасов (Скопье) представил "Македонско-русский словарь К.М. Петковича", написанный под руководством И.И. Срезневского македонским поэтом, ученым-славистом XIX в., жившим и учившимся в России. К. Илиевска (Скопье) проанализировала семантические совпадения и несовпадения пар глаголов "сесть-сидеть – седна-седи". Л. Леонова (Минск) на материале белорусского, русского, македонского и сербского языков дала сравнительную характеристику прилагательных со значением морально-этических качеств и эмоционального состояния человека.

Доклад З. Тополинской "Значение македонского языка для славянской и балканской лингвистической типологии" был посвящен проблеме репрезентативности македонского языка для балканистики и огромной типологической важности его изучения. Вопросы контрастивного изучения славянских языков (на материале македонского, русского и польского) затронул доклад Г. Шокларовой-Лоровской (Скопье). Эту тему продолжили выступления, посвященные македонско-русским языковым связям и контактам, которые рассматривались в широких временных рамках и в различных аспектах. Роли русской эмиграции в развитии филологической науки в Македонии был посвящен доклад Л. Минова-Гюрковой (Скопье) "Из истории русской культуры в диаспоре: Русские ученые в Скопье". Среди других следует отметить выступления: Д. Пандева (Скопье) "Интерес к македонской языковой проблематике в Казани", О. Яуар-Настевой (Скопье) "Македонская проб-

лематика у Селищева", В. Смилевского (Скопье) "Аспекты языка Р. Жинзифова".

Историческая языковая проблематика нашла отражение в целом ряде докладов: З. Рибаровой (Скопье) – "Русизмы в Радомировом евангелии", К. Бицевской (Скопье) – "Русское языковое влияние в македонских средневековых рукописях", И.В. Платоновой (Москва) – "О традиционном книжно-письменном языке дамаскинов, восходящих к македонскому и западно-болгарскому (Рильскому) переводу", М. Миовского (Скопье) – "Возможные контактные сферы паримейников македонского и русского извода", В. Деспотовой (Скопье) – "Древнерусская литература как источник изучения истории македонской письменности", М. Коробар-Белчевой (Скопье) – "Именной репертуар в нахии Охрид 1583 года в сопоставлении с русскими источниками", Е.С. Сурковой (Минск) – "К семантике одной реминисценции в контексте памятников Кирилло-Методиевского цикла" и др. Отдельный блок докладов был посвящен проблемам морфологии, синтаксиса и словообразования: В. Пьянка (Вена) – "Выражение собирательности в русском и македонском языках в сопоставлении с другими славянскими языками", Д. Роус, М. Каранфиловски (Скопье) – «Приставка "у" и ее морфологическая и семантическая функция (в чешском, русском и македонском языках)». В докладе Н.В. Федотовой (Минск) и М. Каранфиловского (Скопье) анализировались лексические, морфологические, фоно-

логические и фонетические причины утраты вокатива и способы передачи македонской звательной формы в русском переводе на примере переводов произведений С. Яневского. Структуру и семантику безличных предложений на материале русского, сербского и македонского языков рассмотрела в своем выступлении М. Найчевска-Сидоровска (Скопье), а С. Велковска (Скопье) проанализировала функционально-семантические поля результативности в македонском языке в сопоставлении с русским. Наряду с этим были затронуты и вопросы межъязыковой интерференции на современном этапе: доклады М. Паишской (Скопье) – "Лексико-семантическая интерференция в двуязычной среде (македонско-сербские и македонско-русские параллели)" и К. Илиевской и Е. Терзиоской – "Характеристика детского языка в условиях двуязычия" (на примере языка детей в македонско-русских семьях).

Подводя итоги работы, участники Первой македонско-русской научной конференции высоко оценивали ее значимость, подчеркивали необходимость и важность продолжения и расширения научного сотрудничества наших народов, чему, несомненно, будет способствовать подготовка и проведение следующей конференции в Москве.

© 1996 г. Верижникова Е., Демиденко С.,
Чепелевская Т.

Славяноведение, № 6

«"Низшая" мифология балканских славян»

С 3 по 6 октября 1995 г. в Сербии состоялась международная научная конференция, посвященная проблемам и результатам исследования славянской мифологии, а именно так называемой низшей мифологии, под которой подразумевается область верований, относящихся к различным демонологическим персонажам. Конференция была организована Институтом балканистики Сербской АН в рамках заседаний Научного общества по изучению славянской мифологии и фольклора при участии общины Сокобана и общины Заечар. Организатором конференции был председатель научного общества профессор Л. Раденкович. В конференции приняли участие ученые из Сербии, Болгарии, Македонии и России. Собрание многих крупных ученых из разных стран стало важным событием в культурной жизни страны и городов, где проходили заседания, о чем свидетельствовали теле- и радиорепортажи сербских журналистов.

На открытии конференции, происходившем в зале для торжественных заседаний Академии наук (Белград), с приветственной речью выступили вице-президент Сербской АН академик Д. Срейнович и директор Института балканистики член-корреспондент Академии наук Н. Тасич.

Первый доклад на тему "Делится ли славянская мифология на высшую и низшую?" сделал академик Н.И. Толстой (Москва). Докладчик проследил за историей фиксации архаических взглядов славян на мир божественных и демонических персонажей, выразив, однако, сомнение в целесообразности разделения славянской мифологии на "высшую" и "низшую". Профессор Белградского университета Н. Милоевич-Джорджевич в докладе "Мифологические существа в демонологических преданиях" остановилась на вопросе изучения различных демонологических персонажей по данным фольклорных текстов, прежде всего быличек. Их текстуальный анализ

показал, что актуализация особенностей мифического существа происходит в момент встречи демона с человеком. Директор Института этнографии в Софии профессор *Р. Попов*, выступая с докладом "Демоническое в природе некоторых христианских святых", выделил определенный круг болгарских представлений о демоническом мире св. Тодора, св. Анастасия, св. Атанаса и св. Петки. На основании приведенных примеров *Р. Попов* сделал вывод о продолжительном процессе адаптации и симбиозе архаических верований и христианских взглядов на святых. Доклад *А. Радич* из Белграда "Сходные с вампиром существа" был посвящен выявлению одного из типов демонологических существ, вампира, на основании ряда типологических признаков, таких как происхождение и функция, защита от демона и способы его уничтожения, пространственно-временные характеристики. Докладчица показала, что демонические существа, удовлетворяющие заданным характеристикам, но имеющие в то же время особые черты, могут рассматриваться как "сродные вампиру". Профессор *Л. Раденкович* сделал доклад "Общий взгляд на мифологические существа балканских славян", в котором сообщил о своих результатах исследования мифологических персонажей балканских славян с учетом установленных критериев подхода к языковому (названия персонажей) и фольклорно-этнографическому материалу. В докладе была также предложена схема описания конкретных демонологических персонажей и их типов. Первый день заседания завершился плодотворной дискуссией, в ходе которой уточнялась методология изучения славянских мифологических персонажей, содержание понятия "низшая мифология", география распространения болгарских демонологических представлений о святых и многие другие вопросы.

Продолжение конференции (4–5 октября) проходило в местечке Сокобана (восточная Сербия), где с приветственной речью к участникам конференции обратился председатель общины Сокобана *Б. Маркович*. На утреннем заседании с докладом "Марен" выступил академик *П. Ивич* (Белград). Анализируя этимологию и этнокультурный контекст лексемы *марен*, которая известна в восточносербских, западноболгарских и северо-восточных македонских проклятиях, докладчик связал ее с названием старославянского демонологического персонажа **marā*, оспаривая при этом возможность греческого заимствования в значении 'судьба'. Профессор *Д. Антониевич* (Белград) в докладе "Демонические существа балканских скотоводов" остановился на типичных для саракачанских и влашских этнических групп Греции и Македонии образах демонов, определив их место, значение, специфику и влияние на психологию человека. *А. Гура* (Москва) сделал доклад на тему "Животные и демонологические персонажи в системе мифологических представлений", в котором

сложное соотношение между животными и демонологическими персонажами проиллюстрировал примером, когда те и другие выступают в общей роли домашнего покровителя. В этих случаях животные выступают не самостоятельно, а лишь как облик или ипостась другого персонажа – демонологического (домового). В связи с последним докладом этой части заседания широко обсуждался вопрос о принадлежности того или иного реального животного, понимаемого как мифическое существо, к демонологическим персонажам. Далее были заслушаны доклады *Т. и В. Зайковских* (Киев) "Образ дьявола у греков-пантийцев Кавказа и балканский культ волка", *В. Зайковского* "Индоевропейский культ свиньи/кабана и его реликты на Балканах и у восточных славян" и доклад *А. Ломы* (Белград) "Некоторые сербские параллели к восточнославянскому Вию", который вызвал оживленную дискуссию о методологических принципах подхода к литературным персонажам, наличие которых в народных верованиях имеет лишь косвенные подтверждения.

На вечернем заседании выступила *Л. Виноградова* (Москва) с докладом "Календарная приуроченность появления и исчезновения нечистой силы", где проследила зависимость поведения демонов (их появления, исчезновения, активизации, контактов с человеком) от конкретных периодов, сезонов, годовых праздников. *С. Толстая* (Москва) в докладе "Календарные демоны", заметив, что мифологические свойства могут приписываться любым объектам и явлениям окружающего мира, сконцентрировала внимание на мифологизации и демонологизации календарного времени, процессе, который накладывает отпечаток на появление демонологических свойств у христианских святых. *З. Каранович* (Нови Сад) в докладе "Некоторые аспекты пространственной характеристики вилы в устной традиции балканских славян" на основе анализа места появления вилы (лес, озеро, гора) по данным фольклорных текстов сделала вывод о том, что вила принадлежит к демонам вегетации и плодovitости. Исходной точкой доклада "Теоцентричность анимизма" *Б. Йовановича* (Белград) стало убеждение в том, что категорию "низших" мифологических персонажей следует рассматривать в контексте элементарных видов религиозного сознания, а именно – анимизма как примарного религиозного субстрата, представляющего собой "живую реальность", в которой обновляются старые и формируются новые мифологические представления. *А. Плотникова* (Москва) прочитала доклад "Демонологические ипостаси ветра в представлениях южных славян", где рассмотрела различные аспекты представлений о ветре как проявлениях демонической силы, показав их ареологическую локализацию в пределах территории южных славян и связь с аналогичными карпатскими и полесскими верованиями. *Б. Сики-*

мич (Белград) посвятила свой доклад "Бели Русман" структурному анализу некоторых южнославянских текстов детского фольклора, что позволило ей выделить в них "позицию" (минимальный след) демонического противника, которого "изгоняют" "в море", "в горы", "за поле", чтобы избежать дождя и непогоды.

Утреннее заседание третьего дня конференции открыла *Т. Агапкина* (Москва) докладом "Демонологический аспект славянских поверий о деревьях". Анализ связи народной демонологии со славянскими дендрологическими представлениями показал, что особенности мифологических представлений о деревьях обусловлены некоторыми общими для славянских верований закономерностями и стереотипами восприятия окружающего мира. *Е. Левкиевская* (Москва) в докладе "Славянские домашние демоны: проблема типологии и идентификации" на основе выделения набора релевантных признаков мифологического персонажа сделала попытку определить основные типы славянских мифологических персонажей, связанных с домом. *А.-Э. Груич* (Белград) выступила с докладом "Демоны в свадебном ритуале", показав особенности проявления демонических сил, как и специфику оберегов от них, в сербской и македонской свадебной обрядности. *М. Беновска-Събкова* (София) в докладе "Русалки и самодивы в болгарском фольклоре" опровергла бытовавшее до начала 1990-х годов убеждение в том, что образ русалки чужд болгарской традиции. Докладчица доказала, что, с одной стороны, мифологические характеристики русалки, известной в верованиях северо-восточной Болгарии, в значительной степени совпадают с особенностями одноименного персонажа восточнославянской традиции, а с другой стороны, очевидно сходство между русалкой и южнославянской самодивой (самовилой). *Р. Иванова* (София) прочитала доклад "Эпический герой и его мифический противник", посвященный исследованию образа основного в южнославянской эпической традиции героя – Марка Краевича. Ею была выдвинута идея о том, что в битве с мифическим противником (демоном) Марко Краевич сам предстает как демоническое существо, подтверждения чему можно обнаружить и при лингвистическом анализе имени *Марко М. Детелич* (Белград) в докладе "Место встречи человеческого и потустороннего мира в сербском десятистопном эпосе" выделила шесть локусов внутреннего и внешнего пространства (дом, церковь, лес, вода, дорога, поле), где происходит

"эпическое событие", т.е. встреча человека со сверхъестественным существом или высшей силой. В докладе "Временные и пространственные измерения в демонологии" *Е. Мицева* (София) рассмотрела три группы демонов, определенные ею как вампир, караконджол и таласъм (дух-хранитель), в аспекте временных и пространственных характеристик. *А. Георгиева* выступила с докладом "Демонологические персонажи и легендарные предания". В дискуссии этого дня заседаний обсуждались вопросы, связанные с прочитанными докладами: например, подходы к классификации домашних демонов, связь имени эпического героя *Марко* с мифологическими персонажами, статус демонов в свадебной обрядности и др.

6 октября в Заечаре состоялось заключительное заседание конференции. Участников приветствовал председатель общины Заечар *Н. Симеонович*, затем было прочитано три доклада. *Л. Миков* (София) в докладе "Изображение змеи в болгарском народном искусстве и искусстве Возрождения" рассмотрел пластические украшения в виде змеи на обрядовом хлебе, в текстильных орнаментах, резьбе по дереву, металлопластике и каменных рельефах, сопроводив исследование описанием значений употребления данного образа в болгарской традиции. *И. Тодорова-Пиргова* (София) прочитала доклад на тему "Мир демонов в слове и образе", обратившись к социально-психологической подоплеке бытования рассказов о "личных" встречах с демонами. *Н. Чаусидис* (Скопье) доклад "Змей, нежить, вила – от демона к божеству и наоборот" посвятил исследованию тех археологических и лингвистических фактов, которые свидетельствуют о "взаимопроникновении" демона и божества с точки зрения их функций, внешнего облика и т.д. Докладчик учитывал при этом и структуру некоторых мифов, специфику отдельных фольклорных текстов. В дискуссии по данному докладу обсуждался вопрос о библейской основе славянской демонологии.

С заключительным словом обратился к участникам конференции профессор *Л. Раденкович*. Он подвел итоги работы, выразив убеждение, что конференция была исключительно полезной для исследователей славянской "низшей" демонологии и мифологии в целом. Результаты работы, по мнению Л. Раденковича, следует сделать доступными для широкого круга ученых, издав сборник статей по прочитанным докладам.

© 1996 г. *Плотникова А.А.*

Славянская идея в портретах ее идеологов и интерпретаторов

Под таким названием 28 мая 1996 г. в Институте славяноведения и балканистики РАН состоялся "круглый стол" в рамках Дней славянской письменности и культуры. Это уже четвертая конференция по проблемам славянской идеологии. Идейным вдохновителем данных конференций был покойный профессор В.А. Дьяков.

Если предметом рассмотрения предыдущих конференций были проявления славянской идеологии внутри общественно-политических движений и течений славянских стран на различных славянских съездах, то теперь славянская идея анализировалась через призму мировоззрения отдельных личностей – ее главных идеологов и интерпретаторов – как в России, так и в славянских странах. Всего было прочитано 19 докладов.

С вводным словом о значении проблематики конференции выступил ее ведущий канд. ист. наук *М.А. Робинсон* (ИСБ РАН). Доклад д-ра ист. наук *И.И. Лециловской* (ИСБ РАН) был посвящен Захарии Орфелену, сербскому ученому и общественно-культурному деятелю XVIII в., в мировоззрении и практической деятельности которого славянская тема еще не была достаточно выражена и проявлялась в его интересе к проблеме происхождения славян и интересе к русской культуре.

В докладе канд. филол. наук *В.В. Усачевой* (ИСБ РАН) о "русской тройке" в Галиции рассматривалась практическая деятельность М. Шашкевича, И. Вагилевича, Я. Головацкого по воплощению романтических идеалов славянской взаимности Я. Коллара, опиравшаяся во многом на труды их предшественников (так называемой "перемышльской группы").

Канд. ист. наук *О.В. Павленко* (РГУ) в докладе о чешском публицисте и общественно-политическом деятеле К. Гавличке-Боровском проследила эволюцию его взглядов по славянскому вопросу от ревнителя славянской идеи и поклонника славянофилов до превращения в идеолога чешской национальной идеи, разрабатывающего различные проекты славянской федерации, вплоть до австрофедерализма.

Д-р филол. наук *Л.Н. Смирнов* (ИСБ РАН) посвятил свой доклад мировоззрению словацкого культурного и общественного деятеля Яна Паларика, развивавшего колларовские идеи славянской взаимности в условиях политической реакции в Австрийской империи 50-х годов XIX в. в сторону все большей их национальной идентификации.

В докладе д-ра ист. наук *С.М. Фалькович* (ИСБ РАН) говорилось о польском политическом деятеле, экономисте Г. Катеньском (1813–1865), который в рамках своего умеренно-демократического мировоззрения разрабатывал проекты союза Польши с Украиной и другими славянскими землями, развивал идеи "цивилизационной миссии" поляков по отношению к России.

О славянской идее в мировоззрении черногорского владыки Петра Негоша шла речь в докладе канд. ист. наук *Ю.П. Анишкова* (Саратовский пединститут) и *Н.И. Хитровой* (ИРИ РАН). В докладе д-ра ист. наук *И.В. Чуркиной* (ИСБ РАН) рассматривалась славянская направленность деятельности словенского общественно-политического деятеля Матии Маяра. Как идеолог и практик концепции объединенного сербского народа характеризовался сербский политический деятель Илия Гарашанин в докладе канд. ист. наук *А.В. Карасева* (ИСБ РАН).

Разные аспекты славянской идеологии в мировоззрении и практической деятельности политиков, ученых, публицистов второй половины XIX – начала XX в. рассматривались в докладах канд. ист. наук *А.Л. Шемякина* (ИСБ РАН) (о сербском радикале Николе Пашиче), канд. ист. наук *Г.В. Рокиной* (Пединститут, Йошкар-Ола) (о панславизме в творчестве русина А. Добрянского), канд. ист. наук *Е.Ф. Фирсова* (МГУ) (о панславистских тенденциях в деятельности в России хорвата К. Геруца).

В остальных докладах анализировались разные аспекты славянской идеологии в мировоззрении российских ученых и общественно-политических деятелей как преимущественно славянофильской и панславистской ориентации: А.Ф. Гильфердинга (д-р ист. наук *Л.П. Лаптева*, МГУ), Н.А. Попова (канд. ист. наук *И.Г. Воробьева*, Тверской ГУ), А.А. Киреева (д-р ист. наук *В.М. Хевролина*, ИРИ РАН), В.И. Ламанского (канд. ист. наук *М.А. Робинсона*, ИСБ РАН); так и либерально-демократической ориентации: А.Н. Пыпина (канд. ист. наук *Е.П. Аксенова*, ИСБ РАН).

Несколько неожиданно тема славянского единства и сотрудничества применительно к творчеству известного русского естествоиспытателя, академика В.И. Вернадского была поднята в докладе канд. ист. наук *А.Н. Горяинова*, рассмотревшего его размышления по славянскому вопросу.

Наконец, канд. ист. наук *М.Ю. Досталь* (ИСБ РАН) коснулась в своем докладе темы интерпретации славянской идеи в среде российской эмигра-

ции в межвоенной Чехословакии на примере публикации Е.Ю. Перфецкого, известного ученого-карпатоледа.

В дискуссии обсуждались проблемы интерпретации понятия "панславизм", "украинофильство" и др. Ответственный секретарь международного общества "Славяне" Ю.Т. Дрожжин призвал участников конференции продолжать изучение вопросов славянской идеологии, приобретенных в настоящее время особую актуальность. По его словам, наше общество нуждается в работах, объективно и научно взвешенно освещающих

разные аспекты развития славянской идеи. Для этого необходимо издание сборников статей, хрестоматий, монографий, организация выставок и пр.

По материалам данной конференции (как и предыдущих) предполагается подготовить сборник статей. Предметом рассмотрения следующих конференций может стать тема интерпретации славянской идеи в периодических изданиях XIX–XX вв. и ее воплощение в деятельности различных славянских организаций и обществ.

© 1996 г. Досталя М.Ю.

Славяноведение, № 6

Конференция "Автопортрет славянина"

28–29 мая 1996 г. в рамках Дней славянской письменности и культуры в Институте славяноведения и балканистики РАН прошла международная конференция "Автопортрет славянина", организованная отделом истории культуры. В ней приняли участие ученые России, Украины, Чехии, Венгрии. Было заслушано 25 докладов.

Открывая научное заседание, Л.А. Софронова отметила, что конференция продолжает и развивает проблематику предыдущих научных конференций Отдела: "Человек в контексте культуры" (1990 г.) и "Миф в культуре: человек – нечеловек" (1994). Основной целью нынешней конференции призвана стать реконструкция представлений славянских народов о самих себе, или их "автопортретов". Эти представления, по форме самоописания или самоистолкования, присутствуют в различных текстах: в народной славянской мифологии (прежде всего в этиологическом мифе), в мифологии национальной; в литературе и искусстве разных историко-культурных эпох, в философских построениях и текстах официальной пропаганды, в бытовых анекдотах и т.д. Вычленение из этих текстов культуры представлений человека о самом себе, как носителя национального начала, представителе определенного этноса, оказывается чрезвычайно важным для исследователя.

Докладом, придавшим тематике конференции проблемную глубину, стал доклад Г.Д. Гачева (ИСБ) "Ипостаси болгарина: Алеко и Бай Ганю, или: как портрет убил художника". В нем затрагивалась тема механизма процесса самопознания, в котором наиболее действенным, по мнению ученого, оказывался принцип противопоставления, основанный на действии оппозиции "свой – чужой". Этот принцип был использован Г.Д. Гачевым на болгарском материале и, в частности, при анализе творчества Алеко Константинова. Центральный персонаж его произведений, Бай Ганю, оказывается не только "результатом наружных наблю-

дений писателя над типами эпохи", но извлечен из глубин души автора как "свое другое". Проводя сравнение этих двух образов: классического образа болгарина в лице Бай Ганю и самого А. Константинова, ставшего в глазах современников образом-мифом, – ученый последовательно проводит мысль о том, что взаимно дополняя друг друга, они образуют некий тандем, позволяющий представить широкий спектр характерных черт болгарина.

В докладе Л.А. Софроновой (ИСБ) "Автопортрет славянина" на материале "Лекций по славянской литературе" и других произведений А.Мицкевича, где он выступал и как историк, и как поэт, были прослежены его воззрения на славян, выявлены особенности романтического подхода к ранней славянской истории. В выступлении была не только проанализирована предложенная автором "Лекций" этимология этнонима "славяне", но и сделана попытка выявить собирательный антропологический и психологический портреты славян с учетом значительных материалов по славянской этнографии и истории, принципов расселения народов и созданных ими идеологических мифов. Мифологическая история славянства в духе романтизма, созданная А.Мицкевичем, становится, по убеждению автора выступления, основой для формирования идеального портрета поляка, который строится на основе оппозиции "свой – чужой": поляки – русские, поляки – литовцы, поляки – татары и т.д.

О двух тенденциях в истории культуры, связанных с процессом самопознания и самоосознания, а именно: противопоставлении и отождествлении образа идеалу на примере идеализации образа русского по античным канонам – говорила в своем выступлении "Росс римлянином" И.И. Свирида (ИСБ). По ее мнению, в разные эпохи соотношение этих тенденций складывалось по-разному. И если в одни эпохи критическая струя в

самоописании превалирует, то в другие доминирует завышенная самооценка.

Некоторые особенности архаического литературного творчества, а именно "подразумеваемость и неопределенность качеств", на примере описаний внешности человека в древнерусской летописи начала XII в. были рассмотрены в докладе *А.С. Демина* (ИМЛИ). В качестве основы творчества летописца выделялось то, что в летописных характеристиках он гораздо больше подразумевал, чем прямо сообщал. С другой стороны, летописец, по мнению докладчика, не имел специальной "философии внешности", поэтому четкой границы между внешним и внутренним не проводилось, а иногда упоминание внешности оказывалось в действительности обозначением черты характера летописного героя.

Доклад *Л.А. Тульцевой* (Институт этнологии и антропологии РАН) "Ритуальная грамотность как основа личностной характеристики русского крестьянина" обозначил не только социально-культурный аспект самой категории "ритуальная грамотность", а именно ее функцию своеобразной копилки духовных ресурсов крестьянского социума, но и важность ритуалов и обрядов, сохранение которых способствовало сложению этнической духовности.

Большой блок докладов был посвящен "русской" теме. Доклад *Ю.И. Ритчика* (ИСБ) «Физиономия русского в "Хрестоматии для взрослых" К. Скальковского (1904 г.)» представил собранные в тематические блоки высказывания русских о самих себе: о русской душе и характере, о стране и народе, правительстве и славянском вопросе, просвещении и науке и т.д. Перебрасывая мостик от рубежа XIX–XX вв. к настоящему времени, автор выступления добавляет "новые старые штрихи к русскому портрету", используя высказывания наших современников, известных деятелей науки и культуры. Доклад *Л.Немети* (Будапешт) "Забавно и больно" посвящен анализу II тома "Мертвых душ" Н.В. Гоголя, текст которого позволяет, по мнению ученого, выделить несколько ярких разнервнутых портретов русского национального характера. О месте в истории русской культуры Гр. С. Петрова, известного на рубеже XIX–XX вв. проповедника и публициста, говорила в своем докладе "Русские о русских" *Н.М. Куренная* (ИСБ). В своих трудах он отводил много внимания реконструкции историко-психологического образа русского человека, проблеме славянства и характеристике сходств и различий русских с другими славянскими и неславянскими народами: сербами, болгарами, китайцами, немцами, французами и т.д. При этом важно, что портрет русского характера у Петрова развивается, постепенно приобретая новые черты. Так, в работах 1910-х годов отдельные характеристики становятся подчеркнута жесткими с преобладанием черно-серых тонов, что, по мнению

ученого, свидетельствует о стремлении Петрова инициировать процесс национального самосознания.

К этому блоку докладов примыкают выступления, в которых тема конференции получила развитие на материале искусства разных историко-культурных эпох. В докладе *Е.Б. Громовой* (ИСБ) "Росписи на исторические темы в здании Исторического музея Москвы" на примере работ художников рубежа XIX–XX вв. (В. Серова, В. Васнецова и др.) предпринята попытка выявить основные аспекты становления русского национального стиля. Доклад *Т.В. Юденковой* (Институт искусствознания) "Духовный автопортрет русского общества в русской живописи 70-х – 80-х годов XIX в." затронул не только проблему особенностей художественной культуры XIX в. как культуры "высокого напряжения", за которой прочно укрепилось понятие "самоговорящей", самосознующей культуры, но и обозначил некоторые вопросы художественного самосознания в основном на материале ключевых картин русской живописи второй половины века ("Христос в пустыне" И.Н. Крамского, "Не ждали" И.Е. Репина, "Что есть истина?" Н.Н. Ге), избранных автором не по формально-стилевому признаку, а по духовно-нравственной ориентации. О том, как в границах национальных культур (прежде всего русской) реализуются общеевропейские тенденции развития костюма и как соединение национальной и общеевропейской традиций в одежде и бытовом поведении воспринималось европейцем и человеком русской культуры в XVIII–XIX вв., шла речь в докладе *Р.М. Кирсановой* (Институт искусствознания) "Костюм как средство национальной идентификации".

Доклад *Л.И. Тананаевой* (Институт искусствознания) "Сармат и смерть. К семантике надгробного портрета" был посвящен месту сарматского портрета как автопортрета поляка эпохи сарматизма, в истории культуры. Из всего комплекса подобных произведений автор выделяет уникальные, не имеющие аналогов в европейском искусстве надгробные портреты, получившие широкое распространение в XVII–XVIII вв. Сравнение со светским сарматским портретом той эпохи позволило докладчице выделить специфические особенности надгробного портрета. Возникший в самой сердцевине сакрального действия и ограниченный условиями церковного ритуала, он оказался более свободным в передаче живого характера, более демократичным и психологическим, лишенным тех черт идеализации, которые были свойственны светскому сарматскому портрету. Польскую тему на материале живописи продолжила *О.В. Турбаевская* (Институт искусствознания). На примере эволюции автопортретов Ст. Выспянского 1901–1907-х годов она рассмотрела эволюцию характерных черт личности и психологического состояния польского интелли-

гента рубежа XIX–XX вв. от лирически-созерцательного к трагически-индивидуальному.

Доклад *Л.Е. Горизонтова* (ИСБ) «Вопрос о национальной природе "разрушительных начал" в русско-польской полемике XIX в.» касался анализа сложившихся представлений в русской и польской общественной мысли об источнике и носителе революции в Российской империи в период после восстания 1830 г. Эти представления, обусловленные национальной традицией и различными мировоззренческими системами, легли, по мнению автора, в основу национальных стереотипов, в том числе автостереотипов, определили специфику межнациональных отношений в рамках одного государства и оказали воздействие на формирование европейской общественной мысли о России. Попытка типологического сравнения национальной политики многонациональных империй России и Австро-Венгрии была предпринята в докладе *Е.Н. Масленниковой* (ИСБ) "Российские оценки положения славян в Австро-Венгрии". Оценив национальную политику России как флективную, а политику Австро-Венгрии как агглютинативную, автор основное внимание сосредоточила на отражении проблемы положения славян на территории Австро-Венгрии в работах К.Я. Грота, Е. Витте, а также в русской периодической печати. Жесткую позицию авторов публикаций докладчица склонна рассматривать как отражение процесса развития национального самосознания.

На конференции была широко представлена также чешская и словацкая проблематика. В выступлении *Л.Н. Тумовой* (ИСБ) "Ян Коллар о славянах" на материале произведений знаменитого словака последовательно выявлены основные черты созданного им идеального образа славянина, а также подчеркнута огромная значимость его работ не только для изучения движения славянской взаимности, но и для исследования проблемы "автопортрета" славянина. В центре доклада *Я. Панека* (Прага) "Автопортрет чешского дворянина на пороге Нового времени (Ян Заиц из Газмбурка между сарматизмом и Западной Европой)" – анализ сочинений чешского аристократа первой половины XVI в., которые дают представления о самосознании той части чешской шляхты, которая "колебалась между средневековыми рыцарскими идеалами и маньеристическим крушением принципов, между предреформационным католицизмом и его барочной инновацией". Все это, по мнению ученого, определяет портрет чешского дворянина на рубеже Средневековья и Нового времени, сочетающего специфику восточноевропейской дворянской ментальности с элементами западноевропейского сознания. Комплекс проблем, также связанных с национальной чешской аутоидентификацией, с представлениями о специфике чешского характера, его основных чертах, общественно-исторических и религиозных идеалах нашел отражение в докладе *Г.П.*

Мельникова (ИСБ) "Представления о национальных особенностях у поздних чешских гуманистов". Анализ сочинений Даниэля Адама из Валеславина, Сикста из Оттердорфа, Яна Кампануса позволил автору создать весьма четкое представление о "комплексе чешскости", связанном со спецификой патриотического сознания конца XVI в., о реальном состоянии и нормативном идеале носителей этого сознания.

"Болгарская" тема, помимо выступления *Г.Д. Гачева*, получила развитие в докладах *В.И. Злыднева* и *В.В. Николаенко*. *В.И. Злыднев* (ИСБ), обратившись к теме "Портрет болгарина-славянина в восприятии И.Вазова", на материале произведений болгарского писателя 1870-х – 1880-х годов предпринял попытку реконструировать созданный писателем национальный портрет болгарина и выделить новые черты национального характера, проявившиеся в то время, когда "наряду с родовым и патриархальным все сильнее начинает проявляться патриотическое сознание". *В.В. Николаенко* (ИСБ) сосредоточил свое внимание на анализе вышедшей в 1918 г. "Книги за болгарите" А. Страширова, которая сочетает в себе агитационный памфлет, этнографический очерк и попытку национальной автохарактеристики.

Роль "низовой", народной культуры, как выразительницы формирующегося национального самосознания и как особой формы самоописания у так называемых "малых" славянских народов была рассмотрена в докладе *А.А. Гугнина* (ИСБ), посвященном сравнительному анализу деятельности крупнейших деятелей серболужицкого национального возрождения: Г. Зейлера, Я.А. Смолера и Я.П. Йордана. В выступлении *Т.И. Ченелевской* (ИСБ) «Творчество словенских "буквоников": представления о мире и о себе» на конкретном анализе текстов словенских народных сказителей была предпринята попытка выявления доминант национального характера. При этом отмечалось, что явное тематическое соприкосновение и пересечение двух пластов словенской культуры конца XVIII – первой половины XIX в. (высокой и "низовой") дает исследователю богатый материал для серьезного обобщения многообразных форм самоописания в процессе самопознания.

Тему судьбы культуры "малых" народов и, в частности, новых тенденций в развитии литературы и театра у народов бывшей Югославии в 1990-е годы затронула в своем выступлении *Н.М. Ваганова* (Институт искусствознания). Охарактеризовав разнонаправленные тенденции в культурном процессе последних лет, она сосредоточила основное внимание на особенностях развития современной исторической драмы, испытывающей сильное воздействие сиюминутной политической ситуации, а также на творчестве *М. Паича*, в центре многих произведений которого

оказываются вопросы самоидентификации славянских народов в сложные периоды истории.

В докладе профессора *В.Ю. Царева* (МАДИ) "Самовыражение в пору смут" была предпринята попытка проанализировать события современной российской истории и рассмотреть вопрос о том, как "смутное" время оказывает влияние на душу народа. При этом в центре внимания ученого оказалось явление самозванства (как типичное для "смутных" периодов истории) с характерным для него изменением личной биографии, сменой ценностей и ориентиров, ведущих к потере самостождественности, и подчеркнутой тягой к узурпаторству.

Доклад епископа Харьковского и Полтавского *о. Игоря* (Харьков) «Религия старожитна» в системе парадигм барочного самосознания украинца» поднял важную проблему о механизме формирования национального автопортрета, отдельных периодах этого сложного и длительного, по мнению автора, процесса. С учетом ситуации на Украине одним из важнейших его составляющих исследователь определяет бытование мифа о "религии старожитной", который претерпевает различные воздействия на протяжении длительного периода вплоть до настоящего времени. При этом, начиная с XVII в., «верность "религии старожитной"» входит важным ферментом в шляхетский этос, выступая в геральдической и панегирической поэзии одним из важнейших знаков в модели идеального героя», отражается в исторической песенной поэзии, "казацких летописях", как константа самоописания в казачьей субкультуре. В последнее время, подчеркнул автор, процесс реактивации мифа "религии старожитной" (особенно в Галиции) свидетельствует о его сохранении в коде национальной памяти.

В докладе *М.В. Соколовой* (ИСБ) "Некоторые штрихи антропологического портрета украинцев" с учетом материалов научных исследований рубежа XIX–XX вв. и работ по данной проблематике последних лет (как украинских, так и русских ученых) делается попытка, исключив все поли-

тические акценты, рассмотреть вопрос о возможности существования нескольких антропологических типов на территории современной Украины уже в древнейший период истории (начиная с неолита). Украинскую тему на материале полемических антикатолических произведений рубежа XVI–XVII вв. продолжила *М.В. Лескинен* (ИСБ), доклад которой "Образ инока в творчестве украинских полемистов" представил творчество И. Вышенского как интересный источник образа жизни, менталитета и самосознания православного монашества того времени. Воспринимая православного монаха как выразителя истинной праведности, автор полемических сочинений рисует не только идеальный, но и реальный образ, выстраивая его по принципу обратной пропорции, на противопоставлении внутреннего и внешнего.

Конференция показала большой научный интерес к теме реконструкции национальных славянских "автопортретов". Практически всеми участниками дискуссии было поддержано мнение о том, что настоящая встреча определила лишь первоначальные подходы к предложенной проблематике, дальнейшее обсуждение и изучение которой может пойти в разных направлениях. В частности, было поддержано предложение в ближайшее время обсудить тему, связанную с изучением механизма формирования национальных стереотипов, обратиться к исследованию типологии развития "низовой" культуры у славянских народов Австро-Венгрии в XVIII–XIX вв., больше внимания уделить анализу экзистенциальных представлений о жизни и смерти у славянских народов и др.

Тема "Автопортрет славянина" получила финансовую поддержку Российского Государственного Научного Фонда за 1996 г., что позволяет надеяться на издание материалов конференции и проведение новых круглых столов в ближайшее время.

© 1996 г. *Чепелевская Т.И.*

Славяноведение, № 6

Первые шаги филологической информатики

С 24 по 28 июля 1995 г. в г. Благоевграде (Болгария) состоялась первая международная конференция "Компьютерная обработка средневековых славянских рукописей" ("Computer Processing of Medieval Slavic Manuscripts").

Организаторами конференции выступили Институт литературы и Институт математики Бол-

гарской Академии наук, Питтсбургский университет (США), Славяно-Византийский центр Софийского университета и Американский университет в Болгарии (Благоевград). Финансировали проведение конференции фонды International Research and Exchanges Board (IREX), American Council of Learned Societies (ACLS), Open Society Fund, DEC/MOBIS-Bulgaria.

Конференция стала одним из первых славистических симпозиумов, посвященных применению новейших компьютерных технологий в филологических исследованиях, в частности при изучении средневековых славянских текстов.

В работе форума приняли участие более 60 ученых из 14 стран, одной из самых многочисленных делегаций (после болгарской) была делегация из России – девять человек (приезд на конференцию ученых из РАН состоялся благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда). В работе конференции также участвовали слависты из Македонии, Германии, Словении, США, Нидерландов, Италии, Англии, Канады и ряда других стран.

Программа конференции оказалась очень насыщенной. Организаторы предоставили участникам возможность прослушать все доклады, сгруппировав их в десяти секциях, работавших поочередно.

Конференция открылась приветственными выступлениями. Затем начала свою работу, секция, посвященная общим проблемам использования компьютерных технологий для изучения славянских рукописей.

Первым был заслушан доклад одного из организаторов конференции Д. Бирнбаума (США, Питтсбург), в котором рассматривались общие вопросы и перспективы применения филологами-славистами компьютеров. Затем с докладом "Библия и компьютер: Краткая история за последние десять лет" выступил ученый из Германии В. Бадер (Тюбинген). Проблеме использования компьютерных технологий для изучения болгарских текстов был посвящен доклад Е. Паскалевой (Болгария, София).

Во второй день конференции – 25 июля – работали три секции: проблем кодирования; текстовых процессов; проблем сравнения текстов.

Д. Бирнбаум в своем выступлении остановился на вопросе стандартизации описания славянских рукописей. За основу им был взят стандарт SGML (Standart Generalized Markup Language), разработка которого была осуществлена группой специалистов в так называемой TEI (Text Encoding Initiative), предложивших множество маркеров для различных текстов. О создании фонда письменных источников русского языка XI–XII вв. в Институте русского языка РАН рассказал А. Молдован (Москва), который отметил, что "работа по русским текстам и спискам должна быть интегрирована в общую международную программу переноса славянских рукописных текстов на машинные носители" и "в итоге должна быть создана единая информационная база для исторических и историко-филологических исследований". С докладом о проблемах транскрипции и издания старославянских рукописей выступил известный ученый В. Федер (Нидерланды, Амстердам). В тот же день были заслушаны доклады по вопросам кодирования рукописей для их ввода в компьютер и сравнительного анализа текстов с помощью электронного инструментария.

После обсуждения докладов состоялась демонстрация разработки ученых Тюбингенского университета TUSTER (Tuebingen System of Text Proces-

sing Programs), которую представил В. Бадер. Эта система позволяет вести комплексную обработку текстовых документов, включая их ввод, в том числе и с помощью систем оптического распознавания. Интересно, что работа над проектом ведется в Тюбингене уже почти 30 лет (с 1966 г.).

Третий день конференции – 26 июля – был отведен обсуждению вопросов создания шрифтов для обработки славянских рукописей на компьютере. С докладом о работе над проектом "Компьютерные методы в изучении средневековых славянских рукописей" выступила одна из основных организаторов-устроителей конференции А. Милтенова (Болгария, София). В этом проекте для описания рукописей используется компьютерная система каталогизации на основе вышеупомянутого стандарта SGML.

После окончания работы секций состоялось представление международного проекта TEI для подготовки машиночитаемых текстов.

В четвертый день работы конференции – 27 июля – рассматривались проблемы создания и использования баз данных, применения мультимедиа-технологий. Так З. Рибаровой (Македония, Скопье), К. Рибаровым (Чехия, Прага) в докладе "Компьютерная обработка старославянских рукописей: Результаты и перспективы" была представлена интересная программная разработка STINO v.2+. Большой интерес у слушателей также вызвал доклад М. Камуглия (Италия, Пиза) "Псалтырь: От устной традиции до информационной единицы", а затем демонстрация разработанного программного продукта DBT (Data Base Textual). В тот же день состоялся доклад Ю. Лабынцева (Москва), посвященный проблемам изучения православной книжности Польши с помощью новейших информационных технологий. В заключение им была высказана идея о необходимости использования телекоммуникационных сетей для объединения филологов разных стран, активно применяющих новейшие информационные технологии; возможном создании соответствующей международной ассоциации; организации тематических телеконференций в Internet. Докладчик поднял вопрос и о весьма слабом пока обмене соответствующей информацией между учеными-гуманитариями, из-за чего в некоторых научных центрах ряда стран не знали о готовящейся конференции. В качестве примера выступавший привел украинских славистов из Института рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского Национальной Академии наук Украины, давно и успешно использующих компьютерные технологии в своей работе, кратко рассказал о киевской школе кодикологии и кодикографии, вышедшей недавно монографии Л. Дубровиной, посвященной этим вопросам. Иллюстрацией слабой информированности ученых-гуманитариев о работе их коллег в области использования электронных технологий стала и реплика В. Федер, высказавшего сомнение в наличии в Центральной научной библиотеке Национальной Академии наук Украины компьютеров. Проблемам компьютерного моделирования на основе разработки банка данных международной славяноведческой программы "История книжной культуры Подляшья", одной

из составных частей которого является база данных по рукописным источникам, было посвящено выступление Л. Шавинской (Москва). В докладе также затрагивались чрезвычайно актуальные сейчас вопросы использования систем оптического распознавания (OCR) для обработки рукописей с помощью компьютера, использования исследователями возможностей международной сети Internet, было рассказано о практических результатах проведенных исследований, в том числе и с помощью OCR. В тот же день был заслушан еще ряд докладов по проблемам разработки и использования баз данных, а также рассказано о проекте "Святая София", представленном Е. Коцевой, Д. Петровым (Болгария, София), после доклада состоялась демонстрация CD-ROM "Святая София", созданного в рамках этого проекта.

Последний день работы конференции – 28 июля – был почти полностью посвящен вопросам применения источник-ориентированного программного пакета KIEIO, разработанного М. Таллером (Германия, Геттинген). С докладами по вопросам теоретического и практического применения источник-ориентированного подхода к изучению исторических источников выступили В. Тяжелникова (Москва), В. Тихонов (Москва), И. Юшин (Москва), Н. Романцова (Смоленск), А. Ангушева (София), М. Димитрова (София). После обсуждения докладов участников конференции пригласили в здание Американского университета в Благоевграде, где в компьютерном классе им была предоставлена возможность поработать на компьютерах, используя стандарт SGML для описания рукописей. Там же, в помещении Американского университета, состоялось официальное закрытие конференции, на котором с заключительным словом выступили представители государственных участников, подчеркнувших ее важное значение в

деле объединения усилий филологов различных стран, формирующих новое научное направление, пока не получившее определенного названия, и которое, по нашему мнению, логичнее было бы именовать филологической информатикой. Организаторы конференции высказали предложение о проведении второго подобного симпозиума предположительно через два года и сообщили о подготовке к печати сборника докладов первой конференции, который должен быть издан через несколько месяцев. Р. Клеминсон (Портсмут, Великобритания) предложил свои услуги в качестве электронного координатора для всех работающих в области использования новейших информационных технологий при обработке и изучении славянских рукописей и старопечатных книг, на адрес которого можно отправлять всевозможную информацию данной тематики (E-mail: cleminsonp@cv.port.ac.uk), после чего она будет предоставлена всем заинтересованным лицам по электронным каналам связи.

Подводя итоги первого подобного рода симпозиума, хочется прежде всего высказать благодарность его организаторам, взявшим на себя тяжелый и по сути пионерский труд по налаживанию связей между учеными многих стран, работающими в данной области. Пожалуй, главный вывод, который следует сделать в заключение, это то, что дальнейшая перспективная работа во всех сферах данного научного направления возможна лишь в теснейшем содружестве ученых-гуманитариев и высококвалифицированных специалистов по компьютерным технологиям, подтверждением чего служат некоторые наиболее удачные разработки, представленные на прошедшей конференции, например, система STINO.

© 1996 г. Шавинская Л.Л.

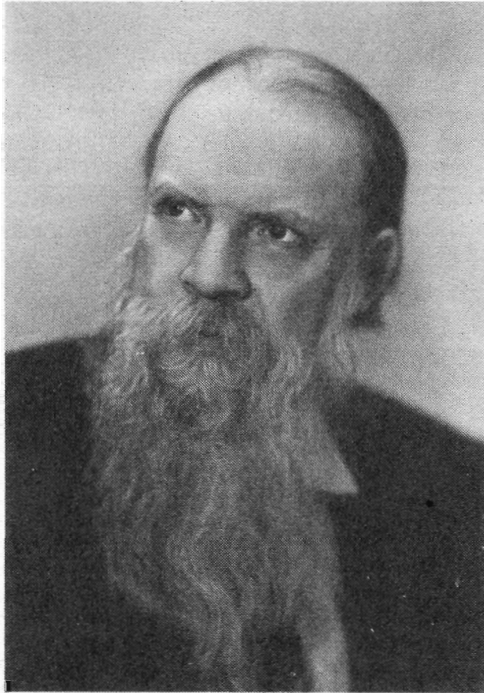
ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ К № 4 ЗА 1996 ГОД

На стр. 51

Малицова Эва

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

(Андрей Белый. "Петербург")

Памяти Н.И. ТОЛСТОГО

(1923–1996)

27 июня 1996 г. скончался академик Никита Ильич Толстой, известный ученый, филолог-славист, основатель московской этнолингвистической школы. Отечественная наука и мировая славистика понесли невосполнимую утрату, а люди, близко знавшие Никиту Ильича по совместной работе в Институте славяноведения и балканистики РАН, потеряли дорогого друга, человека большой души, признанного лидера и организатора науки.

Никита Ильич родился в 1923 г. в Сербии, где жила его семья в эмиграции. В Белграде он и закончил русскую гимназию. В годы Второй мировой войны Н.И. Толстой участвовал в сербском партизанском движении, а с 1944 г. после освобождения Югославии, воевал добровольцем в Красной Армии. После окончания войны он вслед за своими родителями возвратился на Родину.

Свой научный путь Никита Ильич начал как историк языка и диалектолог. Его труды в области сравнительной лексикологии и грамматики славянских языков, истории литературных языков и письменности славян очень скоро получили признание в отечественной и зарубежной славистике. Проблеме семасиологии и лексической типологии были посвящены монография "Славянская географическая терминология", докторская диссертация, большая серия статей "Из географии славянских слов". Широка и многосторонность научных интересов привели Никиту Ильича Толстого к изучению славянской традиционной культуры – и именно это стало делом всей его творческой жизни. С конца 60-х годов он разрабатывает теоретические основы

этнолингвистики – нового научного направления, которое базируется на принципах комплексного анализа явлений языка и духовной народной культуры – и при этом опирается на надежный фундамент полевых исследований. Собрав группу единомышленников и учеников, Никита Ильич организует и долгие годы сам возглавляет систематические экспедиции в Полесье, давшие в дальнейшем богатейший материал для реконструкции праславянской культуры. Из опыта комплексного изучения языка и культуры Полесья в общеславянской перспективе вырос замысел создания фундаментального многотомного труда "Славянские древности: Этнолингвистический словарь", первый том которого удалось издать в 1995 году под редакцией и при непосредственном участии руководителя проекта – Н.И. Толстого.

К числу многочисленных заслуг Никиты Ильича следует отнести не только его поразительную работоспособность и преданность науке, но и выдающиеся способности как ученого-педагога, умевшего увлечь коллег общей идеей, сплотить коллектив единомышленников, наладить конкретную работу, заняться подготовкой молодых ученых. Много лет, будучи профессором МГУ, он вел семинары по этнолингвистике, сравнительной лексикологии, читал курсы по славянской филологии и фольклору. Он не жалел своих сил и времени на обучение аспирантов в Институте славяноведения и балканистики РАН. Среди многочисленных его учеников 25 человек стали кандидатами наук, многие защитили докторские диссертации. Уже сама география присланных телеграмм соболезнования от учеников Никиты Ильича свидетельствует о его титанической педагогической деятельности: со словами скорби и соболезнования откликнулись люди из Москвы, С.-Петербурга, Владимира, Волгограда, Курска, Нижнего Новгорода, Тулы, Петрозаводска, из многих городов Украины, Белоруссии, из Грузии, Армении, Эстонии и других городов и стран.

Кончина Н.И. Толстого существенно ослабила позиции славистики и гуманитарной науки не только в исследовательской деятельности, но и в научно-организационной сфере. Он был членом многих специализированных Ученых Советов, членом Экспертного Совета ВАК, Председателем Российского Комитета славистов, Членом Президиума РАН, заместителем академика-секретаря Отделения литературы и языка РАН, главным редактором журналов "Вопросы языкознания" и "Живая старина", возглавлял Российский Фонд гуманитарных исследований, принимал участие в работе Совета по научно-технической политике при президенте РФ.

Как всеобщую тяжелую потерю для русской науки и культуры и для мировой славистики восприняли печальную весть зарубежные коллеги. Н.И. Толстой был иностранным членом-корреспондентом Австрийской, Македонской, Сербской, Югославянской (Загребской), Словенской, Польской (Краков), Белорусской академий наук. В 1991 году он получил звание доктора *honoris causa* Люблинского университета в Польше. В январе сего года Парижский университет Сорбонны наградила академика Н.И. Толстого почетной медалью этого старейшего в Европе университета. В многочисленных телеграммах и факсах из славянских и европейских стран коллеги-ученые высказывают слова скорби и печали по случаю смерти выдающегося слависта, выражают уверенность, что его имя займет достойное место в истории науки. Связанные с Никитой Ильичом узами многолетнего сотрудничества и дружбы польские этнолингвисты из Люблина написали о нем следующие проникновенные слова: "Он был для нас не только ученым, но и Великим Русским Человеком, который – будучи воспитанным культурой и религией своей страны – тем не менее всегда держал свои глаза и сердце открытыми навстречу людям другой культуры, другой национальности, другого вероисповедания. Своими трудами он прокладывал путь к остро необходимому в трудные нынешние времена русско-польскому диалогу".

Друзья и коллеги, проработавшие с Никитой Ильичом бок о бок многие годы, сохраняют о нем самую сердечную, благодарную и долгую память.

В адрес близких и коллег Никиты Ильича в течение первой недели после трагического известия было получено более 90 телеграмм соболезнования. Вот некоторые из них:

Патриарх Московский и Всея Руси Алексий. 28 июня 1996 г.

Доктору филологических наук С.М. Толстой.

Выражаю искреннее соболезнование Вам, многоуважаемая Светлана Михайловна, родным и близким, коллегам, ученикам и всем знавшим и любившим покойного выдающегося Российского ученого – академика Никиту Ильича Толстого в связи с его кончиной.

Вся жизнь почившего была связана с научной работой и преподавательской деятельностью в Московском Государственном Университете, а в последние годы и в Российском Православном Университете. Весьма насыщенная жизнь Никиты Ильича была каждодневным служением науке и ближнему. Он создал свою лингвистическую школу, имел огромную аудиторию учеников и последователей. Будучи человеком-христианином, всегда спешил на помощь людям. Судьба многих из них успешно складывалась благодаря его участию и отзывчивости.

Ученые труды и заслуги почившего были по достоинству оценены во многих странах. Никита Ильич был почетным членом многих Академий мира, а также членом Общественного наблюдательного совета по воссозданию Храма Христа Спасителя. Его авторитет в научных кругах был и остается общепризнанным. Вместе с тем он неизменно являл пример скромности, доброты и порядочности, свойственных истинному православному христианину.

Да упокоит Господь душу новопреставленного Никиты Ильича в Своих небесных обителях, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная, и да сотворит ему вечную память.

С уважением *Алексий*, Патриарх Московский и Всея Руси.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Уважаемая Светлана Михайловна! Глубоко опечален известием о кончине Никиты Ильича. Россия потеряла не только выдающегося гражданина, ученого, гуманитария, но и человека удивительных качеств. Трудно оценить роль академика Никиты Ильича Толстого в работе Совета по научно-технической политике при Президенте Российской Федерации, на посту Председателя Российского Фонда гуманитарных исследований. Всю свою жизнь Никита Ильич защищал те ценности, которые обогащают и объединяют людей России. Примите мои искренние соболезнования.

Б. Ельцин

28 июня 1996 г.

Друзья и коллеги по работе, члены семьи и родственники Никиты Ильича благодарят всех, кто откликнулся на его кончину словами горечи и сочувствия. Свои глубокие соболезнования прислали и руководители правительственного уровня, и представители многих культурных и научных центров, и частные лица. Самыми массовыми были отклики от коллег из университетов, пединститутов, из научно-исследовательских институтов Академии наук, из Президиума РАН, по которым можно судить о широком спектре научных контактов Н.И. Толстого: получены телеграммы из Москвы, С.-Петербурга, Владимира, Волгограда, Курска, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Киева, Житомира, Львова, Одессы, Сум, Минска, Бреста, Мозыря, Тарту, Тбилиси, Еревана. Память выдающегося ученого почтили и многие зарубежные коллеги, прежде всего из славянских стран, а также из Франции, Германии, Италии, Греции, Израиля. Спасибо всем, кто разделил с нами горечь утраты и поддержал словами любви и уважения в адрес ушедшего от нас Никиты Ильича Толстого.

Памяти А.И. РОГОВА

(1935–1996)

9 июля 1996 г. скоропостижно скончался Александр Иванович Рогов, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, лауреат Государственной премии СССР (1982).

Вся продолжительная научная деятельность Александра Ивановича была неразрывно связана с Институтом славяноведения и балканистики РАН. После окончания исторического факультета МГУ в 1957 г. он работал в Археографической комиссии, в 1960–1963 гг. обучался в аспирантуре Института (научным руководителем его, как и в МГУ, был академик М.Н. Тихомиров), после окончания – сотрудник группы (позднее – сектора) славяно-германских отношений, а после его реорганизации – сектора (с 1993 г. – отдела) средневековой истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. С 1993 г. по март 1996 г. – главный редактор журнала "Славяноведение".

Перу А.И. Рогова принадлежит ряд монографий: "Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР" (М., 1961); "Русско-итальянские культурные связи в эпоху Возрождения" (М., 1966); "Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности" (М., 1970); "Музыкальная эстетика России XI–XVIII вв." (М., 1974); "Staroslovanske legendy ceskeho pivodu" (Praha, 1976, в соавторстве с Э. Благовой и В. Кошчалом); "Записки янычара" (М., 1978); "Александров" (Л., 1979). Им написаны разделы в ряде коллективных монографий, подготовленных в Институте славяноведения и балканистики и другими научными учреждениями, и несколько десятков статей и публикаций в отечественных и зарубежных научных журналах и сборниках (библиография работ А.И. Рогова полностью публикуется в сборнике, посвященном его памяти, подготовленном отделом средневековой истории ИСБ РАН).

За сухим перечнем званий, наград и публикаций трудно увидеть человека во всем его многообразии. Александр Иванович никогда не ассоциировался у знавших его со строчкой библиографии. Широта и глубина его научных познаний были общеизвестны, трудно назвать вопрос, с которым не обращались бы к нему в минуту затруднения и не получили бы на него обстоятельных ответов. Он писал профессиональные работы по истории музыки, изобразительному искусству и архитектуре. Необыкновенно широки были его славистические интересы, как в хронологическом, так и тематическом аспектах. Но в центре этих интересов стояли идея славянского единства в соединении с кирилло-мефодиевским наследием, исторические и культурные связи, *Slavia Christiana* (а для более позднего времени – *Slavia Orthodoxa*), взаимоотношения православного и католического славянства.

Большое место в научной жизни и творчестве Александра Ивановича занимала просветительская деятельность (лучшее определение подобрать трудно). Многие сотрудники не только нашего Института, но и других академических и учебных заведений помнят его лекции по истории древнерусской и славянской православной культуры, разные по конкретной тематике, но неизменно живые, наглядные и интересные. Проводимые им экскурсии по Москве, Подмоскovie, Золотому Кольцу и местам более отдаленным бесспорно составили целую эпоху в культурной жизни Института, они всегда привлекали массу людей, зачастую далеких от средневековой проблематики. В течение многих лет А.И. Рогов бесценно руководил секцией охраны памятников Московского Дома ученых, и заседания ее каждый раз превращались в праздник для объединившихся вокруг нее знатоков и ценителей русской духовной культуры разных возрастов и профессий. В качестве руководителя Александр Иванович всегда умел подобрать интересных докладчиков с интересными темами и новым материалом. Государственная премия была им более чем заслужена и выстрадана, хотя он был её удостоен в составе коллектива и почти по случайному поводу.

Педагогическая деятельность А.И. Рогова не ограничивалась только научным руководством дипломниками и аспирантами (к слову заметить, он был очень чутким руководителем, всегда учитывал, хотя и направлял, интересы самих учеников и никогда не навязывал тем). Для студентов 1960–1970-х годов, учившихся на историческом факультете МГУ, откровением явились его лекции по истории русской церкви, которые читал Александр Иванович в научном кружке по изучению Суздаля. Желая попасть на эти лекции было больше, чем позволяли небольшие аудитории (ограничение, по всей видимости, было сознательным со стороны администрации), но даже отдельные посещения этих лекций определили научный выбор немало числа студентов.

Всем знавшим Александра Ивановича хотя бы недолго трудно смириться с этой утратой, но забыть его щедрый талант и обаяние еще трудней.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1996 ГОДУ

К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН

Аксенова Е. П. 50 лет Института славяноведения и балканистики РАН.....	№ 6
Волков В. К. Российская историческая славистика на пороге XXI века: смена исследовательской парадигмы.....	№ 6
Досталь М. Ю. Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР.....	№ 6

Дискуссии

Вторая мировая война в художественной литературе стран Восточной Европы, 1960–1980-е годы.....	№ 3
Литература западных и южных славян периода мировой войны.....	№ 3
Славянские народы и вторая мировая война.....	№ 3

Статьи

Адельгейм И. Е. Психологическая проза Польши межвоенного двадцатилетия.....	№ 4
Борисенок Е. Ю. Формирование политической программы русского казачества в условиях эмиграции в Чехословакии (1920-е – начало 1930-х годов).....	№ 5
Варбот Ж. Ж. К этимологии рус. диал. <i>пестерь</i>	№ 1
Гальченко М. Г. Датированные новгородские рукописи конца XIV – первой половины XV в. и проблема второго южнославянского влияния.....	№ 1
Гиппиус А. А. "Русская правда" и "Возвращение Кирика" в Новгородской Кормчей 1282 г. (к характеристике языковой ситуации древнего Новгорода).....	№ 1
Дмитриев М. В. Посольство Ипатия Потия и Кирилла Терлецкого в Рим в 1595–1596 годах.....	№ 2
Ефимова В. С. Лексика со значением речи в старославянском языке. I. Слова с корнями -вѣт-, -бесѣд-, -каз-.....	№ 1
Запольская Н. Н. "Общеславянский" литературный язык: модели Ю. Крижанича (XVII в.) и М. Маяра (XIX в.).....	№ 1
Из словаря "Славянские древности".....	№ 5
Калашников А. А. Славянские этимологии. Польск. <i>oszczarki</i>	№ 1
Кишкин Л. С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы).....	№ 4
Козлитин В. Д. Общественная жизнь русских и украинских эмигрантов в Югославии (1920–1930-е годы).....	№ 5
Косик В. И. Русская Церковь в Югославии. 1921–1939 годы.....	№ 6
Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. Деятельность еп. Афанасия (Сахарова) по исправлению богослужебных книг.....	№ 1
Куркина Л. В. Слав. *plęsati.....	№ 1
Кьосева Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии.....	№ 4
Литаврин Г. Г. Свидетельство патриарха Никифора о рабах-византийцах у славян.....	№ 6
Люкс Л. Церковь и государство в коммунистической Польше: анатомия освобождения.....	№ 2
Марьина В. В. Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 года). Документальный очерк.....	№ 6
Молошная Т. Н. Грамматическая категория глагольной репрезентации в современных славянских языках.....	№ 4
Мюллер Л. Владимир Соловьев и католицизм.....	№ 2

Н. Т. К юбилею В.М. Живова.....	№ 1
Новицкая - Ежова А. Орден базилиан и его культурно-просветительская деятельность на украинно-белорусско-литовских землях Речи Посполитой.....	№ 2
Петрухин В. Я. Древнерусское двоеверие: понятие и феномен.....	№ 1
Ратобыльская А. В. Летописный рассказ о "движении волхвов" и религиозные представления финно-угров.....	№ 5
Сазонова Л. И. К понятию элогиарного стиля в русской поэзии XVII века.....	№ 1
Свирида И. И. "Польский день" в жизни Пушкина.....	№ 5
Сельверстова - Куль С. Е. Историография политики царизма в Белоруссии и национальное возрождение белорусов.....	№ 5
Случ С. З. Германо-советские отношения в 1918–1941 годах. Мотивы и последствия внешнеполитических решений.....	№ 3
Софронова Л. А. Смещение языков на Украине и в школьном театре.....	№ 1
Темчин С. Ю. Текстологическая значимость церковнославянской лексики: восточноболгарская лексика в древнерусском Мстиславом евангелии.....	№ 1
Толстой Н. И. Как называли сербы свой литературный язык в XVIII и начале XIX века?.....	№ 1
Толстая С. М. Магические функции отрицания в сакральных текстах.....	№ 1
Флоря Б. Н. Брестская уния 1596 г. и некоторые вопросы конфессиональных отношений на Украине и в Белоруссии в первой половине XVII века.....	№ 2

Сообщения

Даскалов Д. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии.....	№ 3
Дюришин Д. Влияние П.И. Шафарика на исследования межлитературной общности славянских литератур.....	№ 6
Желички Б. И. Элита партийной власти о характере и содержании событий 1956 года в Венгрии.....	№ 4
Лабынцев Ю. А. Народная литература православной Польши: 1918–1939.....	№ 2
Малиева Э. Заметки переводчика (Андрей Белый. "Петербург").....	№ 4
Щавинская Л. Л. Народные листки и брошюры, напечатанные Православной Церковью в межвоенной Польше.....	№ 2

Публикации

Соколовская О. В., Чуркина И. В. Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А.А. Киреевым.....	№ 4
---	-----

Материалы к учебнику церковнославянского языка

Кравецкий А. Г. Опыт словаря литургических символов.....	№ 2
--	-----

Материалы карпатских экспедиций

Николаев С. Л. Вокализм карпатоукраинских говоров. 2. Закарпатский ареал.....	№ 1
Николаев С. Л. Ударение существительных с <i>a</i> -основами в карпатоукраинских говорах (материалы).....	№ 4

Обзоры и рецензии

Белова О. В. А. Стойкова. Физиологът в южнославянските литератури.....	№ 5
Белова О. В., Петрухин В. Я. Славянское язычество: Новые исследования.....	№ 5
Болдов А. В. Rola i miejsce Polski w Europie. 1914–1957; S. Gregorowics, M. Zacharias. Polska-Związek Sowiecki. Stosunki polityczne. 1925–1939.....	№ 4
Васильев М. А. В.В. Седов. Славяне в древности.....	№ 4
Дзиффер Д. Римский миссал, хранящийся в Оломоуце.....	№ 2
Журавлев А. Ф. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах.....	№ 5
Злыднева Н. В. Руска емиграција у српској култури XX века.....	№ 4
Козлова Н. Н. Человек в контексте культуры. Славянский мир.....	№ 6
Коссек Н. В. Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.).....	№ 2

Лаптева Л. П. А. Гугнин. Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Краткий обзор; А. Гугнин. Серболужицкая литература в эпоху романтизма. Из серболужицкой поэзии; Zd. Boháč. České zeme a Lužice.....	№ 4
Мильников А. С. Этническое самосознание славян в XV столетии.....	№ 6
Николаенко В. В. История культуры и поэтика.....	№ 5
Петрухин В. Я. L. Moszynski. Die Vorchristliche Religion der Slawen in Lichte der slawischen Sprachwissenschaft.....	№ 4
Поп И. И. P.R. Magocsi. Historical Atlas of East Central Europe.....	№ 4
Сазонова Л. И. E. Malek, J. Wawrzyńczyk. Mały słownik terminologiczny literatury, folkloru i kultury staroruskiej.....	№ 5
Супрун А. Е. K. Polanski. Słownik etymologiczny języka Drzewian polabskich.....	№ 5
Тананаева Л. И. И.И. Свирида. Сады Века философов в Польше.....	№ 4
Топорков А. Л. Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд; Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговоры; Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст.....	№ 5
Топорков А. Л. С. А. Иванов. Византийское юродство.....	№ 6
Фрейденберг М. М. I. Voje. Nemirmi Balkan Zgodovinski preyled od 6. do 18. stoletja.....	№ 4

Научная жизнь

Белова О. В., Петрухин В. Я. "Путь из варяг в греки": проблемы этнокультурного взаимодействия в средневековом мире.....	№ 6
Бернштейну С.Б. 85 лет.....	№ 1
Досталь М. Ю. Славянская идея в портретах ее идеологов и интерпретаторов.....	№ 6
Верижникова Е., Демиденко С., Чепелевская Т. XXVIII Международный семинар македонского языка, литературы и культуры. Первая македонско-русская научная конференция.....	№ 6
Журавлев В. К. "Дело славистов" – трагедия отечественной науки.....	№ 4
Иванов С. А. "От мифа к истории": 15-я конференция цикла "Славяне и их соседи".....	№ 6
К 70-летию академика Г.Г. Литаврина.....	№ 1
К юбилею С.Б. Бернштейна.....	№ 5
XII Международный съезд славистов (Краков, 1998, тематика).....	№ 3
Отчет Института славяноведения и балканистики РАН за 1995 год.....	№ 3
Плотникова А. А. «"Низшая" мифология балканских славян».....	№ 6
Плотникова А. А., Усачева В. В. Этнолингвистическая конференция в Щецине.....	№ 5
Щавинская Л. Л. Первые шаги филологической информатики.....	№ 6
Памяти профессора Бодо Графенауера.....	№ 2
Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995).....	№ 2
Памяти А.И. Рогова (1935–1996).....	№ 6
Памяти Н.И. Толстого (1923–1996).....	№ 6
Книжная полка слависта.....	№ 3
Новые издания Института славяноведения и балканистики РАН.....	№ 1, 2, 3, 4, 6
Решение совещания главных редакторов гуманитарных журналов.....	№ 2

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ РАН

В 1993–1996 гг. в Институте славяноведения и балканистики РАН вышли следующие издания:

- * Тысячелетие введения христианства на Руси. М., 1993.
- * Дополнения к Предварительному списку славяно-рукописных книг XV в., хранящихся в СССР. М., 1993.
- * Косик В.И. Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе, 1886–1894 гг. М., 1993.
- * Костюшко И.И. Аграрная реформа 1848 г. в Австрии. М., 1993.
- * Шемякин А.Л. Радикальное движение в Сербии. М., 1993.
- * Липатов А.В. Литература в кругу шляхетской демократии. М., 1993.
- * Литературный авангард. Сб. статей. М., 1993.
- * Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. М., 1993.
- Натура и культура. Тезисы конференции. Москва, ноябрь, 1993.
- * Исследования по славянской диалектологии 2. М., 1993.
- * Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения II. М., 1993.
- * Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., 1993.
- * МАИРСК – 26. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень.
- * МАИРСК – 27.
- Пленники национальной идеи. М., 1993.
- * Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. Сб. статей. М., 1993.
- Европейское социалистическое движение. 1914–1917. Разрубить или развязать узлы? М., 1994.
- * Политические партии и движения в Восточной Европе. Проблемы адаптации к современным условиям. М., 1994.
- Польско-советская война. 1919–1920. (Ранее не опубликованные документы и материалы.) В 2-х частях. М., 1994.
- Михутина И.В. Польско-советская война, 1919–1920. М., 1994.
- * Улунян А.А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878. М., 1994.
- Российское византиноведение. Итоги и перспективы. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
- Славяне и их соседи. Греческий и славянский мир в средние века и раннее время. (Тезисы XIII конференции). М., 1994.
- * Фрейдзон В.И. Судьбы крестьянства в общественной мысли Хорватии XIX – нач. XX в. М., 1994.
- * Костюшко И.И. Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России в период перехода от феодализма к капитализму. М., 1994.
- * Шушарин В.П. Крестьянская война 1514 года в Венгрии. М., 1994.
- * Славянские съезды XIX–XX вв. Сб. статей. М., 1994.
- * НКВД и польское подполье. 1944–1945. (По "Особым папкам" И.В. Сталина). М., 1994.
- * Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции. М., 1994.
- * Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий). М., 1994.
- * Семенова Л.Е. Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV – первая половина XVI в.). М., 1994.

- * История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному Конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994.
- * Время в пространстве Балкан. Свидетельства языка. М., 1994.
- * Специфика литературных отношений. М., 1994.
- * Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1994. Вып. 2.
- Миф и культура. Человек – не-человек. Сб. тезисов конференции. М., 1994.
- * Кишкин Л.С. Литература среди искусства и наук. М., 1994.
- * Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства. М., 1995.
- * Бывшие "хозяйства" Восточной Европы. М., 1995.
- * Движение сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995.
- * Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995.
- * Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.). М., 1995.
- * Исследования по славянской диалектологии 3. Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Изучение вариативности в славянских диалектах. М., 1995.
- * Книга в пространстве культуры. Тезисы научной конференции. М., 1995.
- * Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995.
- * Национальный эрос в культуре. Тезисы докладов. М., 1995.
- * Никифоров Н.В. Сербия в середине XIX в. Начало деятельности по объединению сербских земель. М., 1995.
- * Постреволюционная Восточная Европа. Экономические ориентиры и политические коллизии. М., 1995.
- * Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сб. статей. М., 1995.
- * Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Апрель 1927 г. – февраль 1934 г. М., 1995.
- * Савченко В.Н. Восточнославянско-польское пограничье. 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание. М., 1995.
- * Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.
- * Славяне и их соседи. Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы (Тезисы XIV конференции). М., 1995.
- * Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 1995.
- У истоков "социалистического содружества": СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.
- Болгария и Россия. Сборник трудов Б.Н. Билунова. М., 1996.
- * Данченко С.И. Развитие сербской государственности и Россия 1878–1903. М., 1996.
- * Славянские языки в зеркале неславянского окружения. Тезисы международной конференции. 20–22 февраля 1996 г. М., 1996.
- * Улунян А.А. Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Биобиблиографический словарь. М., 1996. Т. I–II.
- Центральная Европа как исторический регион. М., 1996.

* Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения и балканистики РАН, комн. 920. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

FOR THE 50TH ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE FOR SLAVIC AND BALKAN STUDIES RAS

<i>Dostal M.Yu.</i> (Moscow). Unknown Documents on the Founding of the Institute for Slavic and Balcanic Studies establishment	3
<i>Aksenova E.P.</i> (Moscow). 50 years of the Institute for Slavic and Balkanic Studies of RAS	26
<i>Volkov V.K.</i> (Moscow) The Study of Slavic History in Russia on the threshold of XXI century: the changing of the research paradigme	45

ARTICLES

<i>Litavrin G.G.</i> (Moscow) The Patriarch Nikiphor's testimony on the Bizantynian slaves among the Slavs	58
<i>Kosik V.I.</i> (Moscow) The Russian Church in Yugoslavia. 1921–1939	66
<i>Maryina V.V.</i> (Moscow). E. Benesh: the last visit to Moscow (march 1945). A documental essay ..	77

COMMUNICATIONS

<i>Durishin D.</i> (Bratislava) P.J. Shafarik's influence on the research in the field of the Slavic literature's community	89
---	----

ARTICLE-REVIEWS AND REVIEWS

<i>Myl'nikov A.S.</i> The Ethnic Identity of the Slavs in XV cent.	92
<i>Kozlova N.N.</i> Man in the context of culture. Slavic world.	95
<i>Toporkov A.L.</i> S.A. Ivanov. The Bizantyne saloi (God's fools)	96

SCIENTIFIC LIFE

<i>Ivanov S.A.</i> From myth to history: the 15th conference of the cycle "Slavs and their neighbours" ...	99
<i>Belova O.V., Petrukhin V.Ya.</i> "The way from Varangians to Greeks": problems of ethnocultural interaction in the medieval world	101
<i>Veryzhnikova E., Demidenko S., Chepelevskaya T.</i> XXVIII International workshop on Macedonian Language, Literature and culture. The First Macedonian–Russian academic conference	104
<i>Plotnikova A.A.</i> The "Low" mythology of Balkanic Slavs	107
<i>Dostal M.Y.</i> Slavic idea in the portraits of its Ideologiets and Interpreters	110
<i>Chepelevskaya T.</i> The Conference "A Selfportrait of the Slav"	111
<i>Shavinskaya L.L.</i> The first steps of philological Informatics	115

N.I. Tolstoy (1923–1996). In memoriam.....	117
A.I. Rogov (1935–1996). In memoriam	120
Index of the articles and publications of 1996.....	122
New publications of the Institute for Slavic and Balcanic Studies.....	125

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 12.08.96	Подписано к печати 26.09.96	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать	Усл. печ. л. 11,4	Усл. кр.-отг. 8,1 тыс.
	Тираж 698 экз.	Уч.-изд. л. 12,8
	Зак. 267	Бум. л. 4,0

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
 Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ '97

российские и зарубежные
газеты, журналы, книги, учебники

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи ("ФУПС"). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"

Обращаем Ваше внимание!

Подписку можно оформить и непосредственно в редакции журнала с любого очередного номера. Это избавит Вас от значительной части расходов: цены редакционной подписки существенно ниже! К тому же вышедший номер Вы сможете получить в редакции сразу после выхода его из печати.

Пользуйтесь предоставленной Вам возможностью льготной подписки!

АПР

Агентство Подписки и Розницы

АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ

АРПИ

Агентство по распространению
печати издательства "Известия"

УГОДИЕ